

1251

1988

VIII

კავკასიურ-
ბლღმდმსწმსწმ
ზმმმმ

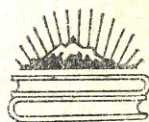
КАВКАЗСКО-
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ
СБОРНИК

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

ივ. ჯავახიშვილის სახ. ისტორიის, არქეოლოგიისა და ეთნოგრაფიის
ინსტიტუტი

კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური
კ რ ე ბ უ ლ ი

VIII

CAUCASIAN AND NEAR-EASTERN
STUDIES

КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ СБОРНИК

VIII

Сборник посвящен проблемам истории различных стран древнего Ближнего Востока и античного мира, в том числе Южного Закавказья. Его хронологические рамки охватывают III—I тысячелетия до н. э. Опубликованные в сборнике статьи социально-экономического, историко-филологического, этно-лингвистического содержания написаны видными учеными-специалистами, работающими в разных городах нашей страны (в Тбилиси, Москве, Ленинграде, Ереване, Баку и т. д.).

Предназначен для исследователей древней истории, для филологов.

კრებული ეძღვნება ძველი ახლო აღმოსავლეთისა და ანტიკური სამყაროს, მათ შორის სამხრეთ ამიერკავკასიის, სხვადასხვა ქვეყნის ისტორიის პრობლემებს. მისი ქრონოლოგიური ჩარჩოებია ძვ. წ. III—I ათასწლეულები. კრებულში გამოქვეყნებული სტატიები სოციალურ-ეკონომიკური, ისტორიულ-ფილოლოგიური, ეთნო-ლინგვისტური შინაარსისა დაწერილია ჩვენი ქვეყნის სხვადასხვა ქალაქში (თბილისში, მოსკოვში, ლენინგრადში, ერევანში, ბაქოსა და სხვაგან) მომუშავე გამოჩენილ მეცნიერ-სპეციალისტთა მიერ.

გამიზნულია ძველი ისტორიის მკვლევართათვის, ფილოლოგთათვის.

Ответственный редактор: Г. Г. Гиоргадзе

Рецензенты: Доктор филологических наук З. Г. Кикнадзе,
Кандидат исторических наук Г. С. Мамулия

К 0503010000 149—88 © Издательство «Мецниереба», 1988
М 607(06)—88
ISBN 5—520—00149—9

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

Основные положения марксистского учения об общественном развитии (главное в нем, как отмечал В. И. Ленин, тезис об единстве производительных сил и производственных отношений) делает наиболее естественным выделение трех основных этапов Всемирной истории — трех главных социально-экономических формаций, олицетворяющих, безусловно, единство стоящих на определенной ступени развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений (первобытное бесклассовое общество — классовое общество — развитое бесклассовое общество)¹.

Конечно, общество и на каждом названном этапе развития имеет свои собственные ступени развития и может быть представлено разными типами (видами). Каково положение с этой точки зрения в отношении классового общества — классового этапа общественного развития?

Основой стадияльной классификации классовых обществ должна быть удаленность от исходных первобытнообщинных условий (развитие частной собственности и классового антагонизма), или же близость к последующей (развитой бесклассовой — социалистической) стадии общественного развития (возвращение личной свободы непосредственному производителю, развитие общественного характера производства, высокий уровень развития производительных сил).

Стадиями развития классового общества могут быть, конечно, лишь этапы раннеклассового, развитого классового и позднеклассового общества. Из них первый и последний по своей сущности носят переходный характер и выделяются чертами, роднящими их с бесклассовым обществом; это сохранение (в позднеклассовом: приобретение) основной массой

¹ См.: Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического развития на древнем Востоке (Опыт стадияльно-типологической классификации классовых обществ), «Народы Азии и Африки», 1972, № 4, с. 53 и сл.

непосредственных производителей личной свободы, наличие (в позднеклассовом: развитие) коллективных форм производственной и общественной жизни, соответствующих бесклассовому обществу элементов идеологий и других надстроечных явлений. Для развитого классового общества же, наоборот, характерно максимальное отдаление от этих условий, потеря непосредственным производителем личной свободы и собственности на средства производства, наличие соответствующей расчлененному на противоборствующие классы (господ и угнетенных, богачей и бедных) обществу идеологии и других надстроечных явлений. Таким образом, естественно, за основу периодизации классового общества принять критерий степени раскола общества на антагонистические, противоборствующие классы, на господствующих и угнетенных, а также степень развития института частной собственности.

Однако классовые общества можно классифицировать и типологически — по типам производственных отношений — по основным типам эксплуатации. На основании лишь масштаба той или иной формы эксплуатации порой невозможно определить характер общества. Решающим может быть то, что именно эта форма является ведущей, растущей формой эксплуатации. Однако чем обусловлено подобное положение той или иной формы эксплуатации? Оно определено самим строем, структурой общества, нацеленным на порождение именно данной формы эксплуатации.

На Востоке развитие, в силу ряда причин, не вело к развитию собственности на людей, а также к созданию крупной рабовладельческой или феодальной собственности на основное средство производства — землю. Так, что перед нами глубоко своеобразная ситуация, имеющая очень мало общего с западным (греко-римским) рабовладельческим и западным феодальным обществами².

Таким образом, в «азиатском» обществе, в условиях слабого развития института частной собственности и ограниченности ее функционирования, а также присутствия других характерных особенностей раннеклассового общества, ведущая правящая прослойка, при наличии сильной центральной власти, не в состоянии успешно повести развитие в сторону ни рабовладельческого, ни западноевропейского феодализма — превратить в свою собственность всю совокупность земли и непосредственных производителей; эксплуататорские тенденции в этом обществе могут осуществляться в основном через

---

² Основную массу рабов как в греко-римских, так и древневосточных обществах составляли иноплеменники — военнопленные и их потомки. Исключительно ограниченное значение могло иметь превращение преступников в рабов, а также долговая кабала, существовавшая в некоторых местах и имеющая, видимо, в основном временный характер.

государство — через правящий аппарат «протофеодалными» средствами.

Вопрос, таким образом, как правило, состоит в том, что является основой выдвижения в привилегированную часть общества, каков характер господствующей части общества? Ведь даже наименование, номенклатура отдельных классовых обществ в марксистско-ленинской науке основана на выделении именно господствующей части общества, рабовладельческая (рабовладельцы!), феодальная (феодалы!), капиталистическая (капиталисты!). В раннеклассовых азиатских обществах это — в основном выполнение организаторских функций в хозяйственной, военной, общественной, культовой сфере. Экономическое благосостояние верхушки общества опирается именно на это и осуществляется путем владения, в качестве вознаграждения за службу, поместий, сел и т. д., с правом получения доходов (налогов) от них в свою пользу, или, в другом случае, получением вознаграждения от царской казны; затем это благополучие начинает укрепляться путем использования в хозяйстве и домашних работах рабов, путем привлечения к работе в своем хозяйстве в качестве наемных рабочих или посаженных на землю работников обедневших членов общества, неплатежеспособных должников, всяких оторванных от общины людей. Но все это является вторичным, дополнительным источником укрепления экономического и политического могущества правящей верхушки. Потеряв основу своих привилегий — управленческие функции, их привилегированное положение очень скоро, несомненно, улетучится и исчезнет.

Конечно, в таком обществе могли быть состоятельные люди (торговцы, богатые земледельцы-общинники или ремесленники) или просто разного рода ловкачи, не принадлежавшие к управленческому, военно-бюрократическому аппарату, и, вообще, среди свободного населения наблюдалась большая градация в имущественном положении, сильная имущественная дифференциация, но не это определяло характер общества.

Понятно, что совсем по иному обстоит дело в развитом, западно-европейского типа, феодальном обществе, в греко-римском рабовладельческом и, наконец, капиталистическом обществах.

Несмотря на существование полиса — этого крупного завоевания обедневшей части свободных граждан, но в то же время и орудия в руках привилегированных, верхушку общества образуют крупные собственники земли и рабов, пробиться в среду которых можно было бы не только через государственный аппарат, но и через сферу развитых торгово-денежных отношений.

В западноевропейском феодальном обществе совсем другой облик получает организация господствующего класса —

выдвинутое на первый план эпохой военное сословие использует государство и его управленческие функции, в силу ряда причин (более высокое развитие института частной собственности, слабость центральной власти и т. д.), лишь кратковременным трамплином для выдвижения в круг крупных собственников, прибравших в свои руки и землю и земледельцев. Роль государства «азиатского» общества здесь начинает играть ассоциация подобных представителей военного сословия — феодальная верхушка.

Наконец, при капитализме основным трамплином для выдвижения в господствующий класс является свободное от всяких ограничений собственности, купля-продажа этой, своей или чужой, собственности (земли и ее продукции, ремесленной и промышленной продукции, наконец, своего собственного труда). Поэтому там, где появилась такая собственность, развитие обязательно пойдет по пути капиталистических отношений и общество на самом деле является капиталистическим (может быть все еще: раннекапиталистическим), несмотря на то, велик или мал в данном обществе удельный вес эксплуатации собственно наемного труда.

Итак, определяющим господствующую форму эксплуатации и, следовательно, типом того или иного классового общества, в конечном счете, является «форма собственности» или — кто является «собственником условий производства» в широком смысле этого слова — кто и что является в обществе могущественным, всесильным, в чьих руках находятся рычаги общественной жизни. В «азиатском обществе» это — всемогущее государство, в западноевропейском — военное сословие феодалов, в античном — полис, в капиталистическом — капитал и капиталисты.

Степень развития и свободного функционирования института частной собственности является важнейшим фактором развития общества в ту или иную сторону, в том или ином направлении. От этого зависит какое направление примет внутренняя социально-экономическая дифференциация общества — будет происходить она на экономической или на политической основе. Общество с высоким развитием и свободным функционированием института частной собственности дифференцируется по экономическому признаку — для такого общества налицо два возможных варианта развития: один из них образование полиса и эксплуатация стоящих вне общества (общины — полиса) людей — рабов (античный полисно-рабовладельческий путь развития) и другой — эксплуатация обедневших, потерявших собственность, членов общества — эксплуатация наемного труда (капиталистический путь развития). Также два варианта предлагает другой путь развития, состоящий в дифференциации общества по политическому при-

знаку. Само развитие общества по этому пути определено именно слабым развитием института частной собственности или сильным ограничением его свободного функционирования. В таких условиях всемогущим становится политически ведущий слой общества (правители, организаторы, военачальники). И в этом случае развитие может иметь два варианта — при наличии сильной централизованной власти получается «азиатский» тип общества, при отсутствии этого фактора развитие направляется в русло феодализма западно-европейского типа.

Закон соответствия производительных сил и производственных отношений действует, конечно, и в пределах собственно классовой формации. Тот или иной тип производственных отношений вырастает на базе нужд производства, на базе разделения труда в процессе производства и воспроизводства материальной жизни общества. Но, как правило, из этого возникают силы, находящиеся за пределами собственно производств, которые в дальнейшем развиваются по собственным закономерностям и приходят в противоречие с создавшими их производительными силами (с интересами производства материальной жизни общества).

Каковы конкретно формы развития этого процесса? Общественное производство, само общество не может обойтись без создания институтов организации и защиты нормального функционирования общественного производства и общественной жизни вообще. Это насущная необходимость. Без этого обществу, его производственной жизни все время грозит опасность катастрофы, уничтожения. Опасность заключается в грозных силах природы, в имеющих преступные наклонности членах общества, в соседних обществах, стремящихся пожиться за его счет и т. д. На этой основе и происходит выделение носящей организаторские функции (в процессе общественного производства, в военной и культовой жизни общества) руководящей верхушки. С другой стороны, само материальное производство в той или иной мере нуждается также в обеспечении орудиями труда, «финансировании» и другими условиями производства, порой также в наличии обмена, торговли и т. п. Это способствует созданию слоя, оторванного от производства и занимающего лишь этим, что обыкновенно ведет к его обогащению и возвышению.

Созданные таким образом институты и его представители начинают вести себя самостоятельно и, наряду с выполнением своих настоящих функций, выявляют склонность к эксплуатации для собственной пользы труда непосредственного производителя, власть над которым они приобрели означенным путем, тенденцию овладения средствами производства и личностью производителя. Эта тенденция прямым образом на-

правлена против развития и нормального функционирования общественного производства и общественной жизни, поскольку ограничивает и притесняет его главное действующее лицо — непосредственного производителя. Таким образом создается и углубляется антагонизм, противоречие между производительными силами с одной стороны и производственными отношениями (вместе со всей их надстройкой), с другой. Создаются предпосылки для взрыва, который уничтожит ставшие оковами производственные отношения с соответствующей надстройкой и создаст новые...

Обыкновенно причину смены одного антагонистического общества другим в первую очередь ищут в развитии производительных сил. По нашему мнению, это неправильно. Его надо искать, в первую очередь, в изменении производственных отношений. Это они превращаются из формы развития (resp. функционирования) производительных сил в его оковы.

Конечно, как и классовое общество в целом, и отдельные классовые общества («азиатский», рабовладельческий, феодальный, капиталистический) являются отдельными структурами, но, структурами более низшего порядка, чем классовое общество в целом. Следовательно, не могут быть идентичными механизм развития классового общества вообще и механизм развития отдельных классовых обществ.

Каждое общество, в том числе и классовые общества, несомненно, являются определенной структурой — системой. Структурообразующим элементом, согласно учению марксизма-ленинизма, в них является экономический базис, однако определенной самостоятельностью располагают и надстроечные явления. Система может полнокровно функционировать, когда между ее элементами существуют тесные, прочные связи. Однако нарушение системных связей и на периферии системы — в надстроечных явлениях, между надстройкой и базисом, также действует разрушающе на систему. Вместе с тем следует помнить, что система (общество) может распасться не только вследствие нарушения внутрисистемных связей, но и под внешним воздействием. Оба варианта возможны и, поэтому, нельзя односторонним образом стремиться объяснить гибель того или иного общества, трансформацию одной системы в другую, обязательно лишь внутренними причинами.

Возникает мысль, не противоречит ли (подобная) классификация классовых обществ по признаку превосходства то экономически, то политически могущественной прослойки марксистскому тезису о примате экономической жизни в жизни общества. Конечно, нет. Основой жизни общества является производство условий жизни. Именно «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производ-

ственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³. Но как осуществляется в процессе общественного производства сложение таких «производственных отношений»? Главное здесь как происходит дифференциация на этом основании общества — раскол его на «непосредственных производителей» и «собственников условий производства»? Несомненно, в основе этого процесса лежит общественное разделение труда, вследствие которого в руках одних оказываются выгодные для возвышения общественные функции, а у других — неперспективные. «Перспективными» оказываются именно функции, непосредственно не связанные с процессом производства, а стоящие над ним, функции организаторские — будь то организация (ведение) хозяйства, культа или военного дела. Таким образом, дифференциация и возвышение в обществе определенного слоя пойдет на основе той функции, которая при генезисе того или иного строя является особенно необходимым для общества. В определенных условиях это профессиональные воины (западно-европейский феодализм), в другом случае — организаторы общественного производства («азиатский способ производства»), в третьем — организация общественной жизни, защита законности и порядка, посредничество между богом и людьми (культ), еще в другом случае — ведение торговли и промышленного (ремесленного) производства и т. д. Одним словом, функции, исполнения которых можно добиться власти над людьми, а что будет дальше — это уже нетрудно себе представить. — конечно, всемерное упрочение и увеличение власти, которой успешно пользуются выдвинувшиеся в обществе группы людей.

Почему сосредотачивается власть в руках носителей этих функций, а не в руках непосредственных производителей? Потому, что в их руки попадают функции более масштабные, общественные, в противовес непосредственным производителям, власть которых не выходит за рамки своей семьи (процесс производства осуществляется на заре классовообразования в масштабах отдельных, в основном «малых», иногда и «больших» семей).

Исходя из этого, можно противопоставить друг другу общества с приматом «общественного» (resp. политического) начала и общества с приматом «индивидуального» начала, на базе которого и формируется строй, порождающий дифференциацию в первую очередь по экономическому признаку.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

Еще раз следует оговорить, что и один, и другой тип общества являются порождением «общественного производства», организацией общества, в соответствии с достигнутым уровнем развития производственных сил и всем комплексом сложившихся внутренних и внешних условий, для наиболее эффективного, в тех конкретных исторических условиях, производства и воспроизводства материальных условий жизни общества.

Индивидуализация хозяйства и развитие института частной собственности в раннеантичной Греции, например, обусловили слабость носящей общественные функции политической власти и предопределили сложение общества античного типа. В то же время, необходимость ведения крупных общественных работ, как отмечал К. Маркс, обусловила возникновение т. н. «Азиатского способа производства». В условиях постоянных войн, переселений и т. д. естественно выдвигание военного слоя, приведшее в частности к западно-европейскому типу феодализма и т. д.

Почему в истории классовых обществ мы встречаем доминирование первого («азиатско»-феодального) типа? Второй тип встречается редко и скоро изживает себя. Последний является исключительным явлением, и, видимо, в значительной степени связан с фактом превосходства данного коллектива над окружающей средой. Именно это позволяет вынести бремя эксплуатации за пределы данного общества и обеспечить в определенной мере привилегированную жизнь для всей массы означенного общества (античное греко-римское и западноевропейское капиталистическое общества). Таким образом, этот тип развивается при резком неравенстве развития отдельных обществ и попадает в тупик, в кризисное положение, как только сильно меняется расстановка сил и делается все труднее обеспечение привилегированного положения данного коллектива. Поэтому даже в наименовании этих двух типов желательно отразить данный факт — явление «развитости», опережения обществ второго типа по отношению к окружающему их «миру».

Еще в одном аспекте эти два типа классовых обществ резко противопоставляются друг другу: это 1) общества с ограниченной частной собственностью и 2) общества со свободным функционированием частной собственности, хотя этот момент в некоторой мере можно отразить в наименованиях «Общество подданных» и «Общество собственников».

Можно подчеркнуть также наличие различия в определенном аспекте и противопоставить друг другу «Общества с ведущим положением внеэкономического принуждения» «Обществам с ведущим положением экономического принуждения».

Если второй тип легко поддается делению на подтипов (античный и капиталистический), то более сложно обстоят дело с делением первого типа классовых обществ («феодалного») на подтипы. Нам кажется его подтипами следует называть: 1) западно-европейский феодализм, 2) восточный феодализм и, наконец, 3) военно-аристократические раннеклассовые протофеодалные общества с ограниченной экономической базой. Сюда следует включить, в частности, общества т. н. «горского феодализма» и «кочевого феодализма», а также, возможно, ряд африканских обществ. Этот тип (подтип), также как и «восточный феодализм» следует квалифицировать как недоразвившиеся, в силу определенных причин, феодальные общества. Можно было бы предложить деление на два основных подтипа — 1) с господствующим военным сословием, 2) с господствующей служилой аристократией. В таком случае общества «Горского феодализма» и «Кочевого феодализма» придется отнести к начальной фазе развития первого из этих типов. Однако все же мы склоняемся к мысли о целесообразности выделения в качестве отдельного типа «раннеклассовых протофеодалных обществ», хотя бы потому, что для них, видимо, характерен все еще очень большой удельный вес родовых связей, использование родовых связей и институтов при функционировании общественных отношений, в том числе и «отношений господства и подчинения». В частности, выдвинувшиеся в обществе «сильные роды» видимо, энергично заботятся о сохранении «родового единства», о своей фамильной неделимой собственности, всячески сохраняют и укрепляют их. Опускающийся же все ниже и ниже «простой люд» меньше обременен родовыми связями и малая семья большее распространение получает у них в качестве основной общественной ячейки. Этим следует объяснить, что в наименовании привилегированного слоя начинают доминировать ссылки на «род» (ср. груз. «азнаури» — сын рода). И в феодальную эпоху, как известно, правящий феодальный класс свято хранит фамильное единство, воздерживается всячески на деление фамильной («родовой») собственности на собственность отдельных малых семей (и здесь можно привести много примеров из грузинской действительности. Также обстоит дело, видимо, в древней Армении, древней Персии и т. д.).

Известно, также, что такая военно-аристократическая верхушка энергично пользуется институтами родового строя, заботится об их сохранности, использует их для регулирования общественной жизни и, в конечном счете, для обеспечения и укрепления своей власти.

Конечно, даже в феодальную эпоху во многих странах сохраняется также и крестьянская община, община непосредственных производителей, однако она носит совершенно другие

функции (административная и фискальная ячейка) и не представляет большой опасности для феодальной верхушки, ^{часть} же даже помогает ей в осуществлении своего господства. В таких общинах нет общинной собственности (над пахотной землей, во всяком случае) и господствует (мало-, больше-) семейная собственность. Наглядные примеры этого можно найти в большом количестве среди кавказских горцев (resp. в обстановке, характерной для «Горского феодализма»).

Следовательно, для понимания протофеодальных военно-аристократических обществ большое значение будет иметь выяснение значения «родового» начала, «родовых» (resp. фамильных) связей в этом обществе, поскольку они, видимо, играли, большую (цементирующую) роль в жизни подсобных обществ.

Одним словом, при выделении отдельных «типов» или «подтипов» классовых обществ не может быть другого критерия, чем характер господствующего класса и его отношение к производящей массе. Поэтому собственник условий производства (земли и личности производителя), обладающий политической властью класс указывает на «западноевропейский» (resp. частнособственнический) феодализм, обладающий политической властью бюрократический класс же на «восточный» (resp. «государственный») феодализм». Наконец, следует выделить «протофеодальные (дофеодальные) многоукладные общества» с военно-аристократическим ведущим классом, эксплуатирующими протофеодальными средствами широкие слои своих соплеменников — свободных общинников, а также рабов (эксплуатируя последних частично «рабским» и частично также протофеодальными методами), общества все еще с большим удельным весом «родовых связей», с трансформированными и приобщенными к условиям эксплуататорского общества родовыми институтами.

Соответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил — один из основных тезисов марксистско-ленинского учения. Очень низкий уровень развития производительных сил (характерная для эпохи, предшествовавшей т. н. «неолитической революции»), с одной стороны, и очень высокий уровень, наступающий в новейшую эпоху, с другой, определяют существование свободных от эксплуатации обществ (первобытное бесклассовое общество и развитое бесклассовое общество). Средний между ними уровень развития производительных сил допускает наличие эксплуатации человека человеком, существование классовых обществ. Зависимость от уровня развития производительных сил ощущается и при выделении этапов развития самого классового общества — с одной стороны раннеклассового, и с другой — позднеклассового. Для первого характерен все еще низ-

кий уровень развития производительных сил, в то время как второй олицетворяет переход, в результате промышленной, а затем современной научно-технической революции, на этап исключительно высокого уровня развития производительных сил — создает основу для развитого бесклассового общества.

Однако правильно указывают, что производственные отношения соответствуют не только уровню, но и характеру развития производительных сил.

Такое соответствие налицо, в первую очередь, на примере рассмотренных выше раннеклассовых обществ, характеризующихся сравнительно ограниченной экономической базой (горские общества, скотоводческо-кочевые общества, возможно также общества тропической зоны, функционирующие в условиях низкого уровня развития производительных сил). В них эксплуататорские тенденции не находят простора для быстрого и безудержного поступательного развития.

Другая обстановка перед нами в земледельческих обществах — обществах, где земледелие становится главной отраслью экономики. В них эксплуататорские отношения получают возможность более свободного развития. Однако в них следует делать различие между обществами, в которых производство нуждается в проведении крупных общественных работ (иригация), и тех, в которых отсутствует необходимость проведения таких работ. Первые формируют общества т. н. «азиатского способа производства» с деспотической государственной властью, носящей организаторские функции служилой господствующей прослойкой и т. д. («Восточный феодализм»). Общества такого типа вследствие благоприятных природных условий образуются, как правило, раньше других, на раннем этапе развития и, поэтому, носят архаичные черты, олицетворяют архаичский этап развития классового общества.

На последующем этапе, в условиях более развитой техники, в частности военной техники и развития процесса индивидуализации хозяйственной жизни, более высокий удельный вес приобретает фактор ведения оборонительных или наступательных войн, превращавшихся в значительный источник добывания материальных благ. В условиях развития института частной собственности такие общества все больше приобретают черты развитого («западного») феодализма.

Своеобразный путь развития олицетворяют общества с нацеленной на рынок экономикой, высоким уровнем развития ремесленного производства и торгово-денежных отношений, активным включением в международный товарообмен с тенденцией неэквивалентной, приносящей высокий доход торговлей, сопутствующей развитием мореплавания и колонизацией. Этот путь развития приводит к образованию, с одной стороны (на раннем этапе), полисно-рабовладельческого, а с другой

(на позднем этапе), капиталистического обществ. В недрах последнего развиваются тенденции, ведущие к формированию еще более высокого этапа общественного развития — этапа развитого бесклассового общества (общественный характер производства, развитие государственно-монополистических форм собственности и т. д.). Поэтому данное общество в значительной мере олицетворяет позднеклассовый этап развития.

Если характер капиталистического общества как позднеклассового довольно четко вырисовывается (и характеризуется господством эксплуатации наемного труда — юридически свободных производителей), то какова иерархия других классовых обществ по признаку преобладания в них тех или иных форм эксплуатации?

Уже на заре классовообразования Ф. Энгельс допускает две тенденции в развитии эксплуататорских отношений⁴ — первая состоит в эксплуатации соплеменников, юридически все еще свободных производителей выделившейся из общей массы населения верхушкой, носящей общественно-полезные (организаторские) функции. Она является основой «азиатского способа производства» (resp. «восточного феодализма»), а другая — в развитии института рабства. Последнее, правда, в той или иной мере может существовать при всех классовых обществах — восточнофеодальных, западнофеодальных и даже капиталистических (см. рабство в Америке), но господствующей формой эксплуатации становится, видимо, лишь в античном (полисно-рабовладельческом) обществе. Протофеодальные формы эксплуатации, характерные в значительной мере для восточного общества (в широком смысле этого термина — «азиатского способа производства»), также как и рабство, являются наиболее ранними, древними формами эксплуатации и, следовательно, античный (полисно-рабовладельческий) тип общества этим признаком олицетворяет довольно низкий уровень классового общества. Также и определенным сохранением общинного начала (полис—община-государство) это общество заслуживает как будто квалификацию низкой ступени развития классовых отношений — классового общества. Однако по другим признакам — наличие нацеленного на рынок производства, высокое развитие торгово-денежных отношений и института частной собственности — оно олицетворяет черты наиболее высокой ступени развития классового общества. Это переплетение разных стадийальных черт определяет уникальность данного общества и ту огромную роль, которую оно сыграло в истории человечества. Наряду с наличием специфической экономической базы характер этого общества определяется в значительной мере наличием отсталого окружения,

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч., т. 20, с. 183—185.

на которое таким небольшим очагом развитой модели общества удастся переложить основное бремя эксплуатации. Что касается остальных типов классового общества они иерархически, по господствующим в них формам эксплуатации, располагаются в такой последовательности: общества с ограниченной экономической базой и стойким сохранением раннеклассовых отношений, восточные общества с преобладанием протофеодальных форм эксплуатации и, наконец, общества типа «западного феодализма». Последний является логическим развитием предшествующей, протофеодальной стадии, но осуществляется путем ее трансформации лишь при определенных обстоятельствах.

Еще раз подытоживая сказанное о соотносимости типологической классификации классовых обществ (раннеклассовый, протофеодальный — «восточнофеодальный» или «Азиатский способ» производства, рабовладельческий resp. полисно-рабовладельческий, западнофеодальный, капиталистический) со стадийной классификацией этих обществ (раннеклассовый, неразвитый классовый, развитый классовый, позднеклассовый) следует отметить, что в абстрактном плане, взяв за критерий развитие института частной собственности, распад общины и раскол общества на антагонистические классы — а затем обратный процесс, порой нельзя найти прямое соответствие того или иного типа тому или иному этапу стадийного развития классового общества. Полисно-рабовладельческий строй (древняя Греция, древний Рим), например, дает картину переплетения стадийно очень высоких, с одной стороны, и, с другой стороны, очень низких черт⁵. Также и феодальное западноевропейское общество соединяет в себя стадийно более низкие и более высокие явления. Если по развитию института частной собственности оно стоит ниже греко-римского общества, то по развитию городов и «третьего сословия» оно готовит общество к переходу на наиболее высокую ступень развития (капиталистический — позднеклассовый).

Своеобразное «восточнофеодальное общество» (т. н. «Азиатский способ производства», по номенклатуре К. Маркса), объединяющее в себя как древневосточные, так и средневековые восточные общества (конечно, не все; здесь налицо огромное своеобразие в развитии отдельных обществ) в основном носит черты неразвитого классового общества. Более четко это относится к собственно раннеклассовому обществу («горский феодализм», «кочевой феодализм»), которому уверенно можно дать однозначную стадийную характеристику, относя

⁵ Меликишвили Г. А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ, «Вестник Древней Истории», 1975, № 4, с. 23 и др.

его к раннеклассовой стадии развития общества. По сравнению с ним «восточнофеодальное общество» безусловно является стадияльно более развитым — оно, правда, обнаруживает и черты низкой, раннеклассовой ступени, однако, по признаку фактического раскола общества, явно выходит за рамки этого этапа развития. Следовательно более правильным будет если стадияльно мы его все же отделим от раннеклассовой ступени и отнесем к отдельному, но все же низкому этапу развития классового общества.

Конечно, не надо повсюду в истории искать в чистом виде вышеназванные типы обществ — конкретная действительность несравненно многообразна и дает бесконечное число отличных друг от друга обществ, имеющих порой черты разных типов классовых обществ в том или ином объеме⁶.

---

⁶ Поскольку аргументация некоторых высказанных в данной статье соображений более подробно изложена в других наших работах, считаем нужным привести перечень опубликованных нами на русском языке работ по этой проблеме: К вопросу о характере древнейших классовых обществ, «Вопросы Истории», 1966, № 11, с. 65—80; Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт стадияльно-типологической классификации классовых обществ), «Народы Азии и Африки», 1972, № 4, с. 53—64; Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ, «Вестник Древней Истории», 1975, № 2, с. 18—45; К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ, «История СССР», 1975, № 6, с. 44—53; К вопросу о социально-экономическом строе древней Иберии (Картли), «Вестник Древней Истории», 1977, № 4, с. 188—195; К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев, «Вестник Древней Истории», 1984, № 1, с. 27—50; «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи», «Кавказско-Ближневосточный Сборник», VII, Тбилиси, 1984, с. 9—23; Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества, «Вестник Древней Истории», 1985, № 4, с. 3—34; Некоторые черты развития ближневосточного общества в первой половине I тыс. до н. э., «Мацне (Известия) Академии наук Грузинской ССР», Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1986, № 3, с. 39—56.

И. АЛИЕВ

РОЛЬ МИДИЙСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АТРОПАТЕНА

Этническая картина Атропатены и языковая ситуация в этой стране в эпоху античности во многом остаются еще неясными ввиду незначительности источниковой базы. Однако общую картину этноязыковых изменений, происходивших в зоне Южного Азербайджана, начиная уже с начальных столетий I тысячелетия до н. э., набросать все же можно.

Решающую роль в этнических судьбах края сыграло завоевание Манны мидянами, положившее конец существованию самостоятельной государственности у местных племен почти на три столетия. Известно, что государство является важным фактором в этнических процессах, протекавших в тех или иных областях. Начиная с указанной времени и на протяжении веков мидийский этнический элемент играл важнейшую роль в политической, социальной и культурной жизни Южного Азербайджана.

Несмотря на господство в Южном Азербайджане и на смежных с ним территориях мидийского элемента, население региона продолжало, по-видимому, оставаться разнородным. Здесь еще в ахеменидское время жили сагартии, мики, утии, парикании, ортокорибантии, кадусии, дарейты, пантиматы, павсики, каспии, матиены, марды, парсии, анариаки и др. племена, которые не были ассимилированы мидянами.

Местные элементы в Приурмийском районе сохранялись, несмотря на всевозможные пертурбации еще в античную эпоху. Об этом, по-видимому, свидетельствует наименование хотя бы ма(н)тиенов, упоминаемое на протяжении длительного времени. Однако большая часть названных выше племен была ираноязычной. Это определенно можно сказать о сагартях, ортокорибантиях, кадусиях, париканиях, мардах, почти несомненно — о дарейтах и пантиматах. Трудно сказать, почему названные, так сказать, «автономные» племена не были ассимилированы мидянами.

Значительный ираноязычный элемент имелся на интере-

сующей нас территории еще в эпоху Маннейского царства¹. Однако в ту пору в Южном Азербайджане сохранялись и даже преобладали местные этнические элементы. Со времени же мидийского завоевания этно-языковая картина края начинает резко меняться. По форме и характеру расселения мидийских групп населения на территории Южного Азербайджана в эпоху завоевания его мидянами, очевидно, следует отличать от той иммиграции ираноязычных племен, имевшей место, по-видимому, в самом конце II и начале I тысячелетия до н. э., которая была следствием перемещения огромных масс населения, значительные группы которого вселялись в области Манны. Расселение же здесь мидян, судя по всему, представляло собой, так сказать, микромиграции — переселение относительно небольшими группами, возможно, даже отдельными семьями, с чем мы нередко сталкиваемся в истории². Процесс этот, по-видимому, был относительно длительным, но результаты его были, так сказать, «верными».

Говоря о расселении мидян в областях Манны, мы не должны забывать о том, что при переселении группы (или группы) людей на новые места обитания не только сами мигранты, но и их потомки обычно, за редкими исключениями, сохраняют свои прежние отличительные, т. е. этнические свойства³. Особенно прочно сохраняются особенности культуры и психики⁴ — общность (имеется в виду общность с этносом от которого «оторвались» те или иные его группы) мировоззрений, культурных и религиозных традиций и связанных с ними ритуалов, а также общность языка, а через все это — представления о принадлежности к одному целому (т. е. к тому самому целому, от которого в силу тех или иных причин «оторвалась» та или иная часть этнической общности), т. е. — этническое самосознание, являвшееся неотъемлемым компонентом этноса⁵.

Правда, нам известны случаи, когда иммигранты, вселявшиеся в иноплеменную среду, теряли свои этнические свойства, переставали быть частью «материнского этноса», растворялись в новой местной этнической среде, ассимилировались ею⁶.

Но мы хорошо знаем, что с мидянами, поселившимися в Атропатене, этого не случилось.

---

¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 36.

³ Там же, с. 35.

⁴ Там же, с. 37.

⁵ Бромлей Ю. В. Очерки по теории этноса, с. 173 и сл.

⁶ См. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. СЭ, 2, 1968.

Общий рост общественного и культурного уровня аборигенов земель, расположенных к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости восприятия общепонятного для всего населения Южного Азербайджана языка, какого в ту пору на интересующей нас территории не было, а существовали различные языки, носители которых друг друга по-видимому не понимали. Некоторое исключение следует сделать для части территории Манны, где были заметны признаки этнической консолидации, и где, возможно, выработался в какой-то мере общепонятный язык. Однако в связи с падением Маннейского государства этот процесс сошел на нет.

Мидийское господство в Манне, несомненно, должно было усилить восприятие иранских наречий северо-западной, именно мидийской, группы в качестве языка взаимного общения в Южном Азербайджане. Этот иранский язык (точнее, близкородственные наречия северозападной иранской группы) был языком широко распространенным и при том, как свидетельствуют данные античных авторов и ономастический материал, распространенный в более или менее единообразных формах на обширнейших пространствах, начиная от Аракса и Урмии и кончая современной Туркменией⁷. Конечно, местные языки Южного Азербайджана не могли ни в коей мере выдержать конкуренцию с говорами мидийского языка.

Язык, как средство передачи культурных ценностей и традиций, имел огромное значение для развития культуры в самом широком смысле. Он, несомненно, является основным признаком этноса⁸. Смена языка обычно сопровождалась изменениями и других основных черт культуры этноса, этнической общности — в быту, военном деле, социальной структуре, политических институтах, религии и т. д. Говоря иначе — смена языка обычно (во втором или третьем поколении) влечет за собою утрату этнического самосознания, смену этнической принадлежности⁹.

Благодаря интенсивно протекавшим ассимиляционным процессам уже, по-видимому, в предахеменидское время маннейские племена начинают постепенно сливаться с мидянами. О деэтнизации населения Манны говорит утрата самого термина «Манна» и этнонима «манней». В последний раз Манна упоминается в начале VI века до н. э.

⁷ Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индо-иранских народностей. Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 35.

⁸ Эта точка зрения не вызывает сомнения у лингвистов. Значительная часть этнографов также придерживается этого положения.

⁹ См. Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 54.

От маннеев в античное время, можно сказать, не осталось и следа. Поэтому совсем не удивительно, что ни надписи Дария I, ни Геродот не знают ни Манны, ни маннеев. Мало того, есть весьма веские основания считать, что при Дарии I прежние манней назывались уже мидянами¹⁰.

Манна вскоре после мидийского завоевания начинает восприниматься внешним миром как составная часть Мидии, как Малая Мидия.

Мы хорошо знаем, что Мидия Атропатена (Атропатийская Мидия, Малая Мидия, Атропатия) в глазах окружающих народов представлялась частью Большой Мидии, а население ее — мидянами. Большинство наших источников Атропату действительно считает частью Мидии (в частности, такой осведомленный автор, как Страбон), называет просто «Мидией» (в частности, Тацит), что, по-видимому, и было официальным названием страны¹¹. Так называли край этот и много позднее. Мидянами называли население Южного Азербайджана персидские официальные документы (надпись Дария I), античные авторы (Страбон, Плиний, Юстин и многие другие) и вековые их соседи — армяне.

Смешиваясь с аборигенами, мидяне, так сказать, физически вливались в состав аборигенов региона.

О том, что местные племена Манны, возможно, в пред-ахеменидское и уж, во всяком случае, в ахеменидское время восприняли говоры мидийского языка, утратили свое этническое самосознание и перестали быть этническими общностями, постепенно превратившись в мидян, свидетельствует не только то, что в ахеменидский период эти племена именовались мидянами, а то обстоятельство, что, согласно целому ряду независимых друг от друга данных, мидийский язык в ту пору действительно был распространен на территории Южного Азербайджана.

Сам по себе факт наименования населения Южного Азербайджана мидянами хотя и очень важен, но не может иметь бесспорной доказательной силы в деле определения этноязыковой принадлежности его. Название страны (хороним) и наименование народа (этноним) не всегда могут свидетельствовать о языке самого народа.

Хотя письменные памятники мидийско-атропатенского языка эпохи античности до сих пор и не обнаружены, тем не менее, мы с полным основанием можем утверждать, что так

¹⁰ См. Kent R. Old Persian Grammar, Text, Lexicon. New Haven, 1950, с. 142 сл.; Godar A. Le Trésor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950, с. 125.

¹¹ См. Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 452.

называемый среднемидийский язык¹² Атропатены был, несомненно, иранским, причем, языком широко распространенным. Об этом со всей определенностью говорит не только хорошо известная этнолингвистическая ситуация на территории Азербайджана эпохи раннего средневековья (о чем свидетельствуют арабские авторы), которая, так сказать, ретроспективно может быть спроецирована вглубь веков, но и немало других данных.

Сохранившиеся островками иранские диалекты Южного Азербайджана — харзани, халхали, карингани и другие обнаруживают значительные связи с иранскими диалектами Северо-Западного и Центрального Ирана¹³. Ряд авторитетных ученых, считая иранские диалекты, распространенные ныне и в эпоху раннего средневековья на территории Южного Азербайджана, остатками языков, бытовавших в этом регионе в древности, полагает, что ныне сохранившиеся иранские диалекты Северо-Западного и Центрального Ирана являются реликтами некогда мощного массива¹⁴.

Чрезвычайно важно отметить, что как иранские диалекты, засвидетельствованные в Южном Азербайджане в эпоху раннего средневековья, так и ныне сохранившиеся на этой территории иранские диалекты (и те и другие относятся к северо-западной иранской группе) отличаются теми же особенностями, которые характеризуют мидийский язык¹⁵. Поэтому можно полагать, что они являются потомками мидийского языка или вероятнее — мидийских диалектов.

Совершенно бесспорно, что иранские диалекты, засвидетельствованные на территории Азербайджана, не могли появиться здесь ни в новое время, ни в средние века.

Материалы об этих диалектах не оставляют сомнения в том, что на интересующей нас территории задолго до эпохи средневековья были широко распространены иранские языки и диалекты.

Следовательно, положение о том, что иранские языки и диалекты северо-западной группы были широко распространены на территории Южного Азербайджана уже в эпоху древности не должно вызывать никакого сомнения. Столь же несомненно, что господствующим языком региона мог быть только

¹² Периханян А. Г. Арамейская надпись из Зангезура. ИФЖ. 4 1965. Так же он называется в исследованиях В. Ленца, В. Б. Хеннинга и др.

¹³ Henning W. B. The Ancient Language of Azerbaijan, „Transaction of the Philological Society“. London, 1955; Herfeld E. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1935, с. 10 сл.

¹⁴ Там же, с. 16 сл.

¹⁵ Миллер В. Б. Талышский язык. М., 1953, с. 53 и др.; Дьяконов И. М. Указ. соч., с. 92, 381—382.

мидийский с его диалектами. Это вытекает не только из хорошо известных фактов широкого расселения на интересующих нас территориях мидийских этнических элементов еще в эпоху античности, — из обозначения населения страны этнонимом «мидяне», а самой страны — «Мидией», распространения здесь в раннем средневековье языка и диалектов, а в новое время — диалектов, так сказать, мидийской группы, но и из других совершенно бесспорных данных. Это прежде всего данные древнеармянского языка¹⁶. В древнеармянском языке, наряду с парфянскими и среднеперсидскими, имеется определенное количество заимствований из так называемого среднемидийского, или мидийско-атропатенского языка, что позволяет нам в общем виде представить себе этот язык.

Следы влияния среднемидийского заметны не только в армянском, но и в других языках. По мнению авторитетных ученых, язык, на котором составлена одна из версий армазской билингвы, надписи обнаруженной в Мцхете (Грузия) и относящейся ко II веку до н. э., следует считать близким к среднемидийскому¹⁷.

Как отмечалось выше, расселение мидийских элементов на территории Манны после ее завоевания мидянами, несомненно, должно было сопровождаться интенсивными этническими процессами.

Процессы эти шли не одно столетие. При всем, однако, нет никакого сомнения в том, что политически господствующим, социально и этнокультурно ведущим в Атропатенском царстве был мидийский этнический элемент, в основном к тому времени уже перемоловший местные племенные группы.

В процессе длительного взаимодействия местных этнических элементов и пришлых групп мидийского населения постепенно складывался новый этнос. Этому в огромной степени должно было способствовать возникшее в последней четверти IV века до н. э. государство. Государство, как известно, выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения, часто предопределяя их направленность при формировании народностей¹⁸.

В эллинистическую пору именно Малая Мидия, окончательно обособившаяся от Большой Мидии и ставшая самостоятельной, область, в которой, благодаря длительному процессу концентрации мидийского этноса, завершается процесс интеграции части его и возникает новая народность, в новых условиях, когда в собственно Мидии все мидийское, можно ска-

¹⁶ См. Перихаян А. Г. Указ. соч., с. 109 сл.

¹⁷ Henning W. B. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik, I, IV, Iranistik, I. Linguistik.* Leiden—Köln, 1958, с. 39.

¹⁸ Бромлей Ю. В. *Очерки...*, с. 288.

зять, уже «растворилось» или почти растворилось, становится по существу единственной Мидией, где продолжались старые мидийские традиции прежней Мидии.

Сложившаяся новая этническая общность, по-видимому, мало чем отличалась от, так сказать, «старых» мидян, и, поскольку мы это знаем, в этнокультурном отношении, в области социальных институтов и т. д., не очень тесно была связана с местной средой предшествующих эпох. Независимо от того, что этот этнос генетически, в соматическом отношении, в каких-то других своих проявлениях и чертах в значительной степени был связан с местной средой, сложившаяся общность была не кутийско-луллубейско-хурритско-маннейской, а мидийской, мидийско-атропатенской.

Итак, в эллинистическую пору на территории Южного Азербайджана появляется новая этническая общность со своим языком, самоназванием (этнонимом), почти несомненно, этническим самосознанием и другими неотъемлемыми компонентами этноса.

Интересно отметить, что общенародные языки — койнэ в Армении и Иберии (Восточной Грузии) возникают именно в то самое время, что и в Атропатене¹⁹.

Давая общую характеристику атропатенского феномена, чрезвычайно важно отметить, что именно в атропатенский период истории Азербайджана было положено начало самого понятия «Азербайджан», а также связанных с ним явлений и обстоятельств этнокультурного, социального и политического характера. Перефразировав применительно к нашему случаю знаменитые слова «Повести временных лет», мы с полным основанием можем сказать, что от *Атарпатакана «...есть пошла Азербайджанская земля». Именно отсюда пошла собственно древнеазербайджанская государственность и древнеазербайджанская, точнее — атропатенская мидийская народность. Да и сам хороним «Азербайджан» в основе своей восходит к тому времени и является закономерно измененной формой древнего *Ātarpatakāna.

Хороним «Азербайджан» через посредство ряда засвидетельствованных в источниках промежуточных форм, являвшихся закономерными фонетическими вариантами одного и того же наименования, восходит к форме *Ātarpatakāna и означает просто «Атарпатовская (принадлежащая Атарпату)», а вовсе не «Страна огней».

Иранским был не только хороним, но, как было сказано выше, и язык Атропатены. Иранским был язык зороастрий-

¹⁹ История Древнего Мира. Расцвет древних обществ, т. II. М., 1982, с. 420.

ской религии и почти несомненно социально-экономическая, политическая и культурная терминология, о чем вполне определенно свидетельствует ситуация в сасанидский период.

Сказанное вовсе не означает, что мы вычеркиваем из числа предков азербайджанского народа группы хурритов, кутиев, лудлубеев, маннеев и другие племена, обитавшие в зоне Южного Азербайджана и на прилегающих территориях в более раннее время. Упомянутые племена и народы — это предтечи, наша предыстория, от которых мы, конечно, не собираемся отказываться.

Все племена и народы, обитавшие на земле Азербайджана, сыграли свою, причем, важную роль в этнических процессах, протекавших на интересующей нас территории. Все они вливались в этнические общности, формировавшиеся здесь в разные эпохи, а в конечном счете — в этническую общность, возникшую в последние века до н. э., в формировании которой решающая роль принадлежала мидянам.

На протяжении значительно более тысячелетнего периода (со времени завоевания Южного Азербайджана мидянами) история края — это история мидян (уже смешавшихся с абorigенами края) в новых условиях, это история новомидийского государства (на протяжении более 300 лет) и т. д. Таким образом, история Атропатены — это продолжение истории части мидян, но уже, так сказать, «новых» мидян в условиях Южного Азербайджана.

Вот почему мы с полным основанием в числе предков азербайджанского народа называем не только древнейших насельников края, но и пришлых ираноязычных мидян, вся предшествующая история которых становится и нашей историей, историей и нашего народа.

Через мидян насельники Азербайджана приобщаются к индо-иранскому, шире — индоевропейскому миру, обретают родство с иранцами, индусами, германцами, славянами и др. народами. Именно через мидян они становятся наследниками и иранской культуры, имея право на этот богатый мир, на эпос, Авесту, зороастрово учение и на многое другое.

Н. В. АРУТЮНЯН

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДА ИРДАНИУНИ УРАРТСКОЙ КЛИНОПИСИ

Установление локализации города Ирданиуни является одним из наиболее трудоемких вопросов урартской топонимики. Это объясняется тем, что данный город, с одной стороны, упоминается лишь в урартской надписи из Ганлиджы-Мармашена, а с другой — имеющиеся в надписи сведения не позволяют сказать что-нибудь определенное по поводу местоположения Ирданиуни.

Именно сказанным следует объяснить то обстоятельство, что, хотя Ганлиджинская надпись известна все еще со второй половины прошлого столетия, тем не менее исследователи урартской эпиграфики вплоть до последнего времени вопросом локализации города Ирданиуни конкретно не занимались.

М. В. Никольский, например, в свое время высказал предположение, что Ирданиуни следует искать на месте села Ганлиджа и считал его пограничным городом между странами Эриахи и Ишкигулу¹.

И. И. Мещанинов, без какого-либо разбора материала, между прочим отмечает, что Ирданиуни находился в стране Эриахи².

То же самое по интересующему нас вопросу в свое время предположил также Г. А. Капанцян — город Ирданиуни, по его мнению, принадлежал стране Эриахи³.

Мнение же Н. Адонца по поводу локализации Ирданиуни как будто в общей сложности совпадает с точкой зрения М. В. Никольского. Он думает, что будто Ирданиуни — город страны Эриахи, находился у страны Ишкигулу⁴.

Несколько более осторожное мнение о местоположении города Ирданиуни высказал Г. А. Меликишвили. Хотя поселение Ирданиуни он склонен локализовать в районе совр. го-

¹ Никольский М. В. КНЗ, с. 86—87.

² Мещанинов И. И. Халдоведение, Баку, 1927, с. 26.

³ Капанцян Г. А. История Урарту (на арм. яз.), Ереван, 1940, с. 171.

⁴ Adontz N. Histoire d'Arménie, Paris, 1946.

рода Ленинанкана, все же не совсем уверен о принадлежности этого поселения стране Эриахи⁵.

Новый шаг по поводу локализации города Ирданиуни сделан несколько позже, когда в специальной литературе было обращено надлежащее внимание на то весьма важное обстоятельство, что текст надписи Аргишти I из Ганлиджды-Мармашена в общей сложности совпадает с соответствующим отрывком XIII года летописи того же урартского царя⁶. Для наглядности ниже приводим эти тексты:

1) ... 'Argištiše alie ʕaubi 'Eriaḫi KUR-ni ʕaubi URU Irdaniuni paḡi KUR Iṣqigulu (Мармашенская надпись)⁷.

...Аргишти говорит: [Я] завоевал страну племени Эриахи, завоевал город Ирданиуни [дошел] до страны Ишкигулу.

2) ... ʕaibi Eriaḫi I UR-nie 'Katarzæ I UR-[nie] kuṭeadi paḡi KUR Iṣqigulu[e] (Хорхорская летопись)⁸.

...[Я] завоевал страну племени Эриахи, страну племени Катарза, дошел до страны Ишкигулу.

Следовательно, на основании приведенных выше идентичных текстов Мармашенской надписи и Хорхорской летописи в специальной литературе было замечено, что в обоих случаях совпадают начальные (Эриахи) и конечные (Ишкигулу) объекты, в то время как отличаются промежуточные географические единицы — страна племени Катарза (Хорхорская летопись) и город Ирданиуни (Мармашенская надпись).

Исходя из сказанного, было заключено, что в данном случае, (Хорхорская летопись) мы имеем дело с собственно областью (Катарза), а в другом (Мармашенская надпись) — с ее центром (Ирданиуни)⁹.

Однако впоследствии И. М. Дьяконов и С. М. Кашкай, основываясь лишь на данных Мармашенской надписи (но игнорируя идентичные сведения Хорхорской летописи), поселение Ирданиуни вновь неопределенно локализовали где-то между странами Эриахи и Ишкигулу¹⁰. Кстати, исходя из данных

⁵ Меликишвили Г. А. УКН, с. 430; он же, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, с. 63.

⁶ Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту), Ереван, 1970, с. 232.

⁷ УКН, 133=HchI, 80, § 12, с. 47—49.

⁸ УКН, 127, V, 47—49=HchI, 80, § 12, с. 47—49.

⁹ Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту), с. 232; Harouthiounian N. Nouvelles interprétations dans la toponymie d'Urartu, „Archiv für Orientforschung“ 19, Horn, 1982, p. 234.

¹⁰ Diakonoff I. M., Kashkai S. M. Geographical Names According to Urartian Texts, „Répertoire géographique des textes cunéiformes“, Band 9, Wiesbaden, 1981, p. 29.

Мармашенской надписи это мнение ближе к истине, чем высказанное ранее необоснованное мнение будто о принадлежности поселения Ирданиуни стране Эриахи.

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что в Мармашенской надписи речь идет не о завоевании страны Эриахи со своим центром Ирданиуни, как это думают некоторые исследователи урартской эпиграфики, а о «завоевании страны Эриахи, завоевании города Ирданиуни и достижении страны Ишкигулу». Ведь не случайно в тексте повторяется глагол «завоевывать» (*ḥaubi*) и при стране Эриахи, и при городе Ирданиуни. Это означает, что здесь мы имеем дело с разными объектами. В противном же случае урартский царь Аргишти I преподнес бы факты так, как это налицо, например, в его надписи из Элар-Абовяна: *ḥauni KUR Uluaniei KURebani URUDarani KUR-nie* «(Он) завоевал страну Улуани — страну города Дарани»¹¹. Трудно сомневаться в том, что здесь речь идет об одном и том же объекте, который в тексте именуется то по названию самой страны, то по имени ее центра.

Что касается Мармашенской надписи, то она посвящена не завоеванию какого-либо одного объекта, а в ней описан маршрут большого похода, при котором урартские войска в начале пути завоевали страну Эриахи, а затем, в продолжении маршрута, захватили город Ирданиуни (очевидно, центр другой области), после чего они дошли до пределов какой-то третьей страны — Ишкигулу. Последняя область, по всей видимости, не была завоевана урартами, так как текст гласит лишь о том, что они дошли до страны Ишкигулу: (*kuṭeadi*)¹² *ra-ḡi KURİşiqigulu*.

С новыми предложениями о локализации и датировке города Ирданиуни в последнее время выступил О. О. Карагёзян, однако в этих предложениях, к сожалению, нет никакой маломальски серьезных аргументаций. Наоборот, город Ирданиуни урартской надписи, без какого-либо основания, у этого автора, с одной стороны, отождествляется с поздним Кумайри—Александрополь—Ленинаканом, а с другой — на основании археологического материала, добытого в районе современного Ленинакана, город Ирданиуни клинописных источников

¹¹ УЖН, 131=NchI, 85, с. 6—7.

¹² Привлекает к себе внимание тот немаловажный факт, что в подготовленной для надписи части Мармашенской скалы не оказалось места для высечения глагола *kuṭeadi* [«я» дошел], в то время как была непременная необходимость повторения глагола *ḥaubi* «[я] завоевал» при самостоятельных географических названиях Эриахи и Ирданиуни. Этот факт тоже намекает на то, что город Ирданиуни не имеет отношения к стране Эриахи.

датируется им «с точностью» (вплоть до единиц)¹³, в то время как сами археологи эти свои материалы осторожно датируют в пределах тысячелетий и столетий.

Каким чудом тот или другой археологический объект в районе Ленинакана мог стать именно городом Ирданиуни Мармашенской клинописи, а Ирданиуни, в свою очередь — поздним Кумайри, в то время, когда и в наши дни Мармашенская надпись находится на расстоянии около 8 км к северо-западу от Кумайри-Ленинакана, а Ирданиуни и Кумайри даже формально не совпадают друг с другом? Эти вопросы абсолютно не интересуют О. О. Карагёзяна. Его интересуют лишь два других вопроса: во что бы то ни стало Ирданиуни Мармашенской клинописи как-нибудь отождествить именно с Кумайри-Ленинаканом и чтобы на основании археологического материала и Хорхорской летописи этому городу в настоящее время исполнилось — ни больше, ни меньше — ровно 3250 лет. И это в том случае, когда Ирданиуни в Хорхорской летописи не упоминается и связь Мармашенской надписи с соответствующим отрывком Хорхорской летописи он принимает лишь формально (прямо скажем, для датировки Ирданиуни), иначе он должен был город Ирданиуни Мармашенской надписи произвольно отнести к стране Эриахи, а, как это подсказывает текст Хорхорской летописи, именно к области Катарза.

Не стоит особо полемизировать с несерьезными доводами О. О. Карагёзяна, когда он в статье неуместно приводит много ненужных фактов из урартских надписей о завоевании той или иной отдельной страны со своим центром, о будто сознательном пропуске названия страны Катарза в Мармашенской надписи и, наоборот, почему-то об особом подчеркивании многого центра страны Эриахи—Ирданиуни, о будто несостоятельности отнесения города Ирданиуни Мармашенской надписи к стране Катарза, так как отождествленная в специальной литературе с Катарзой область Кларджети-Кгарджк древнегрузинских и древнеармянских источников находилась в правобережной полосе Чороха, в то время как отождествленный с Ирданиуни совр. город Ардвин — наоборот, на левом берегу той же реки.

Обо всем этом, однако, по порядку.

1. Приведенные О. О. Карагёзяном факты из урартских надписей о завоевании страны Цапагили-Цапайили с городом Уиши, страны Эрикуахи с городом Лухиуни, страны Диаухи с царским городом Шашиллу, племени Кулиаини с городом Дурубани, страны Улуани с городом Дарани, страны племени Аштухини с городом Ахуриани, страны Гиарниани (здесь ав-

¹³ Карагёзян О. О. Городу Ирданиу — 3250 лет, — «Вестник общественных наук» АН Арм. ССР, 1985, № 1, с. 53—64.

тор статьи «читает» название какого-то мнимого города) страны Пулуади с городом Либлиуни не имеют ничего общего с текстом интересующей нас Мармашенской надписи. В этой связи привлекает к себе внимание тот факт, что перечисленные выше тексты повествуют о завоевании той или иной отдельной области вместе со своим центром, в то время как в Мармашенской надписи речь идет о завоевании двух объектов — страны Эриахи и города Ирданиуни (согласно Хорхорской летописи, центра страны Катарза) и достижении третьего объекта — страны Ишкигулу. Следовательно, приведенные выше тексты ни в малейшей степени не могут быть доказательством того, что город Ирданиуни Мармашенской надписи будто является центром страны Эриахи.

2. Если Эриахи—Ирданиуни—Ишкигулу Мармашенской надписи и Эриахи—Катарза—Ишкигулу Хорхорской летописи в самом деле являются идентичными текстами, то в них так или иначе должны совпасть не только Эриахи и Ишкигулу, но и Ирданиуни и Катарза. В таком случае вполне логично думать, что в одном случае (Хорхорская летопись) упоминается страна (Катарза), а в другом — ее центр (Ирданиуни). О. О. Карагёзяну не нужно, чтобы эти тексты были идентичными лишь при условии, чтобы в Мармашенской надписи урартским писцом (или составителем текста) обязательно сознательно была пропущена страна Катарза и вместо нее почему-то был особо подчеркнут мнимый центр страны Эриахи—Ирданиуни. Но кто же поверит такой примитивной логике?

3. Последнее, столь же неубедительное, возражение О. О. Карагёзяна связано с тем, что Катарза урартской клинописи, тождественной с поздней областью Кларджети древнегрузинских и Кгарджк древнеармянских источников, локализуется в правобережной полосе низовьев Чороха, в то время как предположительно отождествленным с урартским Ирданиуни совр. город Ардвин-Артвин находится на противоположном левом берегу этой же реки. Исходя из этого, он думает, что Ирданиуни Мармашенской надписи Аргишти I вряд ли имеет отношения к области Катарза, соответствующего отрывка Хорхорской летописи.

Однако следует заметить, что здесь О. О. Карагёзян почему-то главный вопрос путает с второстепенным. При этом принципиальным вопросом в данном случае является не отождествление Ирданиуни урартского времени с совр. Ардвином, а именно то, что в идентичных текстах Мармашенской надписи и Хорхорской летописи в одном случае налицо страна Эриахи, город Ирданиуни, страна Ишкигулу, а в другом — страна Эриахи, страна Катарза, страна Ишкигулу. Следовательно, отсюда непременно возникает вопрос: почему же в

обоих текстах совпадают начальные (Эриахи) и конечные (Ишкигулу), но отличаются промежуточные (Ирданиуни и Катарза) объекты? Неужели на основании этих простейших фактов трудно прийти к выводу, что раз в этих текстах Ишкигулу и Катарза заменяют друг-друга, то город Ирданиуни следует отнести именно к области Катарза.

Несущественным расхождением здесь является лишь то, что в одном случае такое сочетание встречается в одной и той же надписи (Абовянская надпись), а в другом — в Мармашенской надписи и в аналогичном отрывке Хорхорской летописи. И совершенно неслучайно, что такое сочетание наименования областей Улуани и Катарза то по названию собственно области, то по названию их центров — Улуани и Ирданиуни — в обоих случаях встречается именно у одного и того же царя — Аргишти I. Это своеобразное суждение: Улуани являлась областью города Дарани, Катарза являлась областью города Ирданиуни. Иными словами, под Улуани подразумевалась область, центром которой был Ирданиуни.

Что касается отождествления Ирданиуни урартского периода с совр. Ардвином, то это совершенно второстепенный вопрос для решения основной проблемы. Приемлемо или неприемлемо это предположение, во всяком случае от него насколько не зависит отнесение города Ирданиуни к области Катарза. Пусть это поселение не имеет отношения к совр. Ардину, в урартское время находилось в противоположной правобережной полосе верхнего Чороха. Однако раз возражение О. О. Карагёзяна связано именно с тем, что Ирданиуни-Ардин находится на левом берегу верхнего Чороха, а Катарза-Кларджети-Кгарджк — в противоположной правобережной полосе этой реки, то стоит показать, что это возражение тоже лишено всякого основания.

Во-первых, элементарна истина о том, что когда в специальной литературе топонимы древневосточного периода отождествляются с идентичными топонимами позднего времени, то это вовсе не означает, что непременно должны полностью совпасть также территориальные их пределы. Поэтому не исключена возможность, что, в отличие от Кларджети-Кгарджка ранних грузинских и армянских источников на правобережной полосе верхнего Чороха, некоторые западные районы области Катарза урартского периода могли быть расположены в противоположной левобережной полосе упомянутой реки. Не говоря уже о том, что в последний период правления Аргишти I или в начальный период царствования Сардури II область Катарза-Кларджети-Кгарджк могла быть завоевана более сильным объединением Диаухи-Тао-Тайк (ср. Тао-Клар-

дjeti древнегрузинских источников)¹⁴. А несколько позднее, у Сардури II, упоминается лишь только страна Кулха (resp. Колхида-Колхети), в территориальные пределы которой, вероятно, в то время уже были включены и Диаухи-Тао-Тайк, и Катарза-Кларджети-Кгарджк.

С другой стороны, в древневосточных письменных источниках существуют достоверные факты о том, когда территория тех или других областей (наподобие, скажем, Катарзы) была расположена одновременно на противоположных берегах тех или иных рек.

Известно, например, что основная территория области Куммух(ху) ассирийских и Кумаха урартских источников локализуется на правобережной полосе реки Евфрат, в районе города Киштан (совр. Кюштем) и на сопредельных с ним территориях. Поэтому Куммух-Кумаха древневосточного периода в специальной литературе обычно отождествляется с античной Κορυζηνή. Однако отождествление царского города Халпу-Халпа этой области с совр. Халфати-Халфети на левом (восточном) берегу Евфрата, к югу (юго-востоку) от места слияния с ней Мерзумена, северо-западнее Биреджик-Береджика, свидетельствует о том, что некоторые восточные районы области Куммух-Кумаха в период правления Тиглатпаласара III (вторая половина VIII в. до н. э.) были расположены уже на противоположном левом берегу этой реки, в районе Халпу-Халпа-Халфети и в близлежащих местностях¹⁵.

Именно так обстоит дело также с локализацией области Мелид(ду) ассирийских, Малдийа хеттских и Мелитеа урартских клинописных источников, которая идентична с античн. Μελιτηνή, совр. Малатией и территория ее в основном расположена на правобережном участке реки Евфрат. Однако локализации поселений Хазани (совр. Хазан кази Илиджа Диярбекирского вилайета), Гаурахи (древнеарм. Gawrêkh), Тумеишки-Тумеишки (античн. Τόμισσα, древнеарм. Thinnis) свидетельствуют о том, что некоторые восточные районы области Мелитеа в то время были расположены на противоположном левобережном участке реки Евфрат. Как известно, именно здесь на скале была высечена также надпись о завоевании упомянутой области¹⁶.

То же самое можно сказать об известной области Бит-Замани с центром Амеду (совр. Амид-Диярбекир), основная территория которой, согласно ассирийским клинописным источ-

¹⁴ Меликишвили Г. А., К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 134, 135, 138, 139.

¹⁵ Арутюнян Н. В., Топонимика Урарту, Ереван, 1985, с. 122—123.

¹⁶ Арутюнян Н. В., Там же, с. 140—141.

никам, была расположена у верховьев реки Тигр, на правобережном ее участке. Но это нисколько не помешало тому, чтобы некоторые поселения этой области, например, Синабу (совр. Дженаб), Тиду-Тиди, были расположены на противоположном левом берегу Тигра¹⁷.

Приведенные выше факты наглядно свидетельствуют о том, что с подобным же успехом Ирданиуни урартской клипописи может быть современным Ардвином и, поэтому, область Катарза можно локализовать на обоих берегах верхнего Чороха.

В конце настоящей статьи остается коснуться еще одного весьма интересного факта, который основательно свидетельствует о том, что согласно идентичным текстам Мармашенской надписи (страна Эриахи—город Ирданиуни—страна Ишкигулу) и Хорхорской летописи (страна Эриахи—страна Катарза—страна Ишкигулу) Ирданиуни в самом деле может быть центром страны Катарза. Трудно сомневаться в том, что эти тексты по своей манере передачи сведений вполне совпадают с другими текстами, составленными тем же урартским правителем (да, именно тем же правителем) Аргишти I—с идентичными текстами Лчашенской надписи и V года Хорхорской летописи (782 г. до н. э.). Для наглядности ниже приводим переводы этих текстов:

«...Аргишти говорит: [Я] завоевал страну города Киехуни, дошел до страны города Иштикуниу в šana стороне моря»¹⁸.

«...Аргишти говорит [Я] завоевал страну города Кихуни, в стороне silunini моря дошел до города Алишту»¹⁹.

В приведенных выше идентичных текстах Лчашенской надписи и Хорхорской летописи, как видно, совпадают начальный (страна Ки(е)хуни) и конечный (море, т. е. оз. Севан) объекты, но, как и в Мармашенской надписи и под XIII годом Хорхорской летописи, формально отличаются промежуточные объекты (страна Иштикуниу и город Алишту).

Следует обратить внимание на тот весьма интересный факт, что Лчашенская надпись, и Хорхорская летопись одинаково извещают, что и страна Иштикуниу, и город Алишту были расположены около моря, т. е. Севанского озера. Это означает, что в обоих случаях речь идет о констатации одного и того же факта, а именно, при интересующем нас походе урартские войска дошли либо до страны Иштикуниу, либо же до города Алишту, причем оба они (и Иштикуниу, и Алишту)

¹⁷ Там же, с. 59, 183.

¹⁸ УКН, 134=HchI, 86, с. 2—5.

¹⁹ УКН, 127, II=HchI, 80, § 4, стк. 29—31. УКН, 128 A 2=HchI, 81, § 4, обор. стор., с. 10—12.

были приозерными. Следовательно, нетрудно заметить, что в данном случае налицо несущественная редакция одного и того же текста. Имея в виду, что по сведениям Хорхорской летописи Алишту являлся конечным объектом завоевания данного похода, а надпись была высечена после завершения похода, можно думать, что это поселение находилось, очевидно, на месте нынешнего Лчашена, на северо-западном побережье оз. Севан.

Все сказанное, следовательно, говорит в пользу того, что Ирданиуни Мармашенской надписи следует считать именно центром страны Катарза идентичного отрывка Хорхорской летописи и локализовать примерно в пределах поздней области Кларджети-Кгарджк. К тому же, если отнесение города Ирданиуни к стране Катарза следует считать доказанным, сопоставление Ирданиуни урартского времени с совр. Ардвином может быть лишь вероятным. Что касается страны Ишкигулу Мармашенской надписи и Хорхорской летописи, то ее следует искать где-то у северных (северо-западных) границ исторического Кларджети-Кгарджка, имея в виду то обстоятельство, что данный поход был совершен с юга на север (северо-запад) и урартские войска после завоевания страны Катарза с городом Ирданиуни дошли до страны Ишкигулу.

И. П. ВЕЙНБЕРГ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПАЛЕСТИНСКИХ ГОСУДАРСТВ I ТЫС. ДО Н. Э.

1. Дипломатия как «совокупность средств, приемов, методов и правовых форм осуществления мирным путем внешней функции государства, т. е. его деятельности в международных отношениях»¹, формируется социально-экономическим строем общества и расстановкой социальных сил в нем, характером и степенью зрелости социальных групп, особенно господствующих классов, сословий и т. д., структурой государства и составом его административного аппарата, геополитическим положением государства и степенью его «открытости — закрытости», характером и интенсивностью коммуникаций в нем, между ними и окружающим миром и многими другими фундаментальными компонентами социального организма.

Именно поэтому дипломатия может послужить важным показателем сущности государства, занимавшего столь большое место и играющего столь значительную роль в модели древнеближневосточного общества, разрабатываемой Г. А. Меликишвили², которому, как выражение искреннего уважения и признательности, обращены нижеследующие заметки.

При таком подходе дипломатическая практика палестинских государств представляет значительный интерес. Существование на сравнительно небольшом пространстве ряда «территориальных царств» — иудейско-израильского, эдомитского, моавитского, аммонитского и других — и неизбежная втянутость всего ареала в сложный процесс образования «мировых держав»³ крайне интенсифицировали внешнеполитическую активность, что, в свою очередь, расширяло сферу дипломатических действий, усложняло приемы и задачи дипломатии.

¹ Иойриш А. И. Дипломатия. СИЭ, 5, с. 233.

² Меликишвили Г. А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества. ВДИ, 1985, 4, с. 9 сл.

³ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. ВДИ, 1982, 2, с. 8—11.

2. Топос «международные отношения, межгосударственные контакты», занимающий в ветхозаветной исторической картине большое место, раскрывается в ней на трех уровнях — на уровне «мы — мы», т. е. отношений между обоими древнееврейскими царствами в 10—8 вв. до н. э.; на уровне «мы — они» или «они — мы», т. е. отношений между данным палестинским государством и его внешними соседями и, реже, на уровне «они — они», т. е. отношений между внешними по отношению к «нам» государствами.

Ветхий завет содержит несколько сот упоминаний или описаний межгосударственных контактов, но в силу «обычности войн» в древности⁴ преобладают военные конфликты, а упоминаний или описаний дипломатических акций там всего ок. 30. Однако количество последних в диахронике возрастает, особенно на уровне «мы — они» и «они — мы», что соответствует сдвигу в ветхозаветной модели мира от жесткого партикуляризма, рассматривавшего всех «их» как не-людей или не-совсем-людей и в силу этого как носителей всегда только отрицательно-враждебного начала, с которым возможна лишь одна форма контактирования — военная, к более «разомкнутому» партикуляризму, признавшему также «их» за людей, не считавшихся непременными носителями отрицательно-враждебного начала⁵, что сделало допустимым установление с ними иной, чем война, формы контактирования — дипломатической.

3. Общедревнеближневосточное признание царственности и царя явлениями сакральными сопряжено с представлениями о царе как о медиаторе, посреднике между небом и землей, между миром богов и миром людей. Посредническая функция царя многогранна, но центральное место в ней занимает забота царя о безопасности и мире своей страны и своих подданных⁶, обеспечиваемой не только, хотя и преимущественно, военной деятельностью царя, но также его дипломатической активностью. Поэтому в глазах древнеближневосточного человека царь есть зачинатель, исполнитель и завершатель любой

⁴ Ильин Г. Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры. ВДИ, 1983, 3, с. 30.

⁵ Weinberg J. P. „Wir“ und „sie“ im Weltbild des Chronisten. Klio, 66, 1984, I, с. 27.

⁶ Gadd C. J. Ideas of Divine Rule in the Ancient Near East. London, 1948, с. 1 слл.; Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1948, с. 3 слл.; Mettinger T. N. D. King and Messiah. Gleeup, 1976, с. 151 слл.; Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, с. 27 слл.; Briant P. Rois, tributs et paysants. Paris, 1982, с. 181 слл.; Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока.—М., 1986, с. 115 и др.

дипломатической акции, которая вследствие этого воспринимается *ab ovo* как сакральное действие. Это хорошо видно на примере временно-пространственного близкого к объекту нашего разговора текста договора середины 8 в. до н. э. между Баргаем, царем Катка-Кашка (юго-восточная Малая Азия) и Матиелом, царем Арпада (сев. Сирия): «[Договор Баргайа, царя Катка, с Матиелом, сыном Аттасумки, царем Арпада... это договор богов, который боги заключили]» (Сфире I В 1—6)⁷.

Ветхозаветные источники с явным одобрением относятся к дипломатическим акциям на «высшем уровне»: они не видят ничего предосудительного в том, что добродетельный иудейский царь Иехошапат едет на личную встречу со своим совсем недобродетельным северным соседом царем Ахабом (8 в. до н. э., I Reg. 22,2 слл. = II Chr. 18,2 слл.), а в описаниях царствования Соломона (10 в. до н. э.) визит на «высшем уровне» царицы Савской (I Reg. 10,1 слл. = II Chr. 9,1 слл.) явно признается одной из вершин деятельности этого правителя.

Сакральность царя распространяется также на тех, кого царь «делегировал» на дипломатическую деятельность, причем подбор этих лиц обусловлен характером поручаемой дипломатической деятельности и составом контрагентов. Когда в 701 г. до н. э. ассирийское войско осаждало Иерусалим, царь Иехизкийаху направил на переговоры с высокопоставленным сановником ассирийского двора — *gāb-zāqē* (кравчий), равную ему по рангу делегацию в составе Элйакима, сына Хилкийаху, «который над домом» (*'ašer 'al habbāyit*), т. е. управляющего царским двором и хозяйством и, может быть, главы всей царской администрации, Шебны, занимавшего должность «писца» (*-sorēg*), ответственного за царскую корреспонденцию и тем самым причастного к дипломатической деятельности, и Йоаха, сына Асафа, «секретаря, глашатая» (*-mazkîr*), ответственного за придворный церемониал, информирующего царя о положении в стране и передающего населению распоряжения царя⁸.

Такова же, по-видимому, роль «слуги царя» (*'ebed ham melek*), часто выполнявшего роль «дипломата» на уровне «мы — они» или «они — мы»: дружественный царь Тира Хирам посылает «слуг своих», чтобы поздравить Соломона с вос-

⁷ Lipinski E. *Studies in Aramaic Inscriptions and Onomastics I*. Leuven, 1975, с. 24—57.

⁸ de Vaux R. *Ancient Israel I*. New York—Toronto, 1955, с. 129—132; Mettinger T. N. D. *Solomonic State Officials*. Lund, 1971, с. 19—79; Heaton E. W. *Solomon's New Men*. London, 1974, с. 47—60 и др.

шествием на престол (I Reg. 5,1), иудейский царь Аса (10 вв. до н. э.) посылает «слуг своих» к правителю Арамейского царства Бенхададу I (I Reg. 15,18=II Chr. 16,2) и т. д. «Слуги царя», судя по эпиграфическому материалу — печатям с надписью «X, 'ebed hammelek» — были людьми влиятельными и сановными, однако резкая реакция Давида на грубое оскорбление его «слуг» была вызвана иными причинами: узнав о смерти союзно-зависимого царя аммонитов и воцарении его сына Хануна, Давид посылает «слуг своих» к новому царю, «чтобы утешить его» (II Sam. 10,2=I Chr. 19,1); но Ханун «схватил слуг Давида и обрил каждому половину бороды, и обрезал одежду их наполовину, до чресл...» (стк. 4), что послужило *causa belli* против аммонитов. Этот эпизод свидетельствует о наличии установившегося дипломатического этикета, включавшего неприкосновенность «дипломата», который во время исполнения дипломатической миссии обладает исходящей от царя сакральностью. Тому свидетельство — характер оскорбления, нанесенного «слугам» Давида, ибо в мифологических моделях мира волосы-борода (также одежда) имеют семантику жизни, силы⁹, следовательно лишение их есть десакрализация человека, обладающего сакральностью.

Эта особенность древнеближневосточного восприятия «дипломата» особенно отчетливо проявляется в том лице, кто чаще всего показан в этой роли, в *mal'ak*. Это слово имеет значения. 1. посланец = человек, посланный человеком к человеку, 2. посланец = человек, чаще всего пророк, посланный богом к человеку и 3. посланец бога = божественное существо, ангел¹⁰. Ветхозаветный человек, стремившийся к разведению сферы божественного и сферы человеческого также на уровне терминологии¹¹, для обозначения посланца = человека, посланного человеком к человеку, все-таки устойчиво пользуется термином *mal'ak*, в котором божественное начало со временем все больше преобладает. Возможное объяснение тому — устойчивое признание причастности к божественному, сакральному также *mal'ak* = человека, посланного от человека-царя к человеку.

4. Посредническая функция царя определяет публичный характер его действий, в том числе дипломатической деятель-

⁹ Malamat A. Prophetic Revelations in New Documents from Mari and the Bible. SVT, 15, 1956, с. 225-226; Gaster Th. H. Myth, Legend and Custom in the Old Testament. London, 1969, с. 435 слл. и др.

¹⁰ Engel WzB. с. 89-90; North R. Angel—Prophet or Satan—Prophet? ZAW, 82, 1970, I, с. 31 слл. и др.

¹¹ Weinberg J. P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe. Klio, 63, 1981, I, с. 30—33; он же, Человек, и др.

ности. Поэтому в древнеближневосточном изобразительном искусстве столь распространены «дипломатические» сюжеты — прием послов, получение даров и т. д.

Тому доказательство — имевший место в 701 г. до н. э. инцидент на переговорах ассирийского *gāb-šāqē* с иудейскими сановниками. Отвергая просьбу последних говорить с ними по-арамейски, а не «по-иудейски (*V^hūdīt*) перед ушами народа, который на стене», ассирийский сановник заявил: «Разве только к господину твоему [царю Йехизкийаху] и к тебе послал меня господин мой [Синнахериб] сказать эти слова? Нет, также к мужам, сидящим на стене... И встал *gāb-šāqē* и возгласил громким голосом по-иудейски...» (II Reg. 18,26-28). Обращение непосредственно к народу, к свободным мужам явилось приемом новоассирийской дипломатии¹², но показательнее тот факт, что резко осуждающий все действия ассирийцев ветхозаветный информатор отнюдь не порицает обращение последнего к «народу на стене», видя в этом не нарушение дипломатического этикета, а выполнение одной из его норм — публичности.

Другой компонент дипломатического этикета — приношение даров и обмен дарами — восходит к общедревневосточному представлению о том, что при обмене дарами частица сущности дарителя переходит к дарополучателю и тем самым между ними устанавливается тесная связь¹³. Поэтому в Ветхом Завете с одобрением описан обмен щедрыми дарами между Соломоном и царицей Савской (I Reg. 10,2 слл. = II Chr. 9,1 слл.), но с еще большим удовлетворением отмечается получение даров «своими» правителями (II Sam. 8,10-11; II Reg. 5,5 и др.).

Сколь значимыми не были бы дары, они не подменяют или заменяют основное средство дипломатической деятельности — слово, которое на древнем Ближнем Востоке функционировало в трех формах — как устное, письменное и устно-письменное или письменно-устное слово, причем каждая из этих форм имела свою сферу обращения. В переговорах на «высшем уровне» или с участием полномочных представителей обеих сторон (I Reg. 22,4 слл. = II Chr. 18,3 слл. и др.) несомненно доминировало устное слово. Во всех остальных случаях, когда дипломатические поручения выполнялись послан-

¹² Holladay J. S. *Assyrian Statecraft and the Prophets of Israel* NThR. 62, 1970, с. 29—51.

¹³ Gaster, *Myth*, с. 139-140; Клочков И. С. *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время*. М., 1983, с. 47 слл.; Вейнберг. *Человек*, с. 17 и др.

цами разного ранга и статуса, можно предположить привычную для древнего Ближнего Востока письменно-устную или только письменную форму коммуникации. Однако наши источники лишь изредка отмечают письменную форму дипломатического слова употреблением термина *sēper* (= письмо, свиток, документ, II Reg. 5,5,6; 20,12 и др.) и, как правило, замалчивают преимущественно письменную фактуру дипломатического слова. Это противоречит свойственной ветхозаветным историческим сочинениям тенденции подчеркивать важность и значимость письменной фиксации и передачи, но соответствует стремлению создателей сборников пророческих речений вызвать у своих слушателей/читателей впечатление об изначальности устного слова¹⁴. Вполне допустимо, что дипломатическому слову, как слову публичному, также надлежало быть преимущественно и предпочтительно словом устным.

5. Три задачи — обеспечение межгосударственного хозяйственного сотрудничества, организация едино- или кратковременного военного сотрудничества и создание долговременного межгосударственного военно-политического союза — представлены в ветхозаветном материале главными.

Палестинские государства вели активную внешнюю торговлю, в которой, как на всем древнем Ближнем Востоке, большую роль играл царско-храмовой сектор экономики, что несомненно находило свое отражение в дипломатической деятельности. Доказательство тому — часто встречаемые в межгосударственных договорах клаузулы о защите торговцев и осуществлении межгосударственного хозяйственного сотрудничества, включающего не только товарообмен, но иногда также «производственную кооперацию», например, совместные иудейско-финикийские плавания в Офир за золотом (I Reg. 5, 20 слл.; 9,26-28 и др.).

Наряду с более распространенными, особенно на уровне «они — они» и «мы — мы» (II Reg. 16,7 слл. и др.), случаями единократковременного военного сотрудничества предпринимались также попытки создания долговременных военно-политических союзов, главным образом на уровне «мы — мы», между обоими царствами (I Reg. 22,4 слл. = II Chr. 18,3 слл.; II R. 3,7 слл. и др.), в чем, вероятно, сказывалось столь важное в ветхозаветной модели мира представление об изначальном и необходимом единстве «мы»¹⁵.

¹⁴ Вейнберг И. П. К вопросу об устной и письменной традиции в Ветхом завете. Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979, с. 67—70.

¹⁵ Wenham G. J. The Deuteronomic Theology of the Book of Joshua JBL. 90, 1971, 2, с. 144-1.5; Williamson H. G. M. Israel in the Books of Chronicles, Cambridge—London—New York—Melbourne, 1977, с. 95; Weinberg. „Wir“, с. 31 и др.

6. Длительное межгосударственное хозяйственное сотрудничество, но особенно долговременные военно-политические союзы, нередко оформлялись как *b'rit*.

Слово *b'rit*, выражающее одну из ключевых теологем не только ветхозаветного йахвизма, но многих древнеближневосточных религий¹⁶, интерпретируется исследователями как «обязательство, обязанность» или «соглашение, договор, завет», но оба толкования не исключают друг друга, поскольку «соглашение, договор, завет» имплицитно определяет «обязательства, обязанность»¹⁷. В Ветхом завете (и вне его) слово *b'rit* употребляется для обозначения: 1. Договора, соглашения между людьми на межличностном, межплеменном и межгосударственном уровнях и 2. Договора, завета между богом/богами и людьми на различных уровнях, предполагая отношения равенства, когда обе стороны обладают одинаковым статусом и принимают одинаковые обязанности, или отношения зависимости, когда одна сторона преобладает и вследствие этого навязывает более слабому партнеру обязательства по отношению к себе или берет на себя обязательства по отношению к нему.

В рассматриваемом нами материале упоминаются несколько долгосрочных хозяйственно-политических и военно-политических союзов, оформленных договорами по формуле: *Ykrt* (= отрезать, отрубить, заключить) + *b'rit* (I Sam. 11,1; II Sam. 3,12; I Reg. 5,26; 15,19, и др.), но только раз — договор между царем Тира Хирамом и Соломоном фиксирует отношения равенства между партнерами, а во всех остальных случаях в основе *b'rit* — отношения зависимости.

Ветхозаветный материал содержит мало сведений о формуляре межгосударственного договора. Этот пробел восполняется эпиграфическим материалом, например, договором между царями Катка и Арпада, который, как и большинство ветхозаветных договоров, является договором отношений зависимости и состоит из: а) перечисления контрагентов, включающего

¹⁶ Mendenhall G. Covenant Forms in Israelite Tradition. BA, 17, 1954, с. 50—76; Thompson J. A. The Near Eastern Suzerain—Vassal Concept in the Religion of Israel. JRH, 3, 1964, I, с. 2 сл.; Soggin J. A. Akkadische Tar Beriti und hebräisch krt bryt. VT, 18, 1968, 2, с. 210—215; Perlitt L. Bundestheologie im Alten Testament. Neukirchen—Vluyn, 1969, с. 32, сл.; Weinfeld M. The Covenant Grant in the Old Testament and in the Ancient Near East, JAOS, 90, 1970, 2, с. 134, сл.; Вейнберг. Человек, с. 12 др.

¹⁷ Jepsen A. Berith, VuH, с. 186; Kutsch E. Verheissung und Gesetz. Berlin, 1973, с. I, сл.; Mettinger. King, с. 303—304 и др.

царей, их сыновей и потомков (Сфире I, А, 1-6), б) упоминания богов как свидетелей—гарантов договора (I, А, 7-12); в) проклятий против нарушителей договора (I, А, 13-42), г) перечня основных обязательств, включающих военную помощь, помощь продовольствием в случае голода, выдачу заговорщиков и беглецов, свободу проезда по стране, мщение царевубийцам и т. д. (I, В, 14-45 и др.) и д) заключения, содержащего грозное предупреждение тому из партнеров, кто нарушит договор или разрушит надпись (I, С, 1-25; II, С, 1-17): «пусть боги низвергнут эт[ого] мужа и дом его и все что в [нем] и пусть они опрокидывают это [свер]ху вниз и пусть потомс[тво] его не наследует имени» (I, С, 21-25). Ветхозаветные *b'rit* по-видимому, предусматривали подобные предупреждения, ибо в сообщениях о нарушениях договоров особо акцентируется суровость последовавших наказаний: голод в стране во времена Давида (II Sam. 21, 1 сл.) оказывается ниспосланным Яхве наказанием за нарушение Шаулом заключенного много веков тому назад договора с тибеонитами, и лишь выдача им для казни семи шаулидов избавляет страну от голода, ибо нарушение, обладающего сакральностью договора, влечет за собой бедствия не только для нарушителя царя, но также для всех его подданных, для всей его страны (ср. II Sam. 3, 2 сл.)¹⁸.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

BA—The Biblical Archaeologist; HThR—Harvard Theological Review; JAOS—Journal of the American Oriental Society; JBL—Journal of Biblical Literature; JRH—The Journal of Religious History; SVT—Supplements to Vetus Testamentum; VuH—Verbannung und Heimkehr. Tübingen, 1961; VT—Vetus Testamentum; WzB—Schmidt W. H., Dellling G. Wörterbuch zur Bibel. Berlin, 1971; ZAW—Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА И ГИПОТЕЗА ОБ «АЗИАТСКОЙ ПРАРОДИНЕ» ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ EX ORIENTE LUX

Реконструкция индоевропейского праязыка как реальной языковой системы, существовавшей в пространстве и времени, предполагает наличие определенных племен — носителей этого языка, условно называемых «индоевропейцами», и соответственно первоначальную территорию их обитания, т. н. «пра родину», с которой эти племена должны были мигрировать, в разное время и в разных направлениях, в исторические места их обитания. В этой связи и возникла традиционная проблема «индоевропейской прародины», которая почти столь же стара, как само сравнительно-историческое индоевропейское языкознание.

Легко видеть, что в зависимости от локализации «пра родины» и установления примерных границ первоначальной территории обитания индоевропейских племен и определяются траектории движения племен-носителей отдельных индоевропейских диалектов в исторические места их расселения, что существенно для восстановления основных моментов предистории отдельных индоевропейских народов (точнее народов, говорящих или говоривших на индоевропейских языках).

Уже довольно рано в индоевропеистике появился тезис о центрально-европейской прародине «индоевропейцев», против которого позднее стали выдвигаться серьезные возражения, приведшие многих исследователей к необходимости смещения индоевропейской прародины в восточном направлении и ее локализации в регионе Северного Причерноморья, в археологическом ареале «курганной» или «древнеямной» культуры. Эта точка зрения, интенсивно отстаиваемая в настоящее время американским археологом М. Гимбутас и ее школой, является самой распространенной в современной науке.

Однако весь комплекс лингвистических и культурно-исторических данных, выявляемых на основании проведенного ареального исследования индоевропейского праязыка и его древнейших диалектов, а также семантического анализа реконструируемой общеиндоевропейской лексики, заставляет заню-

во поставить проблему индоевропейской «прародины» и предложить ее новое региональное и культурно-историческое решение. В свете этих новейших данных индоевропейскую «прародину» следует сместить значительно в юго-восточном направлении и локализовать ее в пределах переднеазиатского ареала.

Первоначальным ареалом обитания носителей индоевропейского праязыка следует признать такую область, которая в период существования общеиндоевропейского языка (т. е. в IV тысячелетии до н. э. и ранее) по своим экологическим, географическим и культурно-историческим характеристикам соответствует картине, получаемой на основании лингвистической реконструкции лексики праязыка и сопоставления ее с данными историко-географического, палеоботанического и палеозоологического, археологического и культурно-исторического исследования отдельных регионов Евразийского континента.

Именно на переднеазиатский ареал первоначального распространения индоевропейского праязыка указывает семантика всего комплекса праиндоевропейских лексем, отражающих среду обитания, материальную и духовную культуру носителей древних индоевропейских диалектов.

Анализ определенных семантических групп реконструируемой общеиндоевропейской лексики позволяет сделать вывод о первоначальной территории обитания носителей индоевропейских диалектов как об области с горным ландшафтом (что уже исключает возможность локализации прародины в Северном Причерноморье). Данные об общеиндоевропейских названиях деревьев и растений (типа «дуб», «дуб-скала», «горный дуб», «желудь», «бук», «граб», «ясень», «осина», «греческий орех», названия «лозы», «винограда», «вина» и др.), согласующиеся с характеристиками горного ландшафта индоевропейской прародины, недвусмысленно локализируют ее в сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле (включая Балканы и северную часть Ближнего Востока). Такой сравнительно южный характер экологической среды индоевропейской прародины, предполагаемый на основании данных о географическом ландшафте и растительности, подкрепляется анализом общеиндоевропейских названий животных (типа «барс, леопард», «лев», «обезьяна», «слон», «слоновая кость», «краб» и др.). Некоторые из этих животных или факт знакомства с ними специфичны именно для более южной географической области, что исключает Центральную Европу в качестве возможной первоначальной территории обитания носителей этих диалектов.

Для общеиндоевропейского удастся восстановить развитую терминологию скотоводства и земледелия. Для IV тысячелетия до н. э., т. е. в период существования общеиндоевропейского языка перед его распадом на отдельные независимые

диалекты, скотоводство (как и земледелие) в Центральной Европе было в зачаточном состоянии.

С определенностью в пользу ближневосточного ареала распространения индоевропейского праязыка свидетельствуют реконструируемые в нем названия сельскохозяйственных растений (ячменя, пшеницы, льна) и особенно плодовых деревьев и кустарников (яблони, кизила и вишни, тутового дерева, винограда и др.), а также обозначения орудий и действий, связанных с обработкой продуктов земледелия («жернов», «толочь, измельчать зерно», «молоть», «обрабатывать зерна ячменя на огне»). Подобные орудия проникают в Европу из переднеазиатского ареала лишь к железному веку (к I тысячелетию до н. э.). Терминология земледелия и виноградарства определенно подтверждает локализацию индоевропейской общности в областях с наиболее развитым (в IV тысячелетии до н. э. и ранее) земледелием, т. е. на южной территории, простирающейся от Балкан до Иранского плоскогорья, и исключает более северные области Европы, куда такие злаки, как ячмень, проникают через Малую Азию и Балканы и становятся преобладающей сельскохозяйственной культурой лишь к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Что касается культурного винограда, то он происходит, как это было установлено еще акад. Н. И. Вавиловым, из закавказско-западноазиатского центра земледелия.

Особую ценность для установления первоначальной среды обитания древних индоевропейцев и локализации индоевропейской прародины в переднеазиатском ареале имеет индоевропейская терминология колесного транспорта — названия колесных повозок и их составных частей («колеса», «оси», «упряжки», «ярма», «дышла»), металла («бронзы»), необходимого для изготовления колесных повозок из твердых пород горного леса, и тягловой силы — одомашненной лошади, уже использовавшейся в хозяйственных и военных целях носителями индоевропейского праязыка. Начало изготовления колесных повозок датируется временем около IV тысячелетия до н. э. Первоначальным очагом их распространения, согласно новейшим данным английского археолога С. Пиггота, следует считать ареал от Закавказья до Верхней Месопотамии между озерами Ван и Урмия. Из ближневосточного ареала эпохи ранней бронзы колесные повозки распространяются в Волжско-Уральском районе, Северном Причерноморье, на Балканах, в Центральной Европе. Та же территория является одной из возможных областей одомашнивания или, во всяком случае, распространения уже одомашненной лошади и использования ее в качестве тягловой силы.

Вместе с тем и весь характер общеиндоевропейской материальной и духовной культуры и социально-экономических от-

ношений (в частности, наличие особых социальных рангов и роль «жречества») указывает на близость ее носителей к древнеближневосточному ареалу.

Весь комплекс признаков культуры и социально-экономического строя, реконструируемый по словарю для праиндоевропейского общества, характерен типологически для ранних цивилизаций Древнего Востока. Общеиндоевропейская культура относится типологически к кругу древневосточных цивилизаций.

Приведенные доводы в пользу древнеближневосточной локализации прародины индоевропейцев согласуются с аргументами другого рода. Праиндоевропейский ареал следует локализовать в той области, где могли осуществляться взаимодействия и контакты праиндоевропейского языка с семитским и картвельским (южнокавказским), в которых обнаруживаются целые лексические пласты, заимствованные из одного языка в другой. О том же говорит и наличие в индоевропейском языке культурных заимствований из других древних языков Ближнего Востока — шумерского, египетского, а также имеющиеся свидетельства связей индоевропейского с такими древними языками Передней Азии, как хаттский, эламский и хурритский.

При решении вопроса об отождествлении предполагаемой первоначальной территории обитания общеиндоевропейских племен в пределах Передней Азии с областью распространения конкретных археологических культур следует отметить, что для V—IV тысячелетий до н. э. еще не обнаружена такая культура, которая могла бы быть однозначно соотнесена с праиндоевропейской. Можно говорить лишь о возможных связях, прямых или косвенных, известных переднеазиатских археологических культур с реконструируемой индоевропейской. В настоящее время можно лишь наметить вопрос о возможном соотношении известных археологических культур этого исторического региона в V—IV тысячелетиях до н. э. с предполагаемой общеиндоевропейской. Некоторые из обнаруживаемых древних археологических культур Передней Азии (типа халафской и еще более ранней чатал-хююкской, а также их непосредственных или опосредованных продолжений или сменяющих их культур, в частности убейдской и культур куро-араксского круга) имеют ряд черт, сопоставимых с общеиндоевропейской культурой, реконструируемой на основании лингвистических данных. В создании названных более поздних археологических культур (типа куро-араксской III тысячелетие до н. э.) могли участвовать и индоевропейские племена — носители отдельных индоевропейских диалектов — наряду с другими племенами переднеазиатского ареала (в частности хуро-урартскими и южнокавказскими — картвельскими).

Принятие тезиса о переднеазиатской прародине индоевропейцев полностью меняет распространенную в науке традиционную картину этногенеза и траекторий первоначальных миграций племен-носителей отдельных диалектов и диалектных общностей с первоначальной территории распространения в исторические места их обитания. В свете новой гипотезы об индоевропейской «прародине» следует предположить лишь незначительное смещение носителей хетто-лувийских диалектов и общегреческого в западном направлении, приведшее их в центральную и западную части Малой Азии, откуда греческие диалекты позднее распространяются в материковую Грецию и на острова Эгейского моря.

Свидетельством миграций племен-носителей древних индоевропейских диалектов в другом направлении — на восток и далее через Среднюю Азию в Европу, могут служить многочисленные заимствования индоевропейских слов в центрально-азиатские языки (тюркские, монгольские, енисейские, а также финно-угорские) и слов из этих последних языков в отдельные древние индоевропейские диалекты. Именно такой миграционный путь с первоначальной территории обитания должны были проделать племена-носители «древнеевропейской» диалектной общности, из которой позднее складываются отдельные языковые единства — италийское, кельтское, германское, балтославянское — называемые условно по территории, занимаемой ими в историческую эпоху, «древнеевропейскими» языками. Такой же путь в Европу проделали, по всей видимости, и отдельные раннеиранские племена, оставившие многочисленные заимствования в финно-угорских языках. Позднее тот же путь прodelывается и носителями отдельных восточноиранских диалектов (скифы, сарматы).

Носители «древнеевропейских» диалектов направляются с первоначальной территории их обитания в Передней Азии, очевидно, через Центральную Азию и далее в западном направлении повторными миграционными волнами и расселяются в промежуточном ареале Причерноморья и Приволжья, где они образуют в течение определенного периода особую диалектную общность.

Этот предполагаемый ареал расселения носителей «древнеевропейских» диалектов, которые должны были появиться в этом регионе к III тысячелетию до н. э., и является в этот период областью так называемой «древнеймой» («курганной») культуры (т. е. индоевропейской «прародиной» по гипотезе М. Гимбутас). Отсюда уже к концу II тысячелетия до н. э. носители «древнеевропейских» диалектов постепенно распространяются на европейском континенте, оттесняя местное «доиндоевропейское» население. Распространение «древнеевропейских» диалектов из этого общего вторичного ареала (в оп-

ределенном смысле «вторичной, промежуточной прародины» племен, говоривших на соответствующих диалектах) на новой территории в западном направлении (позднее уже в центральной и западной Европе) знаменует начало постепенного возникновения отдельных языковых единств — италийского, кельтского, германского, балтийского, славянского — и соответственно племен-носителей этих языковых общностей.

Весь этот комплекс лингвистических, этногенетических и культурно-исторических проблем, связанный с постулированием особой системы индоевропейского «праязыка» и выдвиганием гипотезы о переднеазиатской «прародине» индоевропейцев, излагается нами пространно в совместном с Вяч. Вс. Ивановым исследовании «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (Тбилиси, 1984). Оно содержит также реконструируемый по новой фонологической модели словарь праиндоевропейских лексем, расположенных по семантическим группам и анализируемых как в отношении их формы, так и в отношении материального и культурно-исторического содержания их «означаемых». Этот реконструируемый праиндоевропейский семантический словарь и послужил фактической основой для исследования ареальных вопросов индоевропейского праязыка, а также анализа проблем индоевропейской прародины и индоевропейских миграций.

М. А. ДАНДАМАЕВ

ОТКУП ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В АХЕМЕНИДСКОЙ ВАВИЛОНИИ

Из Ура в Вавилонии сохранился архив жителя этого города Кушурэа, сына Син-аххе-буллита, потомка брадобрея. Этот архив состоит из семи контрактов, заключенных в течение 36 лет, между 399 и 363 гг. до н. э. Тексты эти до сих пор не были изучены. Три из них даются ниже в переводе, а остальные — в кратком изложении. UET IV¹, 109.

«Нидинту-Син, сын Син-аххе-иддина, сказал Кушурэа, сыну Син-аххе-[буллита], следующее: «Дай мне деньги, провизию и все (необходимое) снаряжение в соответствии с (нормами для) выполняющих² (повинности) жителей Ура, и я отправлюсь вместо тебя на царский (воинский) сбор³ в 8-м году царя Артаксеркса, на (то) место, куда царь прикажет, и я выполню повеление царя, куда бы царь ни приказал относительно тебя».

И Кушурэа, сын Син-аххе-буллита, услышал Нидинту-Сина, сына Син-аххе-иддина, и отдал деньги, провизию и все (необходимое) снаряжение в соответствии с (нормами для) выполняющих повинности жителей Ура Нидинту-Сину, сыну Син-аххе-иддина. Нидинту-Син, сын Син-аххе-иддина, получил из рук Кушурэа, сына Син-аххе-буллита, деньги, провизию и все (необходимое) снаряжение в соответствии с (нормами для) выполняющих (повинности) жителей Ура; ему уплачено.

За то, что Нидинту-Син, сын Син-аххе-иддина, отправится с выполняющими (повинности) жителей Ура на [царский] смотр [ручается Син-аххе-иддин]⁴.

¹ Figulla H. H. Business Documents of the New-Babylonian Period — „Ur Excavations. Texts“, IV, London, 19-9.

² Allāku. Ср. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (-CAD), A/I, Chicago, 1964, с. 353, где даются следующие значения для этого слова: „путешественник“, „гонимец“, „агент“. Однако ни одно из этих значений, как нам представляется, не подходит для данного контекста.

³ Andēsu — заимствованное вавилонским диалектом аккадского языка древнеперсидское слово *Gandaisa. См. CAD A/II, с. 113.

⁴ Отец Нидинту-Сина, т. е. контрагента. На документе сохранился и оттиск перстня этого поручителя.

(Далее следуют имена свидетелей, часть которых разрушена, и имя писца).

Ур, месяц ду'uzu, 25-й день, 8-й год Артаксеркса, царя стран»⁵. (Далее, на табличке сохранились оттиски перстной свидетелей). UET IV, 48⁶.

«[Кидин-Набу, сын] Иддины, должен отправиться в 6-м году царя Артаксеркса [вместе с доставщиками подати] храмовых рабов⁷ для несения подати для царских доходов⁸ в (местность) Иггур⁹ и нести подать, которая числится за Куцурэа, сыном Син-аххе-буллита.

Кидин-Набу, сын [Иддины], получил из рук Куцурэа, сына Син-аххе-буллита, наемную плату и провизию полностью в соответствии с (нормами) для [доставщиков] подати храмовых рабов; ему уплачено.

За то, что Кидин-Набу, сын Иддины, отправится и подать для доходов царя в (местность) Иггур в 6-м году царя Артаксеркса понесет вместо Куцурэа, сына Син-аххе-буллита, ручается Закиту, дочь Ану-убаллита.

Если Кидин-Набу не отправится и подать для доходов царя, которая числится за Куцурэа, сыном Син-аххе-буллита, не понесет в (местность) Иггур в 6-м году царя Артаксеркса, то Кидин-Набу, сын Иддины, и его мать Закиту должны уплатить Куцурэа, сыну Син-аххе-буллита, 1/3 мины очищенного серебра. Они несут ответственность друг за друга в уплате. Куцурэа будет уплачено там, где он (сам) захочет.

Свидетели (имена пяти человек), писец (имя).

[Месяц...], 4-й [день], 6-й год Ар[таксеркса, царя стран]».

Далее на табличке сохранились оттиски перстной свидетелей.

UET IV, 49.

«Атанах- [Иштар, сын Нух-Иштара], должен отправиться в 6-м году царя Артаксеркса вместе с доставщиками подати храмовых рабов для несения подати для царских доходов в (местность) Игур и нести подать, которая числится за Куцурэа, сыном Син-аххе-[буллита].

⁵ Т. е. Артаксеркса II (397 г. до н. э.).

⁶ Документ частично разрушен. Восстановления даны по табличке аналогичного содержания, а именно по № 49.

⁷ L Ū ši—rik. MEŠ.

⁸ Va-a-ri ša irbi šarri. Ср. CAD B (1965), с. 120. Vāgu—заимствованное древнеиранское слово для обозначения какого-то специфического вида подати для царя. Более точно значение слова не известно.

⁹ По-видимому, эта местность была расположена недалеко от Урука. См. Zadok R. Geographical Names According to New-and Late-Babylonian Texts, Wiesbaden, 1985. с. 179.

Атанах-Иштар получил из рук Куцурэа, сына Син-аххе-буллита, наемную плату и провизию полностью в соответствии с (нормами) для доставщиков подати храмовых рабов, ему уплачено.

За то, что Атанах-Иштар отправился и подать для доходов царя в (местность) Иггур в 6-м году царя Артаксеркса понесет вместо Куцурэа, сына Син-аххе-буллита, ручается его отец Нух-Иштар, сын Лабаша.

Если Атанах-Иштар не отправится и подать для доходов царя, которая числится за Куцурэа, сыном Син-аххе-буллита, не понесет в (местность) Иггур в 6-м году царя Артаксеркса, то Нух-Иштар, сын Лабаша, и Атанах-Иштар, сын его, должны уплатить Куцурэа, сыну Син-аххе-буллита, 1/3 мины очищенного серебра. Они несут ответственность друг за друга в уплате. Куцурэа будет уплачено, там, где он (сам) захочет.

Свидетели (имена шести человек), писец (имя).

Ур, [месяц...], 12-й день, 6-й год Артаксеркса, [царя стран]».

Далее следуют оттиски перстней свидетелей.

По свидетельству документа № 44 того же архива, в 33-м году царствования Артаксеркса II (372 г. до н. э.) Куцурэа, сын Син-аххе-буллита, и еще четыре человека (в том числе Анапэа, сын Син-иддина; ср. следующий текст) отдали в аренду некоему Син-аб-уцуру, сыну Нана-апли-иддина, поле на берегу канала, расположенное близ Ура, в аренду на четыре года. Арендатор должен был отдавать владельцам поля по 2 сикля серебра в год в качестве арендной платы. Согласно документу № 106, в 42-м году правления Артаксеркса II (363 г. до н. э.) поле на берегу канала, принадлежавшее Анапэа, сыну Син-иддина, и Куцурэа, сыну Син-аххе-буллита, и «совладельцам их надела лука»¹⁰, было отдано в аренду. Поле это также, очевидно, находилось вблизи Ура. Во всяком случае, арендную плату необходимо было внести в Уре. Отданное в аренду поле в тексте названо «наделом лучника»¹¹ (см. ниже). Сумма годовой арендной платы составляла 3 кур 1 пан 4 сут (около 600 л) ячменя.

Как видно из документа № 38, в 6-м году правления Артаксеркса II Куцурэа, сын Син-аххе-буллита, потомок брадобрея, и некий Син-ушаллим, сын Балату, потомок брадобрея, отдали в аренду на двадцать лет незавершенный дом, расположенный в Уре. Площадь дома равнялась 10×10×8×7 локтей, т. е. приблизительно 18 кв. м. Арендатор обязан вместо уп-

¹⁰ LÚ bēlē. MEŠ qaš-ti-šú-nu.

¹¹ Bit LÚ qašti.

латы платы за дом завершить его строительство, выполнив там работу «с кирпичами, тростником и бревнами». В этом тексте Куцурэа назван не только сыном Син-аххе-буллита, но и потомком брадобрея¹².

В документе, № 57, составленном в Уре в 9-м году царствования Артаксеркса II (396 г. до н. э.), отмечается, что пятеро поименно названных брадобреев должны были совместно выполнить обязанности брадобреев по отношению к лицам, больным проказой. Среди этих брадобреев назван и Куцурэа, сын Син-аххе-буллита. Обязанности эти лежали на упомянутых лицах, поскольку они занимали должности брадобреев в храме города Ура и за это регулярно получали соответствующие доходы¹³.

Рассмотренные документы позволяют прийти к следующим выводам. В 399 г. до н. э. Куцурэа должен был уплатить подать персидскому царю, доставив ее в местность Иггур. Для несения этой подати туда он нанял двух мальчиков, уплатив им наемную плату и снабдив их продовольствием. За одного мальчика поручился его отец, за другого — мать¹⁴. В случае, если эти дети уклонятся от выполнения взятых на себя обязанностей, поручители должны были уплатить Куцурэа в качестве штрафа 20 сиклей серебра, т. е. огромную для них сумму денег (№№ 48 и 49).

В 396 г. до н. э. Куцурэа должен был нести воинскую повинность в войске персидского царя. Однако для выполнения этой повинности вместо себя он нанял другого человека, снабдив его деньгами, продовольствием и снаряжением воина (№ 109). Как видно из документа № 106, Куцурэа обязан был нести воинскую повинность, потому что он владел «наделом лука», т. е. землей, которая жаловалась персидской администрацией лицам, служившим в армии в качестве лучников. Однако Куцурэа, владевший этим наделом совместно с другим человеком, не сам обрабатывал его, а сдавал в аренду. Второе поле, которое Куцурэа в 372 г. до н. э. сдал в аренду совместно со своими совладельцами, очевидно, не было повинным наделом (№ 44). В 399 г. до н. э. Куцурэа и еще одно лицо (по-видимому, его двоюродный брат) сдали в аренду дом в Уре (№ 38).

Из № 57 видно, что по своей профессии Куцурэа был брадобреем и служил в храме города Ура, откуда за выполнение своих обязанностей он получал регулярные доходы. В 396 г.

¹² LU qallabu.

¹³ LU isqu LU qallabu-ú-tu.

¹⁴ Cp. San Nicolò M. Neubabylonische Urkunden aus Ur. — „Orientalia“, 19 (1950), с. 227.

до н. э. он вместе с несколькими другими брадобреями **обязан** был побрить и постричь лиц, больных проказой.

Таким образом, Куцурэа был гражданином Ура, членом храмовой общины этого рода. Совместно с одним лицом он начал сооружать дом в Уре (очевидно, у него был и другой дом, где он сам жил), но потом заключил договор с арендатором, что последний завершит строительство. Совместно с другими людьми он владел, по меньшей мере, двумя полями, которые, по всей вероятности, составляли лишь часть принадлежавшей ему земли. Одно из них было наделом воина-лучника. Такие наделы давались воинам от имени персидского царя. Однако брадобрей Куцурэа не был воином и, очевидно, не в состоянии был выполнять воинскую повинность. Следовательно, указанный надел не мог быть пожалован ему царской администрацией. Повинностные наделы не могли отчуждаться (во всяком случае, до второй половины V в. до н. э.), и поэтому вряд ли Куцурэа мог купить его. Каким же образом он стал владельцем надела лучника?

Начиная со второй половины V в. до н. э., владельцы наделов лука часто вынуждены были закладывать свою землю и нередко оказывались не в состоянии выкупить ее обратно. Правда, кредитор мог брать только урожай, как эквивалент долга, а не заложенную землю, которая переходила по наследству по мужской линии или же при отсутствии таких наследников возвращалась государству. Но иногда кредиторы становились фактическими владельцами заложенных наделов под видом усыновления¹⁵. По всей вероятности, Куцурэа стал фиктивным сыном разорившегося воина и фактическим хозяином его надела. Для выполнения же обязанностей, вытекавших из его нового статуса, он нанимал других лиц. Правда, сохранился один документ второй половины V в. до н. э., из которого видно, что надел лука, принадлежавший воину, был продан¹⁶. Естественно, новый владелец обязан был выполнять обязанности, лежавшие на этом наделе. Поэтому возможно, что в позднеахеменидское время персидская администрация разрешала продавать повинностные наделы. В таком случае нельзя считать исключенным, что Куцурэа мог купить свой надел у разорившегося воина.

---

¹⁵ См. подробно Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 160 (там же приведены и ссылки на тексты).

¹⁶ Joannès F. Textes économiques de la Babylonie récente, Paris, 1982, no. 31,

И. М. ДЬЯКОНОВ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В ТЕЙШЕБАЙНИ (УКН 448).

(Из общественной истории Урарту)

Связное и достаточно надежное чтение урартских текстов началось с издания корпуса урартских надписей Георгием Александровичем Меликишвили в 1953 г.¹, повторенного в 1960 г.² и продолженного в 1971 г.³. Насколько это был огромный скачок вперед, можно заключить из того, что примерно в 1950 г. издать подобный корпус предложили мне, и я ответил, что при нынешнем уровне развития науки это невозможно. К счастью, я ошибался.

Появление параллельного корпуса, изданного в Австрии Ф. В. Кёнигом в 1955—57 гг.⁴, не внесло существенных изменений в положение, сложившееся в урартологии с 1953 г.; несмотря на отдельные достоинства австрийского издания, оно, несомненно, в достоверности уступало работе Г. А. Меликишвили. Именно на последней базировались с этих пор все исследования по истории Урарту, а также и грамматические исследования.

Сейчас, тридцать лет спустя, когда основополагающие работы Г. А. Меликишвили дополнены исследованиями самого Г. А. Меликишвили, Н. В. Арутюняна, В. Бенедикта, М. ван Лоона, И. И. Мещанинова, М. Сальвини, С. А. Старостина, М. Л. Хачикян, автора настоящей статьи и других, мы, как мне кажется, можем подняться еще и на следующую ступень в понимании урартских текстов. Если у Г. А. Меликишвили (и у Ф. В. Кёнига) даны связные переводы декларативных и аналитических текстов и лишь наиболее простых из текстов вотивных, то теперь можно попытаться давать связные переводы и более сложным вотивным текстам, посвященным учреждению храмов и постоянных жертвоприношений — и обнаруживающих новые, ранее не использовавшиеся данные по истории Урарту.

В качестве образца мы решили привести перевод текста из большой Кармир-блурской надписи, изданной впервые Н. В. Арутюняном⁵ и переизданной Г. А. Меликишвили в УКН II под номером 448. Место не позволяет дать новое издание и подробный филологический и исторический комментарий ко

всему этому интереснейшему тексту, поэтому полное его исследование мы отложили до другого раза, а сейчас ограничимся опытом перевода и комментирования лишь нескольких абзацев.

В §§ 1—2 (I, 1—5) этой надписи говорится о построении Русой II города Тейшебайни и святилища богу Халдию в нем, причем, подчеркивается, что «берег был крутой, земля — бесплодна, ничего там не было построено» (qar[be salze manç], qeugāne quldine, oje jei ištine šida[ore]. В § 3 (I,6) сообщается об „указе“ (ardīše), которым были учреждены (nips—) обычные регулярные жертвоприношения (MAŠ. TUR)⁶ для „Халдиевых врат“⁷; об этих жертвоприношениях речь идет в §§ 4—5 (I, 7—10).

Начиная с § 6 (I, 10 сл.) начинаются постановления о специальных случаях жертвоприношений, на которых мы здесь и остановимся (§§ 6—12, I, 10—21):

§ 6: (I, 10) ...a-še ta-nu-le MAŠ. TUR ni-ip-se-du-li-[i-né^{GU} pa-hi-né (?)]

(11) ^D Hal-di-e TAG AB ^D Wa_x-ru-ba-i-né

§ 6: ...Когда (этот обряд)⁸ совершат⁹, обязательное жертвоприношение Халдию пусть будет учрежде[но; быка] Халдию пусть зарежут, корову Варубайни.

§ 7: a-še ši-di-iš-tú-le pa-ha-zu-le MAŠ. TUR ^D Hal-di-e ni-ip-se-du-li-né GU [D ^D Hal-di-e TAG] (12) AB ^D Wa_x-ru-ba-i-né

§ 7.: Когда построят pahazule¹⁰, обязательное жертвоприношение Халдию пусть будет учреждено, бык [а Халдию пусть зарежут], корову Варубайни.

§ 8: a-še ^D Hal-de-e-i É. BĀRAG-še DUMU-le a-gu-le MAŠ. TUR ^D Hal-di-e ni-i [p]-se-du-li-[né a-le ú-i É. BARAG] (13)-še DUMU ur-di-a-le iš-ti-né qà-qu-le wa_x-[h] u-le-né KI.TIM qu-ul-di-né-né mi-i e-ši-me-še el-mu-še ma-nu-né.

§ 8: Когда в Халдия святилище¹¹ сыновей приведут, обязательное жертвоприношение Халдию пусть будет учрежде[но; тот, кто] в [святилище] сына [не отдаст служить¹², за то¹³ камни¹⁴ пусть со[б]ирает с земли бесплодной, кроме¹⁵ (того, что) для небес¹⁶ по присяге¹⁷ он дал¹⁸:

§ 9: [a-še ****] (14) a-le ^D Hal-di-na-né GIŠKÁ UDU e-ra-ši-né ú-ú-le a-le LÚ pa-la--je_x ma-nu-le áš-du-li-né ^D Hal-di-ni-e É. [BĀRAG-še ****] (15) ku-ši-i-né ^D Hal-di-i-ka ^D Wa_x-ru-ba-i-né-ka i-šá-né

ši-i-né z/ša-di-i-né TAG É se-er-ha-né-né ma-ri-a-he-né]*****.] (16)

a-le i-né ú-le KUR šú-re-le₉ ú-ú-la-le áš-du-le₉-ne É se-er-ha-né-né s u-si-né
ka ku-ši-i-né áš-ha-áš-ti-né [ha-lu-le (?) ***] (17) D Hal-di-e i-šá-né
ši-i-né z/ša-di-i-né TAG D [H]al-di-na-né KÁ-ka a-lu-se mi-ri-ip-te
ma-nu-le ši-i-né mi-gu-né [*****] (18) D Hal-di-na-né KÁ-ka-i

§ 9: [Когда¹⁹.....] барана, которого²⁰ для (?) выхода (?)²¹ из Халдиевых врат wu.²² — (тот) palâje²³, который будет (на-лицо)²⁴, пусть поместит-его²⁵ [в] св[ятилище] (и) там (?)] да поставит²⁶ перед Халдием, перед Варубайни, (а) потом²⁷ да пойдет²⁶, да сделает закляние²⁸ из (дома) serhane²⁹, принадлежащего (людям) mare³⁰, (а) то ³¹ другое, что³² (люди) šurele³³ хотели бы wu.³⁴, пусть поместит-его из (дома) serhane перед храмом³⁵, да положит его, да принесет жертву-[трапе-зу (?)³⁶....] для Халдия: (а) потом да пойдет²⁵, да сделает закляние перед Халдиевыми вратами. Градоправитель³⁷ подсчет(?)³⁸ да сделает²⁴ (и) да пойдет²⁵; из сосчитанного³⁹ [.....] перед Халдиевыми вратами.

§ 10: a-le ur-bu-a-še D Hal-di-na-né KÁ šú-i-né-né ze-el-de ŠAG
m Ru-sa-a ar-du-le-né

§ 10: Что (идет) в жертву из всего, (что) из Халдиевых врат, — жир (и) сердце Русе пусть отдают⁴⁰.

§ 11: a-še BUZUR-né D IŠKUR-né URU ma-nu-le UZU-né-né
TAG-še-né-né pá-r-z/ša-né ze-el-de BUZUR-e ar-du-le-né a-le-e [*****]
(20) a-šú-le D Hal-di-né É ku-i ZI [MESŠ?] ze-el-de ši-la-né-né i-šá-né
ši-i-né É se-er-ha-né-né ma-né-né na-hi-ze [*****]

§ 11: Когда царь в граде Тейшебы будет, из мяса жертвенного*, из туши(?)⁴¹ жир царю пусть отдают, (а) то, что [.....] останется⁴², — Халдиеву дому; вместе с кровью⁴³ жир из сотворенной(?) (жертвы)⁴⁴ оттуда да унесут, (а) из дома serhane да будет nâhize⁴⁵ [.....]

§ 12: (21) ši-al-de UZU-né su-re ku-i ZI ši-la-né-né D Hal-di-né
É mi-i a-i-né-i zu-ma-je-_x áš-du-ú-ne a-[ ] e áš-du-le-e [*****.] (22)
ši-na-am-de-né mi-ri-e a-ši-i-né...

§ 12: можно унести(?)⁴⁶ из мяса; sure⁴⁷ вместе с⁴⁸ кровью из сотворенной(?) (жертвы) Халдиеву дому никто для/в zu-

maje⁴⁹ не должен оставлять; кто оставил бы⁵⁰ [.....], вдвое⁵¹ дому⁵² (Халдия) да оставит...⁵³.

Из этого сравнительно краткого и все еще темного текста (хотя нам, как кажется, удалось добиться некоторого его прояснения) все же уже сейчас можно сделать некоторые довольно существенные исторические выводы.

Прежде всего следует отметить урартский обычай — учреждать храмы своего государственного бога Халдия во всех завоеванных ими городах (чего не делали цари других древневосточных держав); именно этому посвящена значительная часть урартских надписей. Возникает вопрос — какова была экономическая роль этих местных храмов Халдия. Полевое хозяйство храмов (или дворца) нигде не упомянуто в урартских источниках, и можно предположить, что его и не было. Зато храмам, без сомнения, принадлежали большие стада крупного и мелкого скота. Они, очевидно, образовывались из пожертвованных. Такие жертвования делал прежде всего сам царь, пригонявший, как известно, тысячи голов скота из каждого похода. Однако пожертвования делали, несомненно, и отдельные лица. Так, о частной жертве война- hurade, видимо, идет речь в УКН 89, ср. примеч. 41. Затем, текст об уменьшении повинностей и поборов УКН 155 G (Сардури II) ясно упоминает скот в качестве isioše («поставки, налоги, тяготы», или, по Г. А. Меликишвили, «излишка»), взымавшегося с определенной категории лиц.

Из нашего текста вытекает, что жертвоприношения учреждались и в связи с действиями частных лиц, например, при отдаче сыновей в храмовую службу или работу (глагол игогделе). Вряд ли эта была казенная жертва — вероятно, она приносилась отцом посвящаемого в храмовую службу (§ 8, 13); об использовании части жертвенной туши для частных нужд, видимо, говорит и § 12, 21, — очевидно, и само жертвенное животное принадлежало отдельному лицу: текст (§10, 18) говорит о всех жертвах у Халдиевых ворот, долю в которых должен получать царь, — стало быть, и в частных.

Что жертвоприношениям велся подсчет (если правильно наше толкование mir-, miripte), не должно удивлять.

Создание храмов Халдия на всех завоеванных территориях должно было остро поставить вопрос о вербовке обслуживающего персонала. Из § 8 явствует, что вербовка в храмовые работники была принудительной, ибо всякий (речь, очевидно, идет о местных жителях страны Ваца, где находился город Тейшебайни), кто не приведет сына в храмовую службу, должен будет «камни собирать с земли бесплодной». Это условие (перевод здесь, видимо, не подлежит сомнению) вызывает естественный вопрос: идет ли речь о сборе камней для

каких-либо целей, — например для домов в строящемся городе (они строились из кустов дикого камня, ср. К. Л. Оганесян, Архитектура Тейшебайни, Кармир-блур IV, Ереван, 1955, с. 79) или же о бессмысленно тяжелой работе (вроде трепания пеньки) как чистом наказании? Более вероятно первое.

Наш текст подтверждает данные надписи УКН 155 G и УПД 12 о разделении жителей Урартского царства на социальные категории *šurele* (шумерограмма KUR. KUR^{MEŠ} «страны»; само урартское слово, возможно; мн. ч. от *šure*, GIŠ *šure*, что может быть, значит «меч, оружие»; судя по тому что (1) *šurele* входит в титулатуру урартских царей (*erele šurāue* «царь *šurele* = идеографически *erele* KUR. KUR^{MEŠ} = аккад. *šar kiššāti* «царь множеств»); (2) что *šurele* образуют вооруженную охрану урартского царского дворца при Русе II (УКН 24, л. 25-27, об.

31-34: *i-na-pe ra-ar-tú-ú^m Iš-pu-u-i-né-še ...^m Mi-pu-a-še ... [mì]-i a-le-e KUR. KUR^{MEŠ}-e (!) še-i-ri-du-tú(-ú) [i]-ú É.GAL^{MEŠ} aš-ú-la-l[e(!)]* «это увели Ишпуини (и) Минуа..., [кр]оме того, что для *šurele* они отделили, когда крепости должны были покинуть»); (3) что *šurele* имеют привилегию жертвоприношения не в «Халдиевых воротах», а в храме (*sûse*): кроме того, возможно, именно к *šurele* относится указание о взятии жертвенного скота из «дома *serhane*, принадлежащего сановникам (*mariahe*)», — по всем этим причинам можно считать, что *šurele* были господствующей частью урартского общества — многочисленными вооруженными общинниками. Их можно сопоставить с «людьми хурри» в Митанни и с «господами Хаттусы» у хеттов⁵⁴.

Эта аналогия с хеттами и хурритами заставляет поставить вопрос: не скрывается ли и за социальным термином *šurele* тоже этническое название. По-видимому, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Яририс, регент Каркемиша начала VIII в. до н. э., в своей надписи А 6, 2—6 пишет: «(боги) Тархунтас и Ниват вывели мое имя на Небо за мою справедливость, они вывели мое имя за пределы (страны), про меня слышаны в этом Египте, слышаны в этом Вавилоне(?), в этой Мусе, Мушке (-Фригии и Стране мушков) и Суре слышаны». Он же в надписи А 15ⁿ заявляет, что «...письменность Города (Каркемиша), письменность Суры, письменность Асуры (-Ассирии), письменность Таимана (и) двенадцать языков я знал» (перевод по А. Косяну; ср.: J. D. Hawkins, *Katgamis*, RLA V, 5/6, s. v., там же литература). Я первоначально предполагал, что Сура — это Сирия, т. е. страна арамейев, между тем как обыкновенно считалось, что термин Су-

гия, впервые засвидетельствованный у Геродота (VI, 63), является вариантом имени Ассирия. Однако не исключено, что страна (или «город») Сура, названная между Страной мушков (или Каркемишем) и Ассирией и обладавшая своим письмом — это *Šurele* (чит. /surele/) урартов. Что *šurele* — люди, а не страна, видно из включения их в список дворцового персонала Русы II (УПД 12,15).

Сопоставление надписей Сардуре II 155 G 13; 161, 8—9; 164, 8—11; 165, 9—13; 168, 9—11, 170, 7—8, и Русы II 278, 10—11; 280, 14—16; 281, 27—30 показывает тождество KUR. KUR MEŠ и KUR $\xi\acute{u}$ -ga-ú-e, а Келяшинская билингва Ишпуине и Минуа, УКН 19 ур. 2,18=асс. [2],16 указывает на тождество ŠU (=kiš-šātu) и *šurele*. Слово *kišātu* обычно переводится „вселенная“, „все“, но, кажется, возможно, что *šar kiššāti*—это не царь „вселенной“, а „множество“, т. е. опять-таки людей. И KUR. KUR^{MEŠ} в урартском, то есть *šurele*—безусловно, люди.

Как соотносится обозначение *šurele* с термином *biaine* (чит. [viâne]), который в надписи УКН 281,42 противопоставляется „чужестранцам“, *luluine*? Как известно, от этого же термина происходит официальное название Урарту. *Biainele*, „Вьяйские (ванские) страны“. Высказывалось мнение (В. Нагелем), что „царь *šurele*“ и „царя *Biainele*“ вместе равны „царю KUR. KUR^{MEŠ}“ как „царю обеих стран“, но на самом деле идеограмма KUR. KUR^{MEŠ} передает *šurele* (или KUR *šurele*), отдельно от *Biainele*.

Нам представляется, что *biainele* означает всех подданных урартского царя, то есть как собственно урартов, имеющих привилегированный статус, *šurele*, так и покоренных „союзников“, *hurâdinele* (и приравненных к ним воинов, находящихся на царском содержании), а также илотов, *igordele*. Данные о двух последних категориях мы обсудим немного ниже.

Текст УКН 155 G, посвященный указу (*ardaje*) Сардури II о снижении повинностей и поборов „тягот“ (?), (*is-io-še*) с разных категорий населения урартской державы, сообщает, что *šurele* освобождаются от поставок (*i-si-u-še* KUR $\xi\acute{u}$ -ga-a-ne-e-di-ne tú-gu-ú-be «тяготу с *šurele* я уничтожил»): 90 колесниц, 3600 всадников и 352011 воинов «как пеших, так и конных». Никакие натуральные поставки не упомянуты, и надо думать, что *šurele* их

и не вносили. Если считать, что, как обычно было на древнем Востоке, воином считался каждый здоровый взрослый мужчина, не достигший преклонных лет, т. е., по данным почти любу-бого докапиталистического общества, 20% населения, то общее число населения *šurele*, освобожденного от воинской повинности, должно было составлять около 1 млн. 750 тыс. человек. Весьма вероятно, что Сардури II освободил от воинской повинности почти всех *šurele*—в дальнейшем в качестве воинов фигурирует только вторая категория, *hurâdinele*,—однако все же не всех; в противном случае было бы просто сказано об их полном освобождении, а не указывались бы конкретные цифры, насколько были уменьшены повинности⁵³. К тому же, *šurele* перечисленные в составе персонала дворца Русы II (УПД 12,15), но не входящие ни в число сановников (*marile*), ни в число евнухов, ни в число низшего персонала,—почти наверняка, как и отмечено нами выше,—вооруженная охрана.

Следом за *šurele* текст 155 G помещает *hurâdinele* (стк. 5—6):
i-na-né ar-da-i-e LU A. SI-na-né-e-di-né tú-gu-bé a-le i-si-ú-še
ma-a-nu hu-šú-be: „по тому же указу с *hurâdinele* я уничтожил
(и), какая тягота была, я сложил“ (сообщается, что именно)

В описаниях походов урартских царей (за возможным исключением надписи Ишпуини и Минуа, УКН 24) воины—всегда *hurâdinele*, LU A. SI. MES. Поскольку и они, и, видимо, *šurele* были вооружены (само слово *šurele*, возможно, мн. ч. от *šure* „оружие“), постольку возникает вопрос, в чем между ними разница. Заметим, что LU A. SI—не шумерограмма, и что в аккадском тоже не встречается такого слова. По нашему объяснению, это сокращение хеттской аккадограммы—LU A. SI. RUM, ошибочно, но естественно прочитанной (вероятно, еще хурритскими писцами) как LU A. SI-aš, где знак RUM-AŠ принят за падежное окончание. В урартском войске, несомненно, были контингенты воинов из пленных—формирование таких отрядов практиковали и ассирийцы, а в Урарту пленные жители Софены и Мелитены, переселенные Аргишти I (УКН 128 A2, 14—22) в Эребуне, т. е. на границу (а всякая граница была и фронтом),—несомненно, должны были получить в руки оружие. Однако других воинов, кроме *hurâdinele*, в урартских надписях обычно не упоминается. Поэтому можно предположить, что к этой категории относились вообще воинские контингенты со всех, хотя бы и давно, заво-

еванных территорий. Кстати говоря, примерно так набираются войско и у хеттов.

Указывая величину снижения поставок с *hurâdinele*, надпись Сардури II приводит цифры: 121 человек, 1408 коней, 132 мула, 21357 коров и быков, 35467 овец, 2114 мечей (?), 1332 лука и 47970 стрел (по 34 стрелы на каждый лук). Это, вероятно, указывает на то, что в числе *hurâdinele* были не только воины, но и оружейники. Снижение поставок относительно небольшое, и, несмотря на формулировку надписи, это не может быть полным освобождением воинов: напротив, кажется, что эта группа была мало затронута реформой. *Hurâdinele*, очевидно, были и оставались профессиональными воинами, главным контингентом урартской армии, и объем их обязанностей и поставок с них не мог быть сильно уменьшен.

К сожалению, неясно, где в надписи УКН 155 G кончается перечень поставок, упраздненных для *hurâdinele*, и начинается перечень льгот для *igordele*, но, вероятно, тут поставки первых кончаются на стрелах. Поборы скотом (ср. ассир. *šibit alpi šēni*) не упомянуты для *šugele*, и, видимо, он не собирался и с *igordele*. По смыслу самого термина (от иг- «возделывать» — вероятно, также технически (быть *igorde*)) последние были земледельческим населением и, судя по нашему тексту (§ 8), обеспечивали храмовые учреждения рабочим персоналом, а согласно УКН 155 G они же, очевидно, поставляли сельскохозяйственные продукты (ср.: ассир. *še nusâhi*), — надо думать, обеспечивая снабжение армии, дворцов и храмов. Именно они (но, может быть, не только они) были обязаны «небу» (храмам) какими-то взносами «по присяге» (*ešimeše elmuše*). С них поборы были снижены реформой Сардури II (LU ú-gu-ur-da-a-né-e-di-né tú-gu-ú-bé, стк. 11) на 1.022.133 капе ячменя (капе, согласно УКН 419, равно асс. BÁN. EŠ, или 30 síla = ок. 20 или 30 л; всего, таким образом, около 1.500 центнеров), затем 111 aqarqe винограда, 86 aqarqe 7 țirusi и 2 kali растительного масла, 779 мин (ок 360 кг) меди (очевидно, „денег“) ⁵⁴ и 336 рабов. Это очень небольшое снижение поборов, если оно относится ко всей стране. Очевидно, сокращение поборов еще менее коснулось *igordele*, чем *hurâdinele*.

Ниже *igordele* стояли рабы, *rigâle* (ÈRE), не упоминаемые более в разбираемом тексте, но известные из других (УКН 40, л. В 8; 128 В I, 18, 39; 155 А, 17; F, 20; G, 11; 156 В I, 7; 264, 25; 265, 3; 266, 3; 276, л. 16, об. 31; 311, л; УПД I, 6; 4, 6; 11, x+3). Они, вероятно, вербовались преимущественно из

пленных — урартские надписи часто упоминают захват плен-
ных отдельными воинами и раздаривание пленных войнам
(воинам *šurele* при Минуи, УКН 24, л. 27, об. 34, но только
hurādinele при Сардуре II (УКН 155 А, 12; С, 46; F, 28; плен-
ные отдаются в дар царем, УКН 156 С, 30). Но из текста
УКН 155 G, 11 вытекает, что рабами могли владеть и люди
igordele, и часто они даже уплачивали ими некоторый побор
государству.

Численность рабов в Урарту мы установить не можем,
так как неизвестно, какой процент пленных обращался в ра-
бов, какой — в евнухов, какой — в воинов.

Таким образом, мы получили из нашего и некоторых дру-
гих текстов полезные новые сведения об обществе Урарту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Урартские клинообразные надписи, ВДИ, 1953, 1—4; 1954, 1.
2. Урартские клинообразные надписи, 2-е изд., М., 1960; ср. также Г. А. Меликишвили, Урартский язык, М., 1964; он же, *Die urartäische Sprache*, Rom, 1971, *Studia Pohl*, 7.
3. Урартские клинообразные надписи II, ВДИ 1971, 3—4.
4. F. W. König, *Handbuch der chaldischen Inschriften*, I—II, Graz, 1955—1957.
5. Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи, Ереван 1966.
6. Шумерограмма *MĀŠ. TUR* буквально означает «козел малый», т. е. «козленок». Однако термин этот в перечнях жертв неизменно предшествует всякому иному скоту, даже быкам. Кроме того, слово *MĀŠ. TUR* никогда не употребляется ни с глаголом «заклать» (*TAG, urb-*), ни с глаголом «принести, возносить (жертву)» (*ašh-*), но всегда с глаголом *pīrs-*, причем этот глагол всегда стоит в другой спрягаемой форме, чем следующие за ним *urb-* и *ašh-*, а именно в опативе I несовершенного-длительного вида на *-ed-*, поэтому действие *pīrs-* мыслится как имеющее продолжение, а не как происходящее каждый раз одновременно, подобно *urb-* и *ašh-*. По этим причинам мы считаем, что *MĀŠ. TUR* (шумерограмма мнимая, созданная самими урартскими писцами, а в подлинных шумерских хозяйственных документах не встречающаяся) означает «жертвоприношение скота вообще», соответствуя шум. *māš-da-ri-a* букв. «постоянному козленку», что тоже значит «обязательное, регулярное жертвоприношение скотом» — чаще всего баранами, а не козлятами; а для глагола *pīrs-* мы избрали перевод «учреждать».
7. В урартских текстах засвидетельствовано несколько терминов для святилищ: (1) *É. BĀRAG* -аккад. *paakku*, урарт. *jāgane* «часовня» или «священный постамент» (обычно под балдахином), (2) *KÁ, GĪŠ KÁ* урарт. *šeštile* «врата» — ниша в скале или отдельно стоящая стела с площадкой перед нею; возможно, что *šeštile* идентично *jāgane*. В Тейшебаини имелась искусственная скальная ниша с искусственной же площадкой; именно здесь и была начертана надпись УКН 448; (3) *sūse*, по всей вероятности, собственно храм с колонным залом.

Кроме того (4) встречается обозначение храма как «дома (Ĕ) божества». Это, вероятно, наиболее общее наименование, означающее как здание, так и хозяйственную единицу. Чтение этой шумерограммы неизвестно — предположительно *ṣi-ri-ṣi-ri-ri*, см. об этом ниже, прим. 52.

8. Обряд, упоминаемый в предыдущих строках надписи (qudulane ṣuhinaṣe MAŠ.TUR, в нашей надписи I, 7: «от qudula—к новым [месяцам?]»).

9. Хурр. tap— «делать»; однако в урартском вместо этого глагола, употребляемого в общем смысле, применяется другой глагол, ṣâd— или zâd—, поэтому tap— надо понимать в более специфическом смысле; в большинстве дошедших контекстов этот глагол связан с жертвоприношениями, но ср. УКН 268, 10: с о о р у ж е н и е искусственного озера. Союз âṣ «когда» требует после себя глагола в опативе, см. Х а ч и к я н М. Л. Хур., с. 110.

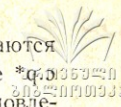
10. слово неясно; даже трудно сказать, имя ли это (во мн. ч. абс. п.) или глагол в опативе.

11. См. прим. 7.

12. Значение глагола ur- выводится из следующих контекстов: УКН 268, 11—19: LÛ DUMU-še URU Tu-uš-pa-i-ni-[še] ʽuʽ-ru-la-nè i-se-i KI [TIM^m] Ru-sa-hi-na-ka-i e-wex i-nu-s [e ṣ]u-i-nè-i e-se gu-nè, qu-ul-di-[nè šú]-le ma-nu LÛ DUMU MÊŠ-nè-še a-lu-še [ú]-gu-lu-nè... граждане (букв. «гражданство» сыновство) тушпское должно было возделывать (?) всякую землю около Русахенели, а также обводненное место воистину бесплодным (и) бедным (?) было; «гражданство», которое возделывало (?)...»; УКН 155 G, 3: a-le ar-da-i-e i-nè i-si-ú-še KUR šú-ra-a-nè-e-di-nè tú-gu-ú-bè... «этот указ, по которому эту повинность (isioše) с (людей) šurele я отменил (букв. уничтожил)...», «...по тому же указу с (людей) hurâdinele LÛ A. SI, «воиннов») я отбросил...» («налог различными продуктами) с (людей) urordele (LÛ ú-gu-ur-da-a-nè-e-di-nè) я отменил (уничтожил)...» Люди šurele, как мы увидим ниже—полноправные граждане; именно их упоминают урартские цари в своей титулатуре (egele šurau «царь šurele», аккад. «царь множеств»). В надписи Сардури II УКН 155 им, как мы видим, противостоят воины, hurâdinele, и, предположительно, лица, обязанные поставкой продуктов (трудовой повинностью), *ur-orde, pl. urorde-le, Abl. pl. urordane «возделыватель», (к форме словообразования см. Diakonoff HuU, p. 70-orda<-ord-ae:-orde||-arde||-ande, см. Х а ч и к я н, Хур, с. 65). Отсюда глагол ur- (транз) должен означать «делать, возделывать, работать, обрабатывать; выполнять труд (овую повинность)» (?), «служить (?)». Речь идет либо о временной повинности, либо, скорее, о службе в храмовом хозяйстве в качестве члена трудового персонала. В любом случае имеется ввиду, как нам кажется, местное население завоеванной урартами территории. Ср. в хурр. ur— (интранз) «делаться, пребывать» (sich machen, sich befinden).

13. İstine, конечно, означает «там», но переход от пространственного к временному «потом» и причинно-следственному значению можно считать естественным. Ср. išape ниже, прим. 27.

14. Значение «собирать» для wah— определяется контекстом УКН 65, 30—31: a-še GEŠTIN MÊŠ šú-ú-he-e wa_x-hu-le-e «когда виноград новый будут соби-

рать...»; значение КА-qu-le «камни» определяется (1) тем, что они собираются «на бесплодной земле», и (2) сопоставлением с правосточнокавказским, где *qâ-qu-le «камень» (-g- в иллауте выпадает регулярно). Чтение qâ-qu-le обусловлено малой вероятностью сочетания k и q в одном корне; мнение о якобы однозначности урартских силлабограмм безусловно устарело.

15. Значение «кроме» (помимо более обычного «пусть не») выводится из текстов УКН 24, л. 27, об. 24; 156 с, 29.

16. Подобно тому, как хурр. riğâ-me-урарт. riğâ- «раб», так и урарт. eši-me=хурр. eze, урарт. eše «небо»: ср. УКН 281, 22 и 17: a-še A^{MES} e-ši-a ši-û-le, «когда воды с неба потекут», параллельно a-še pi-le ne-ke-du-le «когда канал разольется».

17. К elm-o-že ср. хурр. elm-, elam— «клятва»; наречная форма на -še «клятвенно», в данном случае, предположительно, «по присяге».

18. Букв. «дал быть», каузатив 3 л. ед. ч. от nap- «быть».

19. Восстановление âše определяется последующими глагольными формами.

20. Подчинительный союз ale вынесен вперед, как часто в урартском.

21. Перевод условный, ср. er-ed-a-be УКН 128 А 1, 18. Г. А. Меликишвили справедливо указывает, что этот глагол параллелен nup- «приходить» и ši- «идти, уходить».

22. wu- сказуемое предложения, предположительно «потребуют». Ср. прим. 34.

23. palâje—герундивное причастие к глаголу pal- «знать»: «знаток», очевидно, какая-то жреческая должность или функция.

24. ma-pu-le может быть каузативом ma-pu-le «пусть даст быть» (то есть «пусть сделает») или интранзитивом ma-p-o-le «пусть будет». Обе формы, по-видимому, встречаются в данном тексте: различие—только по контексту.

25. aš-(e)d-u-l от глагола aš—, хурр. ašš—(интранз.) «сидеть», (транз.) «сажать, помещать».

26. Глагол kuš- обычно переводится «воздвигать», но вероятнее просто «ставить». Поскольку в предложениях, вводимых союзом âše ,сказуемое обязательно в оптативе, постольку пожелание выражается юссивом (3 л. императива). Так же ниже šine «пусть пойдет» или «пусть пошлет» и т. д.

27. Букв. «тот; та сторона, там»; здесь, предположительно, употреблено для передачи временной или причинно-следственной связи. Ср. îstine прим. 13.

28. TAG -uḡbu «кровавая жертва» (хурр. и урарт.).

29. В «(доме) serhan» (-в хлеву? в загоне?), видимо, содержался скот перед жертвоприношениями. Возможно, от sê «пастух» (*s-(e)=er(e)=h-an-?).

30. Люди maḡe упоминаются в текстах УПД 12 и 15. Первый из этих текстов—опись персонала храмового дворца в Русахенеле. Он состоит из 1113 людей maḡe, делящихся на две группы; 3784 внухов (к их числу отнесены также 68 женщины-ткачих; очевидно, женщины в составе персонала было мало, и они отдельно не учитывались); 300 людей šurele (шумерограмма ^{LÚ}KUR. KUR, объясняющая šurele также в царской титулатуре—люди, а не «страны»); 90 человек «народа» (^{LÚ}UKU-še); и еще 220 разных лиц, по-видимому, низкого звания.

Можно было бы присоединиться к мнению Вяч. Вс. Иванова и других исследователей, видящих в maḡe заимствование др.-инд. maḡa- («юный) муж» (как про-

тивоположность евнухам?), если бы не многочисленные группы лиц, не вошедшие ни в число *maḡe*, ни в число евнухов. Связь с хурр. *maḡi-anne* «колесничий» вполне вероятна, но не требует прибегать к и.—е. этимологии, поскольку это слово хорошо этимологизируется из восточнокавказского и имеет обычное для хурритских терминов профессий оформление на *-anne*. — В УПД 15, 4 (без контекста) встречается прилагательное $L\dot{U}$ *ma-ḡi-he*; здесь несколько иное образование, известное из хурритского—на—*a(h)he*, ср. Хачикян, Хур., с. 69 (к приведенным там хурритским примерам ср. еще *unz-ar-ahhe* «туземец»). Однако, урартские *maḡe*, как видно из УПД 12, 9—не колесничие, а верхушка чиновных придворных лиц, делящаяся на две группы—*tardaše* и *kirine* (последние, может быть, «чашеносцы»).

31. Букв. «это другое».

32. Подчинительный союз вынесен вперед.

33. $\dot{s}\dot{u}$ -*re-le*, $KUR\dot{s}\dot{u}$ -*re-le*, $L\dot{U}KUR$. KUR -*e*, KUR . KUR $ME\dot{S}$ (последнее—в титулах)—написание для слова *šurele* (мн. ч.), что является обозначением людей, а не стран, как можно было бы думать по шумерограмме, что видно из текстов УКН 155 G, 3; УПД 12, 15 и из нашего текста. *šurele*—та основная часть населения Урарту, царями которой и считали себя урартские цари (отсюда они в титулатуре). Это, очевидно, вооруженные граждане (о их вооруженности говорит текст УКН 155 G; роль вооруженной охраны дворца играют они, очевидно, и в списке УПД 12).

34. Сказуемое предложения, ср. §9, стк. 14, прим. 22,—предположительно-поссибилитив, см. Хачикян, Хур., с. 111; ср. $\dot{u}$ - $\dot{u}$ - $\dot{s}\dot{e}$ (УКН 36, 23, 128 В I, 26)—прилжение к *aš(a)ze* «кошт, доля»,—может быть, «потребное, требуемое»; «довольствие»?

35. По-видимому, имеется ввиду другое сооружение, отличное от «святилища, часовни» (Ē. *BĀRAG*), что, возможно, соответствует «Халдиевым вратам». Жертвоприношения в храме (*sūse*), видимо, были привилегией свободных граждан.

36. Восстановлено по УКН 65,27; *ur-bu-le-né ha-lu-le aš-hu-le-né* «заклади бы, устроили бы трапезу»; УКН 96,3: D *Hal—di—e aš-ha-aš-tú-le ha-lu-le* «Халдию устроили трапезу».

37. Термин *aluse* известен из титулатуры урартских царей, в УКН 72,5—7. [BU] $Z\dot{U}R$ *tar-a-i-e BUZ\dot{U}R* *al-a-su-ú-i-né-e BUZ\dot{U}R $KUR\dot{s}\dot{u}$ - $\dot{u}$ -*ra-a-ú-e* [BU] $Z\dot{U}R$ KUR $Vi-i-a-i-na-a-ú-e$ $BUZ\dot{U}R$ *e-re-e-la-a-ú-e a-lu-se* [UR] JU *Tu-uš- $\dot{p}$ a- $\dot{p}$ a- $\dot{p}$ a- $\dot{t}$ a- $\dot{g}$ e* (Минуа), царь великий, царь могучий, царь *šurele*, царь Биайских (стран, т. е. Ванской области), царь царей, гравитель Тушгы города». Последний титул иногда опускается. В Келяшинской билингве (УКН, 19) *aluse* переводится академским *šakpi* «наместник». В нашем пассаже речь идет, конечно, не о царе (о нем речь пойдет ниже), а о градоправителе Тейшебайни.*

38. *Miri-pte* абстрактное словообразование от *mir*—, может быть, «счет»: ср. УКН 20 лиц. 32, об. 13: $LUGAL$ $ME\dot{S}$ KUR *e-ti-ú-he-né-le za-šⁱ-ie ú-i mi- $\dot{g}$ e ip-ha-a- $\dot{g}$ e* «цари этивские сильные, без счета (?) пагуба». Ср. глагол *ip-h*—«губить, разрушать», и богиню (разрушения?) D *Ip-ha- $\dot{g}$ e* УКН 27, 22.

39. С первого взгляда *mī-gu-né* представляется повествовательной формой транзитивного глагола *mīg-* «считать (если принять толкование в прим. 38), однако синтаксически такая форма здесь явно неуместна. Поэтому читаем здесь *mīg-o-ne*, эблитив от гричастия состояния.

40. *ar-(e)d-u-le-ne* несовершенно-длительный вид опатива глагола *ar-* «давать». Перевод «жир» для *zelde* диктуется парностью с *ŠAG* «сердце»: о разделе жертвы ср. греч. *σπλάγγυη*—основная часть жертвы, состоявшая из сердца, печени, почек и т. п.: это подалось жертвователем, а божеству давалась бедренная кость, бедро, завернутое в жир. См. Pauly-Wissowa, s. v. *Opfer*.

* Необычное сочетание послелогов *TAG-še-né-né-urbu-aše-ne-ne!*

41. Слово *ragza* «туша» (?) встречается в общих контекстах с *UZU* «мясо» и *zelde* «жир», ср. УКН 89,7—11: *a-le* ^D*Hal-di-n* [*a-e É hu-*] *ra-de-e* *TAG-e* *a-le* *pu-gu-le-p* [é x x *-ar*] *pa-ú-e šu-i-né-né* *pár-za-né* *ze-el-[de mMi]-nu-a* ^D*Hal-di-še ú-šu-né* *DINGIR*^{MES} *ze-el-de is-ti-né-né* *BUZÚR*^{MES} *ú-še-di-la-ti-né* «воин, который в Халдие [вом храме] жертву заклал, [от своего] дома (ср. хурр. *puḡe* «дом») [...] ... (род./дат. п. мн. ч.) из всей туши жи[r] для [М]инун Халдий назначил, боги жир оттуда (из туши) парям чтобы и в будущем назначали» (в конце поклонение цели, финалис, см. Хачикян, Хур., с. 94, 111, 142). Существовал специальный «дом *ragzudibido*», видимо, связанный с кровавыми жертвами (бойня?). Ср. УКН 88—90; 299. Текст УКН 142 частично повторяет УКН 448.

42. Здесь *aš-*, вероятно, «оставаться», интранзитив к *aš-*, транзитив «оставлять» «отгонять», ср. УКН 130,13; 155 E 11; ср. также *aš-ol* «покинуть»; ср. *aš-o* «беглый», м. б. «оставленный, дезертир», УКН 158,6; другой глагол—омоним *aš-* «сидеть; сажать», как в УКН 29, 6—7; 155 B, 23, и ср. хурр. *ašš-* то же.

43. Шумерограмма *ZI* означает, собственно «душа» и «жизнь». Здесь предположительно «кровь». Как часть тела *ZI* в шумеро-аккадской литературе означает «горло, гортань», что здесь вряд ли подойдет. Перевод «кровь» (а не «жизнь» или «душа») требуется контекстом: ср. §12, 21.

44. Глагольный корень *šil-* (в герундивном причастии *šilae (*šilā*) до сих пор в урартских текстах встретился только в составе имени собственного *inuš-šilā* УПД 7,1; перевод предположительный.

45. Имя существительное или прилагательное неясного образования, вероятно от глагола *pañ-* интранз. «восходить», транз. «уносить, приносить» (не аналогичен ли *akkad. biltu* «дань» от глагола *wbl* «приносить?»). Для формы слова ср. агто—*ze* «семья, семья (?)», *aš(a)-ze*, возможно, «кошт. пропитание».

46. *šialde*—суфин от глагола *ši-* с породным, вероятно, каузативным суффиксом—*al-* (ср. *am/n/r-*, Хачикян, Хур., с. 60)—вероятно *ši-al-ed-i-ae*; здесь мы предполагаем наречное употребление; перевод, конечно, ненадежен. См. Хачикян, Хур., с. 112.

47. Какая-то часть туши. Однако ср. также УПД 7 (УКН 462), 9 (финалис *ú-ú-la-né*).

48. *kui*, *kue* означает «также» (УКН 27,27; 155 C, 28), «вместе с» (УКН 276 л. 8); *mī-kui* (УКН 19, 35; 280,12) значит «даже ни».

49. Герундивное причастие от иначе не засвидетельствованного глагола *zim-*; речь, вероятно, идет о неправомерном забирании особых (сакральных) частей туши жертвенного животного для собственных (домашних) нужд.

50. aš-(e)d-u-ne несовершенно-длительный вид 3 л. ед. ч. глагола aš- „оставлять“; aši-ne юссив (3 л. ед. ч. императива) того же глагола.

51. Ср. хурр. šin-ap- „удваивать“; грамматическая форма, вероятно, как в прим. 46, а именно герундивная (-e < -âe); ср. хурритские дистрибутивные числительные на -î-âe. Это глосса подтверждает мнение, что урарт. šîše „два“ < *šîšše < šin-še; ср. хурр. šine „два“.

52. К слову тиге: из наличного контекста УКН 155 С, 27—31 точное его значение установить не удастся, однако детерминатив Ê „дом“ и тот факт, что тиге является объектом глаголов „строить“ и „положить“, суживает круг возможных толкований. Не исключено, что тиге значит просто „дом“ вообще (однако ср. rîgule- „дом“ в УКН 89, 8); как известно, всюду на древнем Востоке именно „домом (бога)“ назывался храм (как учреждение, так и хозяйство). Вот контекст; Ê mu-ge-le a-le LUAD-še LUAD. AD.-še [ši-[du-a le a-û-i-e ku-ul- -mî-e ta-né-du... I(?)MEL Ê mu-ge-le ha-û-bé ta-âš-mu-bé „тиге которые строили отцы и деды, где также и богатство (?) его бывало... 150 тиге я захватил, полонил“. Переводится также „(храмовый) склад“ (однако тогда почему ku „также“ в УКН 155 С?).

53. Если считать, что šîgele составляли, с семьями, около трети населения Урартской державы, то общее число ее подданных должно было превышать 5 миллионов—цифра не лишенная правдоподобия.

54. Один полутораметровый глиняный урартский хум вмещал около 250 л или 4,5—5,0 акарки, см. Пиотровский Б. Б. в УПД, с. 6. Таким образом, всем hurâdinele побор винограда был снижен менее чем на 30 тыс. л, а растительного масла—менее чем на 25 тыс. литров! Но можно думать, что число ugordele не уступало числу šîgele, и исчислялось сотнями тысяч, по меньшей мере.⁵⁵

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории;

УКН — Меликишвили Г. А., Урартские клинообразные надписи, М., 1960 (№№ 371—447; УКН II, = ВДИ 1971, 3; №№ 448—533 = ВДИ 1971, 4);

УПД — Дьяконов И. М. Урартские письма и документы, М.—Л., 1963;

Хур. — Хачикян М. Л., Хурритский и урартский языки, Ереван, 1986;

HuU — Diakonoff I. M. Hurrisch und Urartäisch, München, 1971

С. С. СОЛОВЬЕВА

ЕГИПЕТСКИЕ САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ИЗОБРАЖЕНИЯ В АССИРИИ

При раскопках городов Месопотамии, более всего Кальху, Ниневии, Ниппура, археологами был найден ряд египетских сакральных предметов и изображений, датируемых временем IX—VII вв. до н. э.

Среди них встречаются, во-первых, статуэтки египетских божеств. Две из них обнаружены в Ниневии. При раскопках холма Куюнджик, в руинах дворца Синаххериба была найдена бронзовая статуэтка Пта-Татенена¹, синкретического божества, символизирующего слияние главного бога-покровителя Мемфиса Пта с хтоническим местным божеством Татененом («Поднимающаяся земля»). Объединенная ипостась Пта-Татенена утверждается в качестве божества в эпоху Нового царства и распространяется даже за пределами Египта². При раскопках холма Неби-Юнус, у входа во дворец Асархаддона была найдена бронзовая, с золотыми инкрустациями статуэтка египетской богини с иероглифической надписью на цоколе 'nḳwt, которая означала ее имя — Анукет (греч. Анукис)³. Это была богиня, входившая в триаду богов, почитавшихся в районе 1-го нильского порога: Хнум-Сатис-Анукет. Она почиталась на острове Элефантина (nb 3 bw), считалась владычицей острова Сехель (один из островов архипелага, южнее Элефантины — nb stt) и богиней нильских вод⁴. О почитании этой богини в Верхнем Египте и Нубии известно с рубежа III—II тыс. до н. э., но наиболее распространенным ее культ стал в эпоху Нового царства и поздний период, о чем свидетельствуют надписи и рельефы Аменхотепа II, Хоремхеба, Рамсеса II, а

¹ King L. W. Some new Examples of Egyptian Influence at Nineveh. „The Journal of Egyptian Archaeology“ (далее—JEA), 1914, vol. I, pl. XXXV, № 5.

² Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976, с. 74.

³ Naji al-Asil. The Assyrian Palace at Nebi Unis. „Sumer“, x, 1954, № 2; The Archaeological Exhibition of 1951. „Sumer“, XI, 1955, № 2.

⁴ Коростовцев М. А. Указ. соч., с. 51.

также египетско-кушитских фараонов Шабаки и Тахарки, при которых ее культ продвигается далее на юг и зафиксирован, например, в надписях и рельефах Кавы — Гемпатона, где она названа — nb gm Jtn⁵.

Статуэтки Анукет и Пта-Татенена были вывезены ассирийцами из Египта в качестве трофеев во времена Асархаддона и Ашшурбанапала, утверждавших власть Ассирии над этой страной. Ассирийцы как раз штурмовали Мемфис, брали Фивы и преследовали кушитские войска до самых границ Нубии. Отсюда и были вывезены Пта-Татенен и Анукет. Вспоминаются слова Ашшурбанапала из его летописи: «Два высоких обелиска, литых из светлого электра, вес которых 2500 талантов, стоявших у ворот храма, я исторг из их мест и забрал в страну Ашшур»⁶. Как видим, в качестве трофеев вывозили различные религиозные символы: от более чем 75-тонных обелисков до крошечных, уместающихся в ладони божков: Пта-Татенен и Анукет (6,3 см).

Подобную же цель преследовал увоз царских статуй — основных предметов царского культа, свидетельства о чем имеются в летописях Асархаддона и Ашшурбанапала. Подтверждает их реальность находка обломков трех больших, в рост человека, одинаковых каменных статуй египетского фараона с иероглифическими надписями на цоколях⁷. Статуи были превращены в «неисчислимую пруду камней» во время вторжения в Ниневию в 612 г. до н. э. мидян, скифов и вавилонян. В них приведена характерная для египетских и кушитских фараонов титулатура, имеется картуш с именем Thrk — Тахарка, упомянуто имя его бога-покровителя, весьма почитаемого в Египте и Куше бога охоты и войны Инхара (греч. Онурис), любимцем (Мери-Инхар), которого он назван, а также название подвластной ему, весьма отдаленной местности — Та-Эрбало на Белом Ниле, что свидетельствует о значительных масштабах власти кушитских царей и распространения их могущества вглубь территории Африки⁸.

Археологические свидетельства увоза ассирийцами статуй богов и царей перекликаются также со свидетельствами письменных египетских документов: надписей правителя Фив Мон-

⁵ Laming-Macadam M. F. The Temples of Kawa. London, 1955, vol. I—pl. 6; vol. II—Text, p. 90.

⁶ Цилиндр Рассама, II, 41—43.

⁷ Simpson W. K. The Pharaoh Taharqa. „Sumer“, X, 1954, № 2; Vikentiev V. Quelques considérations à propos des statues de Taharqa, trouvées dans les ruines du palais d'Esarhaddon. „Sumer“, XI, 1955, № 2.

⁸ Vikentiev V. Quelques considerations.... p. 113; Simpson W. K. The Pharaoh Taharqa, p. 193; Goossens G. Taharqa le conquérant. „Chronique d'Egypte“, 1947, № 44, p. 243.

туемхата, демотического папируса «Жалобы жреца Петейсе» где говорится о разорении «великих египетских храмов», о «злополучных», «лихих временах», которые связываются с господством Ассирии над Египтом⁹.

Любопытное подтверждение этого содержится также в так наз. «пророчестве агнца» (двуглавого ягненка), записанном в Венском демотическом папирусе Кралье (34 г. н. э.), где говорится, что при фараоне Бакенранфе (Бокхорисе) ягненок заговорил человеческим голосом и предрек египтянину Пасангору, что 900 лет Египет будет плакать из-за несчастий, которые принесут азиаты из Ниневии, и лишь после этого явятся цари (имеются в виду римляне), которые наведут порядок внутри страны, восстановят ее славу и «вернут из Азии отнятые изображения богов»¹⁰ (имеется в виду: от парфян, которые в представлении античного мира считались наследниками ассирийцев).

Весьма многочисленны находки скарабеев — египетских священных жуков (фетишей, амулетов, печатей). Они широко распространены на территории Азии, Африки, Европы. Находят скарабеев и в Месопотамии. При раскопках Кальху в помещении северо-западного дворца была найдена бронзовая чаша с изображением крылатого скарабея и скарабей из слоновой кости с изображением Гора-младенца с пальцем у рта, сидящего на цветке лотоса¹¹. В середине нашего века английской археологической экспедицией под руководством М. Мэллоуна в тайнике, в сосуде, замурованном в стену «форты Салманасара», был обнаружен фрагмент крупного, около 4 см скарабея из слоновой кости с изображением крылатого урея и солнечного диска на выпуклой стороне и картуша с именем Tigr — Тахарка — на плоской¹².

При раскопках Ниневии (холм Куюнджик) в середине XIX в. Г. А. Лэйярдом в тронном зале юго-западного дворца Синаххериба были найдены два бронзовых куба, на каждом из которых инкрустацией золотом был выполнен крылатый жук-скарабей.

При раскопках дворца Синаххериба были найдены также оттиск двух скарабеев на глине, скарабей с иероглифическим названием Карнака — *ipt-sw-t* и скарабей с изображением коленапреклоненного в молитвенной позе человека перед священным обелиском Хапи — божества реки Нил, двух

⁹ Петейсе, 6,16 и 7,3 в кн.: «Повесть Петейсе III. Древнеегипетская проза». Пер. Коростовцева М. А. М., 1978, с. 171—172.

¹⁰ Турае в Б. А. История древнего Востока. М., 1935. Т. 2, с. 43.

¹¹ Layard A. L. Nineveh and Babylon. London, 1897, p. 186.

¹² Mallowan M. E. L. Nimrud and its remains. London, 1956, vol. II, № 583.

солнечных дисков, пчелы — символа Нижнего Египта и в кар-
туше — имени Тутмоса III¹³.

При раскопках квартала писцов в Ниппуре среди груды печатей были найдены 3 скарабея¹⁴ из зеленой фритты, особенно любимой египтянами¹⁵. На плоской стороне одного из скарабеев выгравирован весьма распространенный в египетской иероглифике детерминатив шагающего человека с поднятыми вверх руками, использующийся для передачи понятий «высокий, ликовать, радоваться». На другом фигурируют павианы — священные символы египетского бога мудрости и покровителя писцов Тота. На третьем выгравирован скорпион — воплощение и священный символ египетской богини Селкет (Серкет), почитавшейся на западе Дельты, выступавшей в роли покровительницы и защитницы умерших¹⁶. Облик скорпиона могла также принимать богиня Исида¹⁷. Со скорпионами нередко изображался бог Тот (рельефы в храмах Дакки, Дендур)¹⁸, (скарабеоид Тутмоса III из Эрмитажа № 2256)¹⁹.

Таким образом, как сюжеты изображений, так и материал, из которого изготовлены скарабеи — египетские. Скорее всего эти скарабеи принадлежали египетским писцам, депортированным из Египта и исполнявшим в Ассирии писцовую службу. Как известно, депортацию наиболее ценных кадров (врачей, писцов, ремесленников) из Египта ассирийцы осуществляли²⁰. Они могли использоваться на государственной службе, подтверждение чему дает ассирийский текст VIII или VII в. до н. э. из библиотеки Ашшурбанапала, представляющий собой список врачей, магов и жрецов, среди которых перечислены и имена трех египтян²¹. В тексте они названы *ḫartibi*, ка-

¹³ King L. *op. cit.*, pl. XXV, № 6, 7, 8.

¹⁴ Mc Kown D. E. and Haines R. C. *Nippur. Excavations. Chicago, 1907, vol. I, pl. 113 № 11, pl. 114 № 7, pl. 116 № 15.*

¹⁵ Кинк Х. А. *Художественное ремесло Египта и сопредельных стран. М., 1976, с. 77.*

¹⁶ Pl. 113, N 11, pl. 114 N 7, pl. 116 N 15.

¹⁷ Коростовцев М. А. *Религия...*, с. 25.

¹⁸ Миньковская Э. Е. *Египетская религия в Куше. Гл. XXIX в кн.: Коростовцев М. А. Религия древнего Египта, с. 315.*

¹⁹ Ходжаш С. И. *Царские скарабеи, скарабеоиды и печати эпохи Нового царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитажа. ВДИ, 1976, № 2, с. 108 (№ 89).*

²⁰ Helck W. *Geschichte des alten Ägypten. Leiden-Köln, 1968, S. 241.*

²¹ Ranke H. *Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation. Berlin, 1910, S. 37; B. Meissner. Drei ägyptische Schreibernamen in assyrischer Transcription. „Zeitschrift für ägyptische Sprache“, Bd. 40, 1902—1903. S. 145—146.*

ковым словом передано египетское понятие hrj-hb(t) hrj-tp, означающее «главный жрец-чтец»²².

М. А. Дандамаев по документам нововавилонского и персидского времени установил, что amel miširāja жили в Вавилоне, Борсиппе, Сиппаре, Уре, Уруке и в том числе и в Ниппуре и даже составляли там своего рода «колонии»²³. Очевидно, что вышеупомянутые скарабеи принадлежали депортированным египтянам, но трудно определить, кем и когда они были переселены в Месопотамию: ассирийскими, нововавилонскими или персидскими царями. Скарабеи найдены в слоях I тыс. до н. э. в груде печатей и их оттисков²⁴. Датировать их можно, учитывая и письменные документы, в пределах VII—V вв. до н. э.

Большая группа скарабеев (11 штук) была найдена Г. А. Лэйярдом на берегу реки Хабур, в районе холма Арбан на западе Месопотамии, где проходил основной торговый путь, связывавший ее с средиземноморским побережьем и Египтом. Скарабеи несут на себе египетскую религиозную символику («око Гора», урей, сфинкс, крылатый скарабей и др.) и картуши с именами фараонов Тутмоса III (Мен-хепер-Ра) и Аменхотепа III (Неб-Маат-Ра)²⁵.

Из наблюдения над скарабеями явствует, что их появление в Месопотамии было обусловлено торговыми отношениями с Египтом (с XV в. до н. э.), они попадали туда также как военные трофеи и как принадлежность депортированных египтян. Возможно, что бронзовая чаша и бронзовые кубы с инкрустированными золотом изображениями скарабеев были почетными дарами египетско-кушитских фараонов ассирийским царям или считались престижными трофеями.

Египетские сакральные изображения имеются и на группе печатей, оттиски которых были обнаружены в так наз. «доме торговцев» в Кальху и датируются серединой VII в. до н. э.²⁶ Это печать № 6 с изображением богини истины и справедливости Маат, печать № 14 с изображением играющих на флейтах павианов — сюжет из египетского сказания о Солнечном Оке — богине Хатхор-Тэфнут. Особенно интересен оттиск

²² Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962, с. 72, 109, 110.

Дандамаев М. А. Египетские поселенцы в Вавилонии в VI—V вв. до н. э. «Древний Египет и Древняя Африка», М., 1967, с. 19, 20, 24.

²⁴ Mc Kown D. E. and Haines R. C. Op. cit.

²⁵ Layard A. H. Op. cit. p. 125.

²⁶ Mallowan M. E. L. Nimrud..., vol. I, p. 196 (ND 3424, 3425, 2078). Parker V. Excavations at Nimrud, 1949—1953 (Seals and Seals impressions). «Iraq», XVI, 1955, № 2.

печати № 15, на котором изображен правитель с атрибутами власти, в египетском одеянии и короне Нижнего Египта рядом с иероглифическим знаком, который читается как *m ḥw* и означает Дельту, Нижний Египет, землю папируса — *t'ō m ḥw*.

Большая часть оттисков печатей была обнаружена в комнате № 19, где находился архив торговца Шамашаруцура (50 табличек), которого М. Мэллоун назвал «процветающим торговцем времен Ашшурбанапала»²⁷. Имена владельцев печатей с египетской символикой — семитские, аккадские (Манну-ки-или, Паку-или-уцур, Ишди-Набу и др.). Присутствие на их печатях египетских изображений и мотивов, возможно, свидетельствует, по мнению М. Мэллоуна²⁸, о «прямых контактах с Египтом», которые «привели к влиянию египетских тенденций на стиль и модификацию символики». Находки этих оттисков, а также самой египетской печати конической формы, сделанной из фритты и снабженной выгравированным изображением бутона лотоса и летящей птицы²⁹ (сюжет, весьма популярный в египетском искусстве) свидетельствуют о существовании торговых и культурных контактов Ассирии с Египтом. О том же, вероятно, свидетельствует халцедоновая печать позднеассирийского времени из Британского музея, на которой на фоне традиционного для Месопотамии сюжета: царь перед божеством, встречается, возможно, изображение египетского знака — «анх».

Особый интерес вызывает найденный в Ниневии при раскопках дворца Синаххериба оттиск на глине двух печатей (из Британского музея). Одна из них — египетская. На ней изображен фараон в короне Нижнего Египта и характерной позе победителя, занесшего булаву над поверженным врагом. Частично уцелела традиционная царская титулатура и хорошо сохранился картуш с именем *š'ō-b'ō-k'ō* — Шабак. Второй оттиск — рядом с первым — от печати по стилю ассирийской, на которой царь изображен в характерной позе адоранта перед богом, благословляющим его³⁰. Эта глиняная булла, вероятно, скрепляла египетско-ассирийский договор. Г. А. Лэйярд предположил³¹, что отсутствие самого договора объясняется тем, что он, вероятно, был написан на папирусе или пергаменте и не сохранился, скорее всего погиб в огне пожаров последних

²⁷ Mallowan M. E. L. *Nimrud...* Vol. I, p. 188. M. E. L. Mallowan. *Twenty five years of Mesopotamian discovery*. London, 1956, p. 66.

²⁸ Mallowan M. E. L. *Nimrud...*, Vol. I, p. 196.

²⁹ Oates D. *Fort Shalmaneser*—in interim Report. „Iraq“, 1959, vol. 21, № 2, p. 115.

³⁰ Layard A. H. *Op. cit.*, p. 173.

³¹ *Ibid.*, p. 174.

дней Ассирии. Значит, возможно, мы имеем свидетельство дипломатических контактов между Египтом и Ассирией.

Последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. В Ниневии и особенно Кальху (северо-западный и юго-западный дворцы, Сожженный дворец) было найдено много изделий, выполненных в так наз. египтизирующем стиле. Среди них — изделия из слоновой кости, фаянса, раковин (в основном, это украшения для мебели, колесниц, парадной сбури)³², орнаментика архитектурных деталей. Особенно часто фигурируют изображения скарабея, «ока Гора», сфинкса, урея, сокола, корон египетских царей, изображения египетских богов: Исиды, Баст, Хнума, Беса, стебли, бутоны и цветы лотоса и папируса. Их авторами почти все исследователи единодушно считают «финикийских мастеров из прибрежных левантских городов»³³. Разумеется, там есть изделия, выполненные и в другом стиле: ассирийском, хеттском, эгейском, финикийском, сирийском, но самым распространенным и «модным» был именно египтизирующий стиль. Вкус к нему финикийские ремесленники своей великолепной работой смогли привить и ассирийцам, и таким образом Ассирия мощно ощутила и египетское влияние в сфере искусства³⁴.

Итак, наличие египетских сакральных предметов на территории Месопотамии, особенно Ассирии, свидетельствует об идеологических особенностях ассирийской завоевательной политики, наличии дипломатических и торговых связей Ассирии с Египтом, культурного и отчасти религиозного влияния Египта в Передней Азии, особенно в период IX—VII вв. до н. э.

³² King L. *op. cit.*; Mallowan M. E. L. *Nimrud...*

³³ Ллойд С. *Археология Месопотамии*. М., 1984, с. 227.

³⁴ Barnett R. D. *A Catalogue of the Nimrud ivories*. London, 1957. (р. 1—132); Harden D. *The Phoenicians*. London, 1962; Winter I. *Phoenician and North Syrian ivory carving in historical context: questions of Style and distribution*. „Iraq“, 1976, vol. XXXVIII, № 1.

И. А. СТУЧЕВСКИЙ

ПРОБЛЕМА РАБСТВА И, ТАК НАЗЫВАЕМОЙ, «ИЛОТИИ»

Приступая к рассмотрению проблемы рабства и, так называемой, «илотии», конечно, необходимо прежде всего ясно сказать о том, как мы трактуем само понятие «раб». Мы считаем, что всякий раб может быть теоретически понят только так, как определили его еще древнеримские авторы, т. е. раб — это говорящее орудие, это человек с юридически полностью экспроприированной личностью, это обязательно всегда чья-либо собственность, это почти всегда не субъект, а объект права, это юридически обезличенное существо, эксплуатируемое, как правило, методами внеэкономического принуждения к труду.

Между тем, в середине 70-х годов в советской исторической литературе, посвященной обсуждению проблемы специфики общественных отношений в странах древнего Востока, была высказана мысль, развившая взгляды В. В. Струве о древневосточном рабстве как о каком-то переходном состоянии, не дошедшем до своей классической формы, характерной для рабства античного типа. Как писал М. А. Коростовцев, ссылаясь на В. В. Струве, «хотя этого он, кажется, нигде точно не сформулировал, рабов древневосточного типа, т. е. рабов еще полностью не обезличенных, он рассматривал, по сути дела, как рабов еще не вполне созревших до типа античных рабов»¹.

Подвергая критическому анализу вышеприведенную цитату, М. А. Дандамаев в своей статье «Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (К постановке вопроса)»² дает, на наш взгляд, совершенно бесспорное осмысление затронутой теоретической проблемы. «Как нам представляется, — пишет М. А. Дандамаев, так называемых рабов «древневосточного типа» никогда не было. В различных странах в зависимости от конкретных исторических условий рабство

¹ Коростовцев М. А. Жизнь и деятельность Василия Васильевича Струве. — ВДИ, 1975, № 3, с. 170.

² Сб. «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке». М., 1984.

развивалось неодинаковым путем, да и в одной и той же стране формы его менялись. Кроме того, в одном и том же обществе, в один и тот же исторический период фактическое положение рабов могло быть неодинаковым: одна часть их жестоко угнеталась, а другая находилась в сравнительно хороших условиях. Но во всех странах и во все периоды юридический статус рабов был идентичным. И. М. Дьяконов пишет о двояком употреблении термина «раб» в узком и широком смысле или «в экономическом, а не в юридическом смысле» (И. М. Дьяконов. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 10, 17 и др.). Как известно, раб — собственность, вещь другого лица, и его статус был закреплен в действующих в данном обществе законах. Это не просто юридическое определение, ибо в нем отражена вся суть экономических отношений. Поэтому вряд ли правильно будет говорить о рабстве в юридическом и экономическом смысле... В теоретическом плане неправомерность отнесения различных групп зависимого населения к рабам убедительно обосновал К. К. Зельин. Он показал, что для древности характерно «необыкновенное обилие и разнообразие форм социально-экономических отношений» и рабство было только одной из форм личной зависимости и экономического принуждения (К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969; стр. 6 и сл. и 23)».

Отталкиваясь от вышесказанного, М. А. Дандамаев предлагает следующее определение раба: «Раб — лицо, лишенное собственности на средства производства, работающее внеэкономическим путем и являющееся чужой собственностью» (М. А. Дандамаев, 1984, с. 13). С подобным определением раба нам в полной мере согласиться трудно, поскольку в данном случае М. А. Дандамаев ставит на первое место экономическую дефиницию рабского состояния («раб — лицо, лишенное собственности на средства производства»), а на второе место — юридическую («раб — лицо..., являющееся чужой собственностью»), что противоречит показанному самим М. А. Дандамаевым приоритету юридического критерия при выявлении рабского статуса человека. Юридический признак (раб обязательно всегда чья-либо собственность) является бесспорно основным и, по существу, единственным определителем рабского состояния. Отношения раба к орудиям труда и иным средствам производства могло быть самым разнообразным — от полной оторванности от орудий труда и иных средств производства до длительного обладания ими на правах как их условных пользователей — пекулистов (что наблюдалось чаще), так и их собственников (что наблюдалось

реже)³. Экономическое положение раба в обществе могло быть очень разнообразным и по этой причине ни один экономический критерий, взятый в отрыве от основного юридического критерия, не в состоянии сам по себе определить рабский статус любого непосредственного производителя вне зависимости от того, сколь тяжелым было его экономическое положение и сколь полной была его оторванность от орудий труда и иных средств производства. Из всего сказанного выше, на наш взгляд, совершенно ясно, что как-либо трансформироваться, развиваться, усложняться и углубляться («созревать») может не само понятие «раб», остающееся на протяжении тысячелетий, с древнейших времен и до наших дней, неизменным и постоянным, но исключительно формы, способы экономического использования раба в системе производства. Как писал К. Маркс, «в лице раба похищается непосредственное орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда»⁴.

Фактор оторванности раба от орудий труда и иных средств производства, не является постоянно всегда сохраняющимся, и потому он не может определять само понятие «раб». Взятый же в отрыве от основной юридической дефиниции, этот фактор характеризует не раба, а наемного работника — пролетария, который, будучи полностью оторванным от орудий труда и средств производства, отличается от раба прежде всего тем, что он (пролетарий) не является чьей-либо собственностью. Таким образом, сколько бы ни было данных, свидетельствующих о тяжком труде того или иного работника, даже полностью оторванного от орудий труда и иных средств производства, принадлежащих его господину, и предоставляемых господином этому работнику для осуществления трудового процесса, признать его рабом, полурабом или так называемым «подневольным работником рабского типа» будет все же невозможно, если все признаки имущественной экспроприации работника не дополнят признаки и его полной личностной экспроприации как чьей-либо собственности.

Как признак личностной экспроприации работника, конечно, всегда выступает возможность его отчуждения, прежде всего в форме купли-продажи. Но нужно учитывать, что да-

---

³ Стучевский И. А. О специфических формах рабства в древнем Египте. — ВДИ, 1960, № 1; Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1962, с. 186—188.

⁴ Маркс К. Введение к «Критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 13, с. 724.

же самые бесспорные случаи подобного отчуждения могут еще иногда не свидетельствовать о наличии рабского статуса у человека-объекта купли-продажи — в том случае, если этот человек является не чьей-либо собственностью, но подданным государства. И в древности, и в новое время (например, в эллинистической Малой Азии⁵ и в дореформенной крепостнической царской России) осуществлялась продажа людей, которые по причине своего подданства не были рабами тех, кто их продавал или покупал.

В связи со всем сказанным выше нам представляется особенно существенным мнение К. К. Зельина и солидарного с ним М. А. Дандамаева о неправомочности отнесения различных групп зависимого населения к рабам. Острые критики М. А. Дандамаева в данном случае направлено против теории И. М. Дьяконова о существовании в странах древнего Востока двух разновидностей одной социальной категории основных непосредственных производителей — 1) рабов в узком или традиционном значении этого понятия и так называемых 2) «подневольных работников рабского типа» или «илотов». Будучи по существу однотипными друг другу, первые, по словам И. М. Дьяконова, якобы, находили себе применение в частных, домашних службах, а вторые — в крупных государственных хозяйствах⁶. Данную точку зрения нельзя считать обоснованной ни в теоретическом, ни в фактическом планах. Прежде всего неудачно само использование термина «илоты» как наименования «подневольных работников рабского типа», а, по существу, основной массы эксплуатируемого земледельческого населения древневосточных стран. Если обратиться к истокам самого термина «илоты», то нужно будет признать, что он применялся в древней Спарте, для обозначения чужого, завоеванного Спартой населения Пелопонеса, он применялся для обозначения государственных рабов Спарты как ее военной добычи или собственности. Хотя экономическое использование «илотов» в Спарте не отличалось от обычных форм эксплуатации зависимого земледельческого населения, которое вело свое мелкое парцеллярное хозяйство своими орудиями труда, выплачивая гражданам Спарты — спартиатам,

⁵ Селевкидский царь Антиох II продал в 253 году до н. э. своей бывшей жене — царице Лаодике большой земельный массив в Малой Азии вместе с населявшими его земледельцами, которые, как подданные Антиоха II, не были его рабами. См.: Welles C. B. Royal correspondence in the Hellenistic Period, New Haven, 1934, п. 18—20, р. 19; см. также: Р а н о в и ч А. Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. ВДИ, 1947, № 2, с. 32.

⁶ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. ВДИ, 1973, № 4.

как коллективным собственникам земли, определенные подати, все же, в юридическом, социальном плане как собственность Спарты, «илоты» были государственными рабами спартанского полиса. Ничего похожего нельзя обнаружить в социально-экономическом положении эксплуатируемого государством земледельческого населения древневосточных стран. Это население не было собственностью государства, так как образовывало собой количественно абсолютно преобладающую часть его подданных. Если спартанские «илоты» были действительно государственными рабами, то об эксплуатируемом земледельческом населении древневосточных стран это сказать невозможно.

Правомерен вопрос, существует ли какое-либо различие между понятиями «подданство» и «собственность»? Конечно, это различие существует и заключается, в частности, в том, что подданство предполагает не только тесную связь, но и качественное единение подданных с тем лицом или институтом, подданными которого они являются. В то же время собственник и его собственность должны быть противопоставлены друг другу как субъект и объект. Как человек может быть собственником своих башмаков, но не может быть собственником своих ног (последняя формула бессмысленна), так и любое государство древности могло претендовать на подданство только своих собственных свободных сограждан, но не рассматривало как своих подданных пришлое, чужое, завоеванное население (если, конечно, оно не натурализовывалось в стране-завоевателе). Последнее считалось собственностью государства, его добычей, его рабами, или, как это было в Спарте, «илотами». Однако ничего общего с основной массой эксплуатируемого земледельческого контингента древневосточных стран подобные «илоты» — государственные рабы — не имели, поскольку этот контингент был для государства не чужим, а своим.

Не только в юридическом, но также и в экономическом планах невозможно усмотреть какое-либо сходство между «илотами» — государственными рабами Спарты и древневосточными земледельцами. «Илоты» Спарты имели мелкое parcelлярное хозяйство индивидуально, тогда как древневосточные зависимые земледельцы, в частности, в древнем Египте, вели свое хозяйство государственно-централизованно под строгим контролем государственной администрации. Видеть в этой государственной централизации и регламентации земледельческих работ, приводящей к обеспечению государством земледельцев в страдную пору необходимыми средствами производства и натуральным содержанием, признак экономического уподобления земледельцев рабам не следует. Как мы уже указывали ранее, экономический признак рабского состояния

сам по себе не существует. Подобный признак может определять наличие рабов только в сочетании с основным и по существу единственным юридическим признаком рабского статуса — признаком собственности на раба. Однако именно этот признак полностью отсутствует применительно к зависимым земледельцам древневосточных стран.

Именно по этой причине в хозяйствах крупных частных владений поздневизантийского Египта VI века н. э., обычно рассматриваемых как порождение интенсивно развивающегося процесса феодализации, можно обнаружить поразительно много общего и в территориальной структуре и в хозяйственной системе строгой административной регламентации, и в практике обеспечения зависимых земледельцев необходимыми средствами производства⁷, со всем тем, что было характерно для существовавших более чем за три тысячи лет до этого крупных частных вельможеских хозяйств (prdt) XXVI века до н. э. Древневосточные зависимые земледельцы нигде (и в том числе в Египте) не были государственной собственностью и, следовательно, рабами — «илотами», не были экономически доведены до рабского состояния (это вообще было невозможно), не были ни полурабам, ни «подневольными работниками рабского типа», а представляли собой обычное для всех стран Востока во все исторические периоды (и в Древности, и в Средние века, и в Новое время) эксплуатируемое земледельческое население, которое выплачивало налоги собственнику земли — государству⁴ или привилегированным частным земледельцам различного типа. Иногда говорят, что налог, выплачиваемый древневосточными земледельцами, не был формой их эксплуатации, во-первых, потому, что налог государству выплачивается всегда (например, в Новое время капиталисты также платят налог государству, которое, однако, этим их не эксплуатирует), а, во-вторых, налог, якобы, шел на удовлетворение общих интересов всего общества. С подобным утверждением мы согласиться не можем. Древневосточные земледельцы (как и земледельцы всех иных периодов истории Востока) платили налог не со своих доходов, но вносили в казну государства, как собственника обрабатываемой ими земли, ренту-налог, являющийся той основой, на которой базировалось само существование государства и всех его привилегированных классов. В тех древневосточных странах, где была прочна земледельческая община, являвшаяся собственником своей общинной земли, там земледельцы-общинники платили государству налог, используемый государством отнюдь не только на благо самих общинников, но прежде всего для удовлетворения интересов

⁷ Фихман И. Ф. К структуре египетского крупного имения VI в. н. э., в сб.: «Древний Восток». М., 1980, с. 127—128.

6. Кавказско-ближневосточный сборник, VIII

господствующих классов. В тех древневосточных странах, где, как в древнем Египте, не существовало обособленной общинной земельной собственности, земледельцы платили государству ренту-налог как собственнику их земли. С «илотами» или «подневольными работниками рабского типа» эти земледельцы, ни в том, ни в другом случае, не имели ничего общего.

Во всех странах Древнего Востока, в том числе и в древнем Египте, имел большое распространение тот способ использования рабского труда, который носит название домашнее рабство. Учитывая этот факт, некоторые исследователи пришли к выводу, что именно домашнее рабство, будучи во всех странах Древнего Востока весьма сильно развито, определило и рабовладельческий характер существовавшей в древневосточном мире социально-экономической формации⁸. С таким выводом, по нашему мнению, согласиться невозможно, так как каждую социально-экономическую формацию, в том числе и рабовладельческую, характеризует господствующее в ней общественное производство, тогда как домашнее рабство, будучи экономически иногда и весьма важным для жизни отдельных членов общества и всего общества в целом, все же является элементом не общественного производства, а производства частного — семейного, кланового, родового. По словам Ф. Энгельса, «и здесь, как и в других странах Востока, рабство не образует прямым способом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»⁹. Как писал К. Маркс, «простые домашние рабы, служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги»¹⁰.

Домашнее рабство не могло определять формацию древневосточных стран прежде всего потому, что оно было слабо связано с основным земледельческим производством этих стран, где явно доминирующую позицию занимал труд формально свободных, а фактически зависимых земледельцев. Нужно учитывать еще и следующее обстоятельство — домашние формы рабства занимали заметное место в хозяйственной жизни привилегированного меньшинства населения стран Востока не только в Древности, но и в Средние века и даже в

---

⁸ См., например: Ильин Г. Ф. Классовый характер древнеиндийского общества. — «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока». М., 1971; Ильин Г. Ф. Рабство и древний Восток. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 4.

⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. XIV, с. 451.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. XXIII. // с. 544.

Новое время и потому коль скоро на этом основании никто не считает общества Средневекового и Нового Востока рабовладельческими, нельзя считать по той же причине рабовладельческими и общества Древнего Востока. Для того, чтобы правомочно было обосновать существование рабовладельческой формации в том или ином обществе, недостаточно просто констатировать экономическую значимость использования труда рабов в каких-либо производствах этого общества. Необходимо установить, что данный труд рабов был экономически (качественно, но не обязательно количественно) ведущим в господствующей системе общественного производства, т. е. иными словами, необходимо не совершать ту ошибку при оценке роли труда рабов в каждом конкретном обществе Древнего Востока, которая, по словам М. А. Дандамаева, привела ассириологов к подмене вопроса о применении рабского труда вопросом о его преобладающей роли на Древнем Востоке (М. А. Дандамаев, 1984, стр. 17). К сожалению, приходится признать, что именно эту ошибку совершил и сам М. А. Дандамаев, когда он, как бы забыв о своих же собственных справедливых критических высказываниях в адрес советских ассириологов 30-х годов, стал в своей чрезвычайно интересной и справедливой теоретической статье как и они подменять вопрос об экономическом, качественном преобладании труда рабов в общественном производстве в странах Древнего Востока (что единственно важно для установления факта господства в них рабовладельческой формации), вопросом о простой значимости труда рабов в домашнем производстве.

В заключении мы хотим сказать, что, по нашему мнению, большинство стран Древнего Востока (если не все и во всяком случае, древний Египет) следует в формационном отношении относить, несмотря на значительное развитие в них рабовладельческого уклада, к категории скорее феодальных, чем рабовладельческих. Нам представляется правильной точка зрения Г. А. Меликишвили, изложенная им в большой программной статье «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи¹¹.

¹¹ В издании «Кавказско-ближневосточный сборник», VII, Тбилиси, 1984, с. 9—23.

Н. В. ХАЗАРАДЗЕ

ЛУВИЙСКО-ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ХАРТАПУ

Восемь лувийско-иероглифических надписей Хартапу, царя страны мусков, составляют одну локальную группу. Пять из них обнаружены на Кызылдаге, две — к юго-востоку от Кызылдага на стенах развалин древней цитадели, воздвигнутой на вершине Карадага (в 15 км от Кызылдага) и одна — на каменном блоке в развалинах Бурункая, близ совр. Мамасина и Аксарая¹.

Часть надписей стереотипна и лаконична. В трех из них (Кызылдаг I, II, Карадаг II) упомянуты имя царя и его титулатура. Надписи читаются так: «Великий царь Хартапу, великий царь». В четырех надписях (Кызылдаг II, III, IV, Карадаг I) над именем и титулатурой царя изображен крылатый диск солнца (царский картуш), а в двух (Кызылдаг II, III) — выше царского картуша помещены лувийские иероглифы, обозначающие божество Тархунт. В четырех надписях (Кызылдаг III, IV, V, Бурункая) помимо Хартапу, упоминается и Мурсили, являющийся, как выясняется из текстов надписей, отцом Хартапу.

В надписи, содержащей название мусков (Кызылдаг IV) в титулатуре Хартапу, кроме эпитета «великий царь», употреблены и другие слова («герой», «любимец Тархунта»). В трех из рассматриваемых надписей (Кызылдаг IV, Карадаг I, Бурункая) упоминается и владение Хартапу, которое обозначается следующими терминами: «страна мусков», «горный край (страна)», «страна 213» («страна горных теснин») и «страна 245» («горная страна Тавра»)².

¹ Meriggi P. Una Prima Attestazione Epicorica del Moschi in Frigia.— Estraro da Athenaeum Studi Periodici di Literatura e Storia dell' Antichita, Nuova Serie.—Pavia, 1964, XLII, 1—IV; ero же. Manuale Di Eteo Geroglifico.— Roma, 1975, Testi —2^aE3^a Serie, p. 226—271; A 1 p S. Eine Neue Hieroglyphen-hethitische Inschrift Der Gruppe Kizildag — Karadag aus der Nahe von Aksaray und Die Früher Publizierten Inschriften Derselben Gruppe. AnSt, 1974, XXIV, S. 17: Tab. 1—X.

² Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie. p. 267—268; 270—271; A 1 p S. Eine Neue..., S. 17—21.

В рассматриваемых надписях, лаконичных или содержащих более полную информацию, все внимание заострено на имени и титулатуре царя. Как видно, этим обусловлено и композиционное решение надписей Кызылдага IV, Карадага I и Бурункая, а именно помещение в центре строки имени и титулатуры Хартапу. Часть надписей (Кызылдаг IV, Карадаг I, II, Бурункая) читается справа налево. Кызылдаг II, III представляются собой образцы бустрофедона, что же касается надписи Кызылдаг IV, то она состоит из двух строк. Вторая строка читается справа налево. В первой строке лувийско-иероглифические логограммы (s³,ti), помещенные в правом углу строки, ориентированы налево. То же направление имеет иероглиф, сопутствующий расположенный в левом углу строки логограмме «сын». При этом, имя и генеалогия Хартапу читается справа налево. Заслуживает внимания и то, что графическое изображение в титулатурах Хартапу и Мурсили термина «герой» в одном случае ориентировано справа налево, а в другом — слева направо. В первом случае им начинается титулатура царя, во втором — заканчивается.

По очертанию иероглифов рассматриваемые надписи проявляют близость к лувийско-иероглифическим памятникам хеттской эпохи. Грамматический строй надписей, содержащих имя царя и титулатуру из двух слов («великий царь»), весьма прост. Остальные надписи с точки зрения синтаксиса проявляют одну общую тенденцию: идеограммы представлены вне фонетических комплементов. Звуковой состав основы идеограммы и флексия не указаны.

С палеографической и грамматической точек зрения надпись (Кызылдаг IV), содержащая термин «страна мусков» сложнее остальных. В ней до сих пор не установлено значение нескольких лувийских иероглифов. Графическими особенностями характеризуются и иероглифические знаки, хорошо известные из других надписей. Поэтому идентифицировать все знаки с равной точностью не удастся. К тому же верхний правый угол строки и центральная часть второй строки заметно повреждены³. Ввиду отмеченных и ряда других трудностей, надпись Кызылдаг IV, П. Мериджи и С. Альп опубликовали без перевода, хотя обсуждая ее, П. Мериджи дает транслитерацию отдельных слов и фраз, а также их итальянский перевод⁴.

С учетом публикаций П. Мериджи и С. Альпа, а также предложенной Л. Баюн⁵ реконструкции дошедшего до нас в

³ Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie. II, Tav. 17.

⁴ Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie, p. 270—271; Tavole—2^aE3^a Serie, Tav. 17: Alp S. Eine Neue..., S. 23—25.

⁵ Выражаем благодарность Л. Баюн за оказанную помощь и ценные консультации.

неполном виде слова á x š во второй строке надписи и других данных надпись Кызылдаг IV может быть переведена следующим образом: «1. Солнце, о благе страны горных теснин, божество горных теснин, божество Тархунт неба... (заботятся). Герой, великий царь Хартапу, великий царь, любимец Тархунта, сын Мурсили, великого царя, героя. 2. Он, который в стране мусков, он, который в краю (находится) ..... s³ ..... в стране горных теснин, который ..... город (или города — Н. Х.) и? — n⁰ — ta. Небо».

Сложным является вопрос о датировке рассматриваемых надписей. Э. Ларош надписи Кызылдага и Карадага датирует II тыс. до н. э., точнее, т. н. «темной эпохой» (XII—X вв. до н. э.)⁶. Согласно ранее высказанной П. Мериджи точке зрения эпиграфический памятник Кызылдага IV следует отнести к XI—X вв. до н. э.⁷ В опубликованном позднее фундаментальном исследовании «Manuale Di Eteo Geroglifico» этот же автор надписи Кызылдага и Карадага рассматривает вместе с текстами хеттской эпохи (II тыс. до н. э.)⁸. По мнению П. Мериджи, надпись Кызылдаг IV является самым ранним письменным свидетельством пребывания мусков на территории Фригии. Близость лувийско-иероглифических надписей Хартапу с письменными памятниками хеттской эпохи не отрицает и С. Альп. Однако, учитывая стилистические особенности изображения Хартапу на рельефе Кызылдаг I, сопровождаемого лувийско-иероглифической надписью этого царя, считает, что надписи Кызылдага, Карадага и Бурункая не могут быть отнесены к более ранней дате, чем X в. до н. э.⁹

Изучение лувийско-иероглифических надписей Хартапу нас также приводит к заключению, что с палеографической, языковой, стилистической и композиционной точек зрения в них наличествует большое сходство с письменными памятниками XIV—XIII вв. до н. э. В этой связи, в первую очередь, привлекает внимание то обстоятельство, что надписи Хартапу по стилю и композиции находят много общего с легендами на царских печатях хеттской эпохи. В лувийско-иероглифических надписях Кызылдага, Карадага и Бурункая, так же как и на царских хеттских печатях, имя и титулатура царя акцентированы, с одной стороны, царским картушем и, с другой — расположением в центре строки. Указанные памятники схожи и

⁶ XII—X вв. до н. э. датирует Э. Ларош и Стеллу Караююк-Эльбистана, а также некоторые надписи Каркемиша (A 4 B, 16 с. 30^h). См. Laroche Em. Les Hieroglyphes Hittites. Paris, 1960, № 18, 21, 190, 227, 328, 430.

⁷ Meriggi P. Una Prima.... p. 52.

⁸ Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie, p. 266—271.

⁹ Alp S. Eine Neue..., S. 20—22.

с точки зрения терминологии и композиции царской титулатуры. Идеограммы, обозначающие понятие «великий царь» повторяются дважды, поскольку помещаются по обе стороны имени царя (справа и слева). Так, например: «великий царь Мурсили, великий царь», или «великий царь Хаттусили, великий царь»¹⁰ (ср. «великий царь Хартапу, великий царь»).

Аналоги титулатур Хартапу, Мурсили II, Хаттусили III встречаются и в царских наскальных надписях хеттской эпохи, с той разницей, что в последних в титулатуре царя вместе с «великим царем» и «героем» иногда фигурирует «лабарна»¹¹. Здесь так же как и в случае хеттских царских печатей имя и титулатура царя вставлены в царский картуш¹².

В лувийско-иероглифических надписях хеттской эпохи, как и в письменных памятниках, рассматриваемых нами, вместе с титулатурой царя, часто упоминается имя его отца¹³.

Об архаичности стиля надписей Кызылдага, Карадага и Бурункая свидетельствует и следующее: в них несколько раз упоминается божество Тархунт и трижды его называют «божеством неба». Появление имени этого божества в надписях Кызылдага и Карадага, на первый взгляд, может показаться недостаточным доказательством их древности, поскольку Тархунт, главное божество лувийского пантеона, упоминается как в письменных памятниках II тыс. до н. э. (Эмиргази, Язылы-

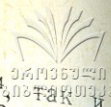
¹⁰ Bergan Th. Siegel und Siegelabdrücke. — В кн.: Bittel K., Naumann R., Bergan Th., Nachmann R., Kurth G. Boğazkoy III. Funde aus den Grabungen 1952—1955. — Berlin, 1957, Taf. XXIX, XXX, XXXI; Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. — München, 1961, Taf. 45; Alkim Bahadır U. Anatolia. — London, 1969, I, No. 103, 107, 137, 149.

¹¹ На фрактинских рельефах хеттской эпохи, посвященных ритуальной сцене, читаем: «великий царь Хаттусили, великий царь». То же повторяется и в лувийско-иероглифических надписях из Тасчи, если не считать одного дополнения в виде эпитета «герой»: «великий царь Хаттусили, великий царь, герой». Композиционно сходны с вышеназванными и титулатуры Тутхални, засвидетельствованные на рельефах Язылыкаи («великий царь, лабарна, Тутхална, великий царь», или «великий царь, лабарна, Тутхална, великий царь, герой»). См. Meriggi P. MEG, Testi — 2^a E3^a Serie. P. 306—312; Tavole — 2^a E3^a Serie, Tav. XIII h.

¹² Meriggi P. MEG, Tavole — 2^a E3^a Serie, Tav. III, IV, XV. Следует отметить, что и в Хеттских письменных источниках, датированных эпохой Нового царства, царь часто именуется «солнцем». Garstang J., Gurney O. R. The Geography of the Hittite Empire. — London, 1959, p. 68, 89, 111, 114, 115; KBO, IV, 10; KUB, № 1, 45.

¹³ Так, в надписи из Сиркели титулатура и генеалогия Муватали представлена следующим образом: «Муватали, великий царь, герой, сын великого царя и героя Мурсили» (см.: Meriggi P. MEG, Testi — 2^a E 3^a Serie, p. 324).

кая, Аладжагююк, Карагююк (Эльбистан), Чагдин)¹⁴, в поздне-хеттских надписях (Ивриз, Каркемиш А₆, 156, Кулюлю I, Каратепе, Султанхан, Чифлик и др.)¹⁵. То же можно показать и о связи Тархунта с понятием «небо». Однако, как показывает сопоставление лувийских иероглифических надписей хеттской и позднехеттской эпох, в письменных памятниках II тыс. до н. э., как и в надписях Кызылдага и Карадага, логграмма, обозначающая «небо», ставится в конце имени Тархунта¹⁶, в то время как в источниках I тыс. до н. э. (Каркемиш 13, 27, 29, Мараш, Геке, Алеппо и др.), она помещается перед детерминативом божества¹⁷. Основываясь на сказанном, интересующий нас термин в первом случае следует переводить как «божество Тархунт неба», а во втором — «небесное божество Тархунт». Первый термин, по-видимому, ранний, второй — поздний. Следует отметить также, что лувийско-иероглифическую логграмму, обозначающую божество Тархунт, а в некоторых случаях Тешуб и, возможно, Дата (Тата), в надписях Кызылдага, Карадага, Бурункая и хеттской эпохи, как правило, не сопровождают фонетические комменты¹⁸. А в лувийско-иероглифических памятниках, позднехеттской эпохи имя Тархунта в большинстве случаев оформлено фонетически-ми дополнениями¹⁹.

Согласно высказанному С. Альпом предположению, о древности интересующих нас надписей, а также об их близости к хеттскому миру, свидетельствует появление в этих эпиграфических памятниках династического имени хеттских царей «Мурсили»²⁰. В связи с этим представляется весьма интересным, что упоминаемый в лувийско-иероглифических надписях Кызылдага, Карадага и Бурункая «Мурсили» (отец Хартапу) имеет точно такую же титулатуру («великий царь, герой»), как хеттские цари Мурсили II и Мурсили III (Урхи-

¹⁴ Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie, No. 19, 20, 52, 55, 101, 156.

¹⁵ Meriggi P. MEG, Testi—1^a Serie, No. 7, 10, 13, 18, 20, 24, 30; Testi—2^aE3^a Serie, No. 30, 34, 64.

¹⁶ Meriggi P. MEG, Testi—2^aE3^a Serie, p. 268, 270; Tavole—2^aE3^a Serie, Tav. I, II, III, IV.

¹⁷ Meriggi P. MEG, Testi — 2^aE3^a Serie, No. 139, 175, 226, 248, 307; его же, Testi — 1^a Serie, No. 24, 28; Tavole — 2^aE3^a Serie, Tav. XV, XIV, XXVIII, XXXI.

¹⁸ По мнению исследователей, отсутствие фонетических комментов обычно указывает на древность надписи. См., например, Фридрих И. История письма. — М., 1979, с. 85, 271, рис. 70.

¹⁹ Meriggi P. MEG, Testi — 1^a Serie, No. 2, 7, 11, 12, 13, 18, 20, 24; Testi—2^aE3^a Serie, No. 30, 34, 64.

²⁰ Alp S. Eine Neue..., S. 21.

Тесуп), упоминаемые на царских печатях II тыс. до н. э. и в хеттских письменных источниках. Здесь же следует отметить, что в рассматриваемых надписях имя Мурсили выполнено в соответствии с письменной традицией хеттской эпохи: оно составлено лигатурой двух логограмм²¹. Интересно и то, что в отличие от имени других хеттских царей (Хаттусили, Муваталли, Супилулиума), собственное имя Мурсили в ономастике Малой Азии I тыс. до н. э. пока не подтверждается, если не считать упомянутых в сочинении Геродота (1, 7) имен лидийских царей — «Мирса» и «Мирсила»²².

Сходство эпиграфических памятников хеттской эпохи с надписями Хартану становится еще более очевидным, если сравнить последние с лувийско-иероглифическими надписями позднихеттской эпохи. Выясняется, что между надписями Хартану и этими памятниками имеются существенные различия. Так, например, в надписях царей позднихеттской эпохи отсутствует изображение картуша²³; кроме того, в них не засвидетельствован характерный для письменных памятников Хартану и хеттских царей трафарет царской титулатуры. Ни в одном лувийско-иероглифическом тексте IX—VIII вв. до н. э. не зафиксирован факт повторного упоминания одного и того же царского титула — «великий царь», «царь» и нарушения естественной структуры строки с целью помещения в центре надписи имени и титулатуры царя. Нельзя не принять во внимание и то, что в титулатуре позднихеттских правителей наряду с терминами «царь», «великий царь», «герой», встречаются не характерные надписям Хартану такие понятия, как «властелин», «господин», «предводитель», «владыка» (tarwanas, KUR NA)²⁴.

²¹ Laroche Em. *Les Hieroglyphes...*, p. 124, No. 226: Meriggi P. *Hieroglyphisch...*, S. 84, 117—178.

²² Подробнее см., Довляго Г. И. Данные хеттского текста Телепинуса и соответствующие им параллели у Геродота (1,7—13). — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979; его же. Становление идеологии раннеклассового общества. — Минск, 1980, с. 103 и сл.

²³ Правда, крылатый солнечный диск не чужд рельефам IX—VIII вв. до н. э., но вместе с лувийско-иероглифическими надписями он встречается исключительно в памятниках сакрально-религиозного характера (см. Akurgal E. *Die Kunst...*, Taf. 130, 134, 149; Hawkins J. D. *Kubaba at Karkamis and Elsewhere.*—AnSt, 1981 XXXI).

²⁴ Подробнее см. Хазарадзе Н. В. Царская власть в позднихеттских политических образованиях. — В сб.: Труды Тбилисского гос. университета. 1982. I. 227, с. 180 и след.; там же см. указание на литературу. См. так же, Meriggi P. *MEG, Testi* — 1^a Serie, No. 20—22, 30; *Testi* — 2^a E3^a Serie, No30, 128—131; Hawkins J. D. *Hieroglyphic Hittite Inscriptions of Commagene.*—AnSt, 1970, XX, p. 69.

Эпиграфические памятники позднехеттской эпохи в отличие от интересующих нас имеют еще один характерный признак: они в основном начинаются словами «я есть», за которым обычно следует имя автора надписи²⁵.

Таким образом, изучение лувийско-иероглифических надписей Кызылдага, Карадага и Бурункая показывает, что в палеографическом, языковом, стилистическом и композиционном отношении в них проявляется сходство с хеттскими письменными памятниками XIV—XIII вв. до н. э.

Здесь, естественно, возникает вопрос, имеем ли мы какое-нибудь основание предполагать существование страны Хартату («страны мусков», «горного края», «страны горного Тавра», «страны горных теснин») в пределах т. н. Нижней страны и сопредельной с ней Датасы хеттских источников вышеуказанной эпохи (Нижняя страна и прилегающая к ней Датаса локализируются в регионе Кызылдага, Карадага и Бурункая)²⁶. Хотя мы не можем исключить возможность пребывания мусков — мосхов в XIV—XIII вв. до н. э. на территории, принадлежавшей хеттам, для положительного ответа на этот вопрос пока, что нет веских доказательств.

В известных сегодня хеттских источниках, в которых достаточно полно отражена топонимия Нижней страны и близлежащего к ней края, не встречаются ни «страна мусков», ни другие термины, связанные с владениями Хартату («горный край», «страна горного Тавра», «страна горных теснин»). Нельзя не отметить также, что в хеттской ономастике не засвидетельствовано имя Хартату и нет никаких сведений, указывающих на родственные связи Мурсили II или Мурсили III (Урхи-Тесупа) с каким-либо царем Нижней страны и Датасы.

Однако упоминание царства Хартату в хеттских источниках не может служить основным аргументом того, что оно вообще не существовало в хеттскую эпоху. Таковым, по нашему мнению, в данном случае может быть существенное отличие в политических статусах страны Хартату и Нижней страны вместе с Датасой (хеттской эпохи). Надписи Хартату делают очевидным, что страна мусков была суверенной политической единицей, а согласно хеттским источникам, Нижняя страна и Датаса, несмотря на определенную автономию, находились в подчинении у хеттов²⁷.

²⁵ Meriggi P. MEG, Testi—la Serie, No. 10, 17, 18, 19, 22, 27.

²⁶ По поводу локализации Нижней страны и соседней с ней Датасы см. Garstang J., Gurney O. R. The Geography..., p. 63—74.

²⁷ Так, в надписях Кызылдага, Карадага и Бурункая Хартату, подобно хеттским властителям, представлен эпитетами «солнце», «великий», «герой», «любимец верховного божества», в то время как в одном хеттском документе в титул датасского Ульми-Тесупа входит только слово

Исходя из сказанного, становится очевидным, что при попытке датировать надписи Хартану хеттской эпохой возникают определенные препятствия. К такому же выводу приводят нас изучение с художественно-стилистической точки зрения изображения Хартану, засвидетельствованного вместе с надписью Кызылдаг I. Рельеф высечен в камне. Хартану, сидящий в высоком кресле, правой рукой опирается на ручку кресла. В этой же руке у него чаша, украшенная бордюром с вертикальными линиями, а в левой руке — длинный жезл. Изображение дается в профиль. У Хартану короткий, круглой формы нос, довольно большого размера глаз, маленькое ухо, длинные, закругленные в спирали волосы и так же уложенная борода. На голове у него шапка; фигура облачена в скромное длинное одеяние с каймой; на ногах — узконосая обувь; ноги покоятся на небольшой скамеечке. Кресло и скамеечка украшены одинаковыми фигурами четырехугольной формы. Лувийско-иероглифическая надпись — «великий царь Хартану, великий царь» начинается около лица и кончается выше ручки жезла²⁸.

При датировке этого рельефа следует принять во внимание следующее: сравнение изображения Хартану с памятниками, с одной стороны, хеттского, а с другой — поздnehеттского искусства, показывает, что точная аналогия этого изображения неизвестна²⁹, хотя общим видом и отдельными характерными деталями оно проявляет большее сходство со скульптурными рельефами поздnehеттской эпохи (Каркемиш, Зинджирли), чем с подобными же образцами искусства времен Нового царства хеттов (Язылыккая, Аладжагююк, Фрактин). Особенно отчетливо это сходство проявляется в манере укладки волос и бороды (правда, точное повторение поздnehеттского стиля не имеет места и в этом случае). Согласно высказанной в специальной научной литературе точке зрения, этот стиль укладки волос и бороды впервые появляется на скульптурных рельефах Каркемиша 40—30-х гг. в X в. до н. э., изображавших царя Каркемиша Сухиса и его жену Ва-

«царь». Кроме того, следует учесть, что Хартану, в отличие от царей Нижней страны и Датасы, является автором по крайней мере восьми монументальных лувийско-иероглифических надписей, а найденные в Нижней стране эпиграфические памятники, как правило, принадлежат хеттским царям (Хаттусили III, Тутхалии IV), а не местным царям. KBo, IV, 10; Garstang J., Gurney O. R. The Geography..., p. 66—69.

²⁸ Alp S. Eine Neue..., Taf. IV.

²⁹ Cp. Alp S. Eine Neue..., S. 22; Voos J. Zueinigen späthethitischen Reliefs aus den Beständen des Vorderasiatischen Museums Berlin.—AF, 12, 1985, 1, S. 65—86.

тис³⁰. На рельефах позднететской эпохи выявлены и аналогичные каймы на одеянии Хартапу³¹. Другими деталями (форма рукава, кава, вырез у шеи) оно отличается как от одеяний Сухиса, так и каркемишского царя более поздней эпохи — Катуваса (IX в. до н. э.)³². То же самое можно сказать и о жезле: если своей длиной он напоминает жезлы, изображенные на каркемишских рельефах X—IX вв. до н. э., то у ручки этого жезла нет аналогий³³. Не имеет аналогий царское кресло и маленькая скамеечка под ногами Хартапу³⁴. Что же касается остроносой обуви, то она является одним из характерных компонентов облачения тетской эпохи, хотя, надо отметить, что обувь этой формы встречается и на древнеанатолийских рельефах X—VIII вв. до н. э.³⁵ Шапка Хартапу явно отличается от мужских головных уборов как VIII в. до н. э., так и от остроконечных шапок тетской эпохи. По своей форме она напоминает шапку Киламувы, засвидетельствованную на рельефах Зинджирли (каркемишские цари — Сухис, Катувас, Яририс, как правило, изображались без головного убора)³⁶. Следует также отметить, что с точки зрения художественного и технического исполнения рассматриваемый наскальный рельеф выглядит довольно примитивно, чем явно отличается от рельефов как эпох Нового царства теттов, так и Каркемиша и Зинджирли (X—IX вв. до н. э.), не говоря уже об аналогичных памятниках Ивриза, Каратепе, Мараша и Малатьи (VIII в. до н. э.)³⁷. Итак, можно заключить, что изображение

³⁰ Mallowan M. E. L. Carchemish. Reflection on the Chronology of the Sculpture.—AnSt. 1972. XXII, p. 63—85; Hawkins J. D. Building Inscriptions of Carchemish. AnSt, 1972, XXII, ergo же. Some Historical Problems of the Hieroglyphic Luwian Inscriptions.—AnSt, 1979, XXIX, p. 115; cp. Ussishkin D. The Date of the Neo-Hittite Enclosure in Karatepe.—AnSt, 1969, XIX, p. 123.

³¹ Akurgal H. Die Kunst..., Taf. 104, 116, 118, 127.

³² Mallowan M. E. L. Carchemish..., Tab. 1, 5; Hawkins J. D. Building Inscriptions..., Tab. 4.

³³ Mallowan M. E. L. Carchemish..., P. 67, 75; Tab. 1, 5; Hawkins J. D. Building Inscriptions..., Tab. 4.

³⁴ Cp. Riemschneider M. Die Welt der Hethiter.—Stuttgart, 1965, Taf. 38, 74, 75, 77, 86, 104; Akurgal E. Die Kunst..., Taf. 99, 101, 130, 131; Ussishkin D. The Date..., Tab. XVI; Alkim Bahadir U. Anatolia, Tab. 108, 109, 110.

³⁵ Akurgal E. Die Kunst..., Taf. 33, 79, 85, 92, 93, 102, 104, 114, 116; Alkim Bahadir U. Anatolia, No. 107, 119.

³⁶ Alkim Bahadir U. Anatolia, No. 101, 111; Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens.—Leipzig, 1965, Taf. 40, 41.

³⁷ Akurgal E. Die Kunst..., Taf. 65, 76—78, 140—143, 146; Riemschneider M. Die Welt..., Taf. 29, 34—36, 41—45, 48—52.

Хартапу, по всей видимости, было создано не ранее 40—30 гг. X в. и не позднее начала IX в. до н. э. (90-е годы).

При датировке рассматриваемых надписей следует учесть и факт неупоминания Хартапу, автора интересующих нас лувийско-иероглифических надписей, в письменных источниках времен Салманасара III и Тиглатпаласара III. В этой связи заслуживает внимания и то, что в ассирийских клинописных текстах IX—VIII вв. до н. э. засвидетельствованы³⁸ названия почти всех соседних с т. н. «западными мусками» стран (Табал, Туна, Тухан, Куэ) и имена их царей (Тувати, Урбала, Кате). Исключением являются лишь страна мусков и их царь³⁹.

Примечательно, что имя Хартапу не подтверждается в Каркемишской лувийско-иероглифической надписи (A6, 2—3) 60—40-х гг. VIII в. до н. э., хотя в ней, в отличие от письменных памятников времен Салманасара III и Тиглатпаласара III, фигурирует название «западных мусков»⁴⁰.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что несмотря на явно хеттский характер интересующих нас надписей, ярко выраженное стремление их автора связать свое происхождение с царской династией хеттов, а себя представить в ранге великого царя, героя, любимца верховного божества Тархунта, неправомерно датировать их эпохой Нового царства хеттов. Наиболее вероятной, по-видимому, может быть предположение, согласно которому, рассматриваемые лувийско-иероглифические надписи Хартапу будут отнесены к 40—30-м годам X в. до н. э. К этому времени, а возможно и к более ранней дате следует, по-видимому, отнести и возникновение царства мусков, расположенного в горном районе Кызылдага, Карадага и Бурункая.

³⁸ ARAB, I, No. 577, 582, 583, 600, 674, 682, 769, 772, 802.

³⁹ Mallowan M. E. L. *Carchemish...*, p. 61; Hawkins J. D. *Building Inscriptions...*, p. 87; его же. *Some Historical Problems...*, p. 157—160.

⁴⁰ Barnett R. D. *Karatepe. The Key of the Hittite Hieroglyphs.*—AnSt, 1953, III, p. 91; Meriggi P. *MEG, Testi*—1^a Serie, No. 10 (A6, 2—3); Laroche E. *Les Hieroglyphes...*, No. 225; Reimschneider M. *Der Welt...*, S. 102; Hawkins J. D. *The Negatives in Hieroglyphic Luwian.*—AnSt, 1975, XXV, p. 152. ср. Diakonoff I. M., Kashkai S. M. *Geographical Names According to Urartian Texts.*—*Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes*, IX.—Weisbaden, 1981, p. 58.

М. Л. ХАЧИКЯН

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ХУРРИТСКОГО И УРАРТСКОГО ЯЗЫКОВ

Для характеристики контенсивного типа языка, как известно, требуется учет его лексики, синтаксиса и морфологии. Такая попытка наталкивается на серьезные трудности, когда мы имеем дело с древнеписьменными мертвыми языками, полный разноуровневый анализ которых невозможен ввиду ограниченности имеющегося в распоряжении исследователя текстового материала, который к тому же далеко не всегда поддается полной и адекватной интерпретации. Именно так обстоит дело в случае с X. и Y.: мы не располагаем исчерпывающим списком лексики, симптоматичной для типологической характеристики, синтаксис и морфология этих языков также известны весьма схематично.

Такую попытку, однако, не следует считать совершенно безнадежной, тем более, что одновременность дошедших до нас текстов на X. и Y. позволяет проследить типологию этих языков в развитии. I. Типологически X. и Y., за исключением древнейших диалектов X., в целом можно охарактеризовать как позднеэргативные.

В эргативных языках, согласно новым данным, мы имеем дело с разбиением глаголов не на транзитивные: интранзитивные, а на агентивные, передающие действие, распространяющееся с субъекта на объект и преобразующее его «ломать», «резать», «срывать» и т. д., и фактивитивные, передающие состояние субъекта или его поверхностное воздействие на объект «расти», «идти», «чихать», «кусать», «кричать» и т. д.¹

В X. и Y., однако, подобная оппозиция не фиксируется. Глаголы противопоставлены здесь по признаку транзитивности: интранзитивности. К сожалению, доступная нашему пониманию глагольная лексика не позволяет судить, ускользает ли от нас оппозиция по признаку агентивности: фактивитивности из-за недостатка располагаемых нами данных или она во-

---

¹ См. Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии (ниже: Принципы...), М., 1983, с. 95.

обще неизвестна X и У. вследствие далеко зашедшей номинализации этих языков.

О существенно продвинутой эргативности в X. и У. свидетельствует, в частности, незначительный объем диффузных глаголов, функционирующих в эргативных языках в качестве фреквенталии, идущей от активного состояния², наличие в этих языках таких глагольных лексем позднергативной формации, как «брать», «давать»³, наличие связочного глагола⁴.

2.1. Для X. и У. предложения характерны: а) эргативная конструкция с предикатом, выраженным ТГ., субъектом в Э. и объектом в А.; б) абсолютная, с предикатом, выраженным ИГ., и субъектом в А.; в) эквативная, с субъектом в А. и именным/причастным предикатом со связкой или без нее.

Аффективная конструкция предложения X. и У. неизвестна. Аффективные глаголы спрягаются по эргативному типу.

Есть основания предполагать, что X. была известна посессивная конструкция с субъектом обладания в Г. и глаголом *tup* — «иметься»⁵.

2.3. Доминирующим в X. и У. является обычный для языков эргативного строя порядок слов: S—O₁₁—O₁—V_{tr} для эргативной конструкции и S—V_{intr} для абсолютной, хотя нередки случаи экспрессивной инверсии.

3.1. Глаголы в X. и У. делятся на транзитивные и интранзитивные.

3.1.1. ТГ. спрягаются по эргативному типу, с личными субъективными показателями, генетически общими с притяжательными местоимениями, и объектными показателями, совпадающими по форме с несамостоятельными личными местоимениями.

3.1.2. ИГ в обоих языках спрягается по безобъектному типу, образуемому присоединением к глагольной основе показателя интранзитивности состояния и личных субъектных показателей, совпадающих с объектными показателями гла-

² Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности (ниже: Очерк...), М., 1973, с. 119; Типология языков активного строя (ниже: Типология...), М., 1977, с. 85.

³ Климов Г. А. Очерк..., с. 153.

⁴ В. X., наряду с глаголом «быть», засвидетельствованным в типологически наиболее продвинутом диалекте («митаннийском»), в качестве связки в эквативном предложении функционирует личное субъективное местоимение абсолютного ряда -ⁿ(ед.), -^{1.3}(мн), что характерно для языков активной (фиентивной) типологии, см. Климов Г. А. Типология..., с. 102—103.

⁵ О глаголе *tup* «иметься, существовать» в X. см. G. Wilhelm, Der hurritische Ablativ Instrumental (ne), ZA 73 (1983), p. 100-101.

гола эргативного спряжения, за исключением маркера Зл. ед./ (см. 6.1.2).

3.1.3. В X., в отличие от Y., в котором ТГ. спрягается исключительно по эргативному типу, в ряде архаичных диалектов X. и собственных именах-предложениях засвидетельствованы формы ТГ. в безобъектном спряжении (глагольная основа + показатель интранзитивности + личные показатели абсолютного ряда). Однако в этих формах в качестве субъектного маркера Зл. ед. выступает не маркер —∅, как в ИГ., а —b/-m: fa^s·₍₁₎—i₍₂₎—b₍₃₎ „он 3 построил 1—2“, Magi 1_{3,6}.

Примечательно, что этот же маркер —b присутствует в ВД и в именах собственных также и в ИГ.: *šidil-a-b*, значение неизвестно Magi 1₁₀, *Ūn-a-b-DN* „Идет/пришел—DN“.

Из сказанного выше со всей очевидностью следует, что элемент —b выражал лицо субъекта как ТГ., так и ИГ., иначе говоря, динамичного активного глагола языков активной фientивной типологии и что безобъективный тип спряжения восходит к фientивному состоянию хуррито-урартского языка.

В связи с дальнейшей эргативизацией и возникновением эргативного спряжения в X. показатель субъекта действия -b вышел из употребления, а в функции субъекта ИГ. стал выступать маркер -∅, вероятно, показатель субъекта состояния, наряду с -n.

В Y., наоборот, маркер —b_э вытеснил показатель субъекта состояния -∅-n_э и сохранился в функции личного субъектного показателя ИГ⁶. Исключение составляет глагол «быть», в качестве личного маркера в котором выступает показатель субъекта состояния -∅: *map-o-∅* «он есть».

3.2. X. и Y. не известна залоговая диатеза, что закономерно для языков неноминативной типологии⁷: В этом отношении составляют исключение урартские причастия на -u/o_г (см. 3.5.).

Для X. и Y., за исключением ДС, характерна и незалоговая диатеза, являющаяся импликацией языков активной типологии⁸.

Является ли урартский суффикс -t_э восходящий к показателю нецентральной версии в ДС⁹, переосмысленным в связи со значительной номинативизацией этого языка показателем субъектной версии или рефлексивным местоимением, трудно сказать.

⁶ Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки (ниже: ХУР Я), Ереван, 1985, с. 96.

⁷ Климов Г. А. Очерк..., с. 104.

⁸ Климов Г. А. Типология..., с. 140.

⁹ Khačikyan M. L. Towards the Categories of Aspect and Version in Hurro-Urartian, ZA 74 (1984), p. 92—95.

3.3. X. и У. присуща видо-временная категория, достаточно развитая в продвинутых эргативных языках, но не характерная для языков активного строя¹⁰.

Большое число наращений в этих языках, так или иначе меняющих семантику глагольного корня, свидетельствует о широком распространении категории способа действия в доэргативный период хуррито-урартского языка¹¹.

3.4. X. присуще наличие деепричастий и инфинитивов¹², достаточно распространенных в эргативных языках¹³.

3.5. X. и У. известен также вполне сформировавшийся класс причастий, занимающих довольно скромное место в эргативных языках, в отличие от номинативных¹⁴.

В X. причастия представляют собой глагольную основу безобъектного спряжения, без личных субъектных показателей, иначе говоря, глагольную основу + показатель транзитивности (интранзитивности) состояния.

В У., наряду с адъективированными причастиями состояния, употребляемыми в эквативных предложениях в сочетании с глагольной связкой, имеются причастные формы с суффиксом -ц/огэ, в которых противопоставление по признаку транзитивности: интранзитивности уступает место залоговой диатезе: оуэ... аг/у-ц/огэ „(никто до меня) не проводил (букв.: не проводший), УКН 136_б; оуэ... иšt-ц/огэ „(ни один царь до меня) не отправлялся (букв.: не отправившийся), там же, 155 E₄₃, но оуэ sid-a-(y)ц/огэ „ничего не было построено“, там же, *passim*.

Разноуровневый типологический анализ У. позволяет интерпретировать эту оппозицию не как реликтовое противопоставление действие: состояние, присущее языкам активного (фиентивного) строя, а как свидетельство становления в У. залоговой диатезы.

3.6. Множественное число субъекта в эргативном спряжении, как и в модальных наклонениях, выражается либо с помощью глагольного суффикса -(i)d- (X.), -(i)t- (У.), либо суффикса, генетически связанного с показателем множественного числа в именах -(a)z- (X.), -a(s) (У).

По всей вероятности, первый суффикс, судя по его месту в глагольной словоформе (внутри глагольной основы, а не за личным показателем субъекта), первоначально являлся показателем «массовости» действия, характерным для языков ак-

¹⁰ Климов Г. А. Очерк..., с. 180.

¹¹ О семантике глагольных наращений см. Хачикян М. Л. ХурЯ, с. 60—62.

¹² Хачикян М. Л. ХурЯ, с. 112.

¹³ Климов Г. А. Очерк..., с. 118.

¹⁴ Климов Г. А. Там же.

тивного строя¹⁵, и лишь впоследствии утратив эту функцию, стал выступать в роли плюрализатора субъекта, подобно суффиксу именного происхождения.

4.0. Имена существительные в X и Y разбиваются не на типологические значимые, а на ситуативные классы субъекта и объекта.

Помимо позиционных падежей -Э., падежа субъекта транзитивного предложения, и А., падежа субъекта интранзитивного и объекта транзитивного предложения, падежная система обоих языков включает Г., Д., И. и ряд обстоятельственных падежей.

4.1. Как известно, наличие полностью сформировавшихся Г., Д. и И. характеризует языки номинативной типологии, а их наличие в неноминативных языках свидетельствует об их сильной номинативизации¹⁶. Г. здесь имеет атрибутивную функцию. Случаев объектного Г. в X и Y не зафиксировано. Засвидетельствован один случай субъектного Г. в X.: *tâzene-wə* (1)it'-um-ə(2) и отправление(2) дара(1)“, Д. имеет общенаправительную и косвеннопадежную функцию¹⁷. И сформировался на основе обстоятельственного аблатива¹⁸.

4.2. Э. в X. и Y. несомещающий, что также свидетельствует о продвинутой стадии эргативности в этих языках¹⁹.

Трудно сказать что-либо определенное о происхождении эргативного маркера -z (X.), —šə (Y.). Возможно, если судить по его употреблению в архаичной конструкции Kûmarvepe-z ūp-u-b «бог Кумарби тебя родил», KUB XLVII 78 114; с глаголом в безобъектном спряжении, восходящем к активному (фиентивному) состоянию хуррито-урартского языка, этот маркер восходит к активному падежу.

Следует отметить и тот факт, что в северном ареале нахско-дагестанских языков имеется показатель специального эргатива -(a)s, наряду с маркером совмещающего Э. -w²⁰.

Интерес представляет и последний маркер. К нему, очевидно, восходят хуррито-урартские показатели Г. -wə (X.), -eуə (*-ewə, Y.) и Д. -wa (X.), -iyə (*-iwa, Y), если принять во внимание, что парадигматизация специальных окончаний Г. и Д. наряду с Э. и И., также проходит через ступень совмещающих падежей²¹.

¹⁵ Климов Г. А. Типология..., с. 100.

¹⁶ Климов Г. А. Принципы..., с. 45—48.

¹⁷ Примечательно, что в X. в послесложных сочетаниях имя/местоимение в Д. согласуется с послесловом в направительном падеже.

¹⁸ Об и. см. Wilhelm G. ZA 73 (1983), p. 96—113.

¹⁹ Климов Г. А. Очерк..., с. 186.

²⁰ Там же, с. 188.

²¹ Там же, с. 190.

Таким образом, если наше предположение верно, в хуррито-урартском языке сохранились оба нахско-дагестанских эргативных показателя: специальный — в качестве маркера специального Э., совмещающий — в косвеннопадежной функции.

Что касается элемента -а в показателе Д и Х, то он входит в состав большинства обстоятельственных падежей²².

5. Для Х и У характерна, в отличие от языков активной (финитивной) типологии, сформированность имени прилагательного, в том числе и качественного²³.

Следует отметить, однако, что в ВД., одном из наиболее архаичных диалектов Х., встречается прилагательное в форме чистой основы стативного глагола: *muz êpi-v-uz* «твой истинный бог», *Maŕi 6, passim. muz êpe-ŕa* «с истинным богом», там же, 19.

Возможно, эту форму следует рассматривать как реликт активного языкового состояния, для которого характерна не оформленность качественного прилагательного и его тождественность глаголу состояния, хотя не исключена вероятность, что мы имеем дело с элидированным тематическим гласным в прилагательном.

6.1. Личные местоимения в Х и У, делятся на самостоятельные и зависимые (несамостоятельные).

6.1.1. Самостоятельные местоимения в Х и У, употребляемые обычно эмфатически, склоняются по аналогии с существительными.

6.1.2. Несамостоятельные местоимения выражают субъект в глаголах безобъектного спряжения и объект в глаголах эргативного, за исключением Зл. ед., где субъект ИГ отличен от объекта ТГ.

Как было сказано выше (3.1.3), в архаичных диалектах Х существует два разных субъектных показателя Зл. ед.: -b и -p/-Ø, выражающие субъект действия и субъект состояния соответственно, что свидетельствует о присущей активным, но не эргативным языкам оппозиции субъект действия: субъект состояния.

В более поздних диалектах Х роль субъектного маркера Зл. ед. выполняет -Ø, а в У -bə. В качестве же объектного маркера в эргативном спряжении в обоих языках выступает -п (·а) (Х.), -пə (У.).

Таким образом, в одном фрагменте Х и У, а именно, в несамостоятельных личных местоимениях, имеет место расщепление А (совмещающего падежа) на два самостоятельных падежа: именительный, с показателями -Ø в Х и -bə в

²² Thiel H.—J. Archiv..., p. 221—222.

²³ Хачикян М. Л. ХУРЯ, с. 67—69.

Э. И. РАСШАМРЫ
Э. И. РАСШАМРЫ

У., с одной стороны, и именительный, с показателем -п (а) в Х. и -пə в У., с другой, что свидетельствует о значительной номинативизации этих языков.

6.1.3. В системе личных несамостоятельных местоимений в Х. прямой и косвенный падежи оформляются одинаково, что следует расценивать как остаточное функционирование так называемого «ближайшего» дополнения активных языков, понятие которого значительно шире, по сравнению с понятием прямого дополнения²⁴.

В У. же фиксируется расщепление объектного местоимения на прямое и косвенное²⁵, что является инновацией, связанной с сильной номинативизацией У.

6.2. Признаком, символизирующим номинативизацию У., является также наличие рефлексивного местоимения (или субъектной версии?), генетически связанного с показателем нецентробежной версии в Х. (см. 3.2.).

6.3. Обоим языкам известны суффиксальные притяжательные местоимения, генетически связанные с личными показателями эргативного ряда в ТГ.

Категория притяжательности, дифференцирующая формы неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности и присущая языкам активной, но не эргативной формации, для Х. и У. не характерна.

Однако имеются данные, позволяющие предположить наличие этой категории в доэргативный период хуррито-урартского языка. Речь идет о притяжательном местоимении 3л. ед. -дə, известном только в ДС²⁶. Не исключено, что этот элемент является обломком известной в прошлом хуррито-урартскому языку, но в дальнейшем распавшейся категории органической (неотчуждаемой) принадлежности.

Как указывает Г. А. Климов²⁷, реликты противопоставления форм неотчуждаемой принадлежности прослеживаются в отдельных нахско-дагестанских языках, в частности, в даргинском небольшая группа субстантивов, обозначающих части тела, постоянно употребляются в притяжательной форме, варьирующей по классам: мужчины, женщины, животного и вообще, с показателями в-, р-, б- и д- соответственно. Возможно, существует генетическая связь между последним и -дə ДС.

7. Вышеизложенное позволяет охарактеризовать Х. и У. как продвинутые эргативные языки (оппозиция эргативного и без-

24 Климов Г. А. Типология..., с. 119.

25 Хачикян М. Л. ХУРЯ, с. 82.

26 Хачикян М. Л. Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии, ВДИ, 1975, № 3. с. 35.

27 См. Климов Г. А. Очерк..., с. 195.

объектного спряжения в системе глагола [3.1.1—3.1.2], наличие позиционных падежей Э. и А. [4.0], отсутствие залоговой диатезы [3.2], наличие деепричастий и инфинитивов [3.4] и причастий [3.5]), с некоторыми реликтовыми чертами активной (фиентивной) типологии в наиболее архаичных диалектах Х. (спряжение ТГ. по безобъектному типу [3.1.3], личный маркер 3л. ед., общий для субъекта ТГ и для субъекта ИГ, в отличие от субъекта состояния [6.1.2], наличие категории версии [3.2], функционирование «ближайшего» дополнения в системе личных несамостоятельных местоимений [6.1.3]) и целым рядом черт раннеиндоевропейского состояния в поздних диалектах Х. и в У. (наличие несогласующего Э. [4.2], формирование Г., Д. и И. [4.1], формирование в системе личных несамостоятельных местоимений номинатива и аккузатива [6.1.2], наличие связки [1], формирование залоговой диатезы в причастиях [3.5] и субъективной версии (или рефлексивного местоимения?) [6.2])*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. — абсолютив; БД — «Богазкейский диалект»; ВД — «вавилонский диалект»; Г. — генетив; Д. — датив; ДС. — «диалект словаря» (язык шумерско-хурритский билингвы); И. — инструменталис; ИГ. — интранзитивный глагол; ТГ. — транзитивный глагол; У. — Урартский язык; УД. — «уркешский» диалект; Х. — хурритский язык; Э. — эргатив; О₁ — прямой объект; О₁₁ — косвенный объект; S — субъект; V (tr., intr) — глагол (транзитивный, интранзитивный).

С. И. ХОДЖАШ

ПЕЧАТЬ ИЗ ЭРЕБУНИ СО СЦЕНОЙ ОХОТЫ

Среди обнаруженных в Эребуни печатей выделяется ко-
стояной цилиндр со сценой охоты (ГМИИ № V—1, выс. 1,85 см,
дм. 0,95 см)¹.

На поверхности печати вырезана фигура охотника. Перед
охотником большая коза с могучими раскидистыми рогами.
На козу нападают две собаки: одна из них кусает животное
за ногу, а вторая вцепилась в загривок. На охотника прыгает
стоящий на задних лапах оскалившийся лев. Сверху летит
птица. Композицию завершает высокое стройное дерево.

Тема охоты часто встречается в урартском искусстве, в
частности, в искусстве Эребуни. На монументальных росписях,
некогда украшавших парадные залы цитадели, изображен
урартский царь, охотящийся в пустынной местности².

На бронзовом поясе, найденном в колумбарии Эребуни
у подножия крепости, вычеканена многофигурная композиция
сцены охоты на диких быков и львов³.

Изображение охоты известно и по памятникам урартской
глиптики⁴.

Иконография печати из Эребуни восходит к ранним пе-
реднеазиатским цилиндрам с изображением мифологического
героя, подвергающегося нападению вздыбленного льва. Сцена
охоты на льва известна и по протоэламским⁵, и по аккадским⁶

¹ Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л. Эребуни. Памятник урартского зодчества.—М., 1979, рис. 121, 122.

² Оганесян К. Л. Росписи Эребуни.—Ереван, 1973, рис. 4.

³ Мартиросян А., Мнацаканян А. Нор-Арешский урартский колумбарий.—Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки.—Ереван, 1958, № 10, с. 71, 73, 76.

⁴ Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt.—Berlin-Leipzig, 1931, Bd. II, Heft. 2.

⁵ Amiet A. La glyptique mésopotamienne archaïque.—Paris, Centre national de la recherche scientifique.—1958, pl. 39, № 608.

⁶ Orthmann H. Der Alte Orient.—Berlin, 1975, Abb. 134—с.

цилиндрам. Встречаются подобные композиции и в ассирийской глиптике⁷.

Изображенные на печати животные имеют аналогии в росписях и металлических изделиях Эребуни. Особенно характерна фигура поджарого оскалившегося льва, напоминающего изображения зверей во фризе на стене колонного зала⁸, на бронзовых щитах и на поясе из колумбария⁹.

Интересно выгравированное за львом высокое дерево с короткими поднятыми вверх ветками. Оно лишено какой бы то ни было условности и декоративности, присущей изображениям священных деревьев, известных по многим урартским памятникам¹⁰.

Нет сомнения, что дерево на печати воспроизводит реальное дерево, возможно, пирамидальный тополь, весьма распространенный в Арагатской равнине.

По своему внешнему виду изображенный на печати охотник в коротком кафтани, высоких узких сапогах с загнутыми концами и закрывающей всю голову завязанной на затылке маске, не похож на фигуры воинов и охотников на урартских памятниках. Он более напоминает персонажей скальных рельефов Языли-Кая. Не характерно для урартских изображений и наличие маски.

Чем объясняется столь странная иконография?

Роль маски, начиная с доклассового общества, была двойной: ритуальной и функциональной¹¹. В масках в виде морды животного совершали культовые обряды, охотники в маске незаметно подкрадывались к зверям.

Говоря о назначении маски в ритуальных действиях и охоте, академик А. Б. Окладников писал: «Звериные маски широко известны. Их употребляли во время различных ритуальных представлений, например, в религиозном театре у ламаистов, где выступают танцоры, изображающие божества с головой оленя или быка. Маска в виде головы зверя приме-

⁷ Delaporte L. Catalogue des cylindres orientaux. Musée du Louvre. — Paris, 1923, pl. 87.—17CA. 6741.

⁸ Ходжаш С. И., Трухтанова Н. С., Оганесян К. Л. Эребуни. Памятник урартского зодчества, рис. 63.

⁹ Мартиросян А., Мнацаканян А. Нор-Арешский урартский колумбарий, с. 77.

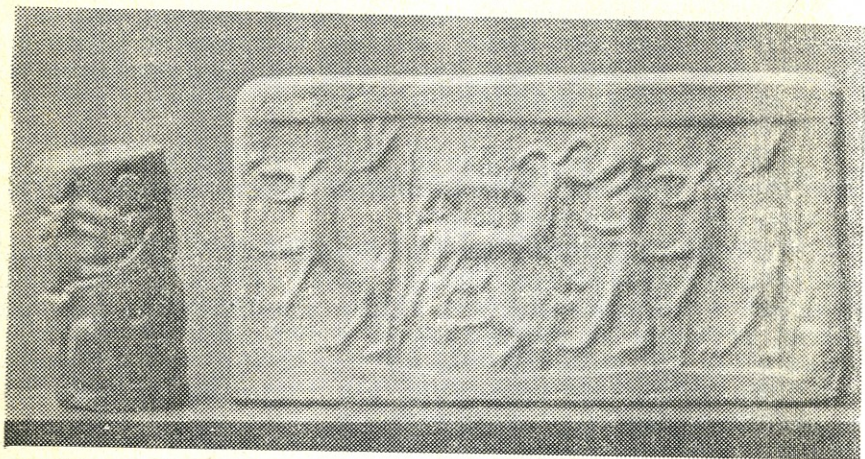
¹⁰ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту).—М., 1959, табл. XXXVI, XLIX; Hançar F. Das urartäische Lebensbaummotiv. Eine neue Bedeutungstradition.—Iranica Antiqua.—Leiden, 1966. Vol. VI, p. 92—108.

¹¹ Nordin P. Permanence de la parure et du Masque africains.—Paris, 1966; Hartmann G. Masken Südamerikanischer Naturvölker. — Museum für Völkerkunde.—Berlin, 1967.

няется и во время охоты для обмана животных. Одеву охотника незаметно подкрадывается к зверю»¹².

Изображение охотников в масках зафиксировано выдающимся армянским археологом А. А. Мартиросяном на петроглифах в Гегамских горах на западном побережье озера Севан. По мнению Мартиросяна, эти петроглифы семантически связаны с урартским иероглифическим письмом¹³.

Ближайшими аналогиями охотнику на печати, хотя и сильно разделенными во времени, могут служить персонажи в сцене процессий на серебряном кубке из V кургана Триалети, которую профессор Б. А. Куфтин считал культовой сценой, связанной первоначально с чисто охотничьим божеством¹⁴. На основании того, что костюмы участников процессии украшены волчьими хвостами, Куфтин высказал предположение о принадлежности кубка жителям Малой Азии — лувийцам, то есть «волчьему народу».

Как установил академик Г. А. Меликишвили, внесший огромный вклад в изучение эпиграфических памятников Эребуни, надпись на расположенном в цитадели храме Суси посвящена лувийскому богу¹⁵.

Возможно, что и изображенный на печати из Эребуни охотник также связан с лувийскими культовыми представлениями.

¹² Окладников А. Б. Утро искусства. — Л., 1967, с. 82.

¹³ Мартиросян А. А. Первобытные петроглифы Армении и их урарто-армянские двойники. — Ереван, 1973, табл. XIII, рис. 6.

¹⁴ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. — Тбилиси, 1941, табл. XCI.

¹⁵ Меликишвили Г. А. К вопросу о хетто-лувийских переселенцах в Урарту. — Вестник древней истории, М., 1958, № 2, с. 40—47.

К. Г. ЦЕРТЕЛИ

ИЗ АККАДСКО-АРАМЕЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

(Замечания по арамейской фонологии)

1. Арамейский и аккадский языки на протяжении многих веков находились в тесной взаимосвязи, что, в основном, определялось существованием этих двух родственных языков на одной территории (Месопотамия). Поселение арамеев в Месопотамии во II тысячелетии до н. э. (XIV в.) засвидетельствовано документально. Со временем арамейский язык широко распространяется на ее территорию и постепенно становится разговорным языком всей Месопотамии, вытесняя из употребления аккадский. Однако, последний и во времена Персидской империи, т. е. и после 538 года до н. э. вплоть до нового летоисчисления все еще оставался письменным языком, тогда как арамейский был уже, фактически, единственным разговорным языком в этом регионе¹. Такое соприкосновение данных языков друг с другом, тесные контакты между их носителями и, наконец, замена родного языка арамейским, создавали соответствующие условия для взаимовлияния, что выражалось, с одной стороны, в сильном влиянии арамейского языка на аккадский, особенно же в влиянии языка-субстрата на заменившего его язык. Цель нашей статьи попытка объяснить один нехарактерный для арамейского случай из области фонологии с учетом вышеуказанной языковой ситуации.

2. В этом отношении интерес представляют арамейские диалекты, бытующие в Месопотамии, на родине аккадоязычного населения — арамейский язык Вавилонского талмуда и т. н. мандейский язык (речь арамеев, членов мандейской религиозно-гностической секты). Оба эти диалекта известны письменными памятниками почти одного и того же периода (Вавилонский талмуд — IV—VI вв., мандейский — III—VIII вв.) и созданы на одной и той же территории. При этом следует

¹ Ср. Von Soden W. Grundriß der akkadischen Grammatik, Roma, 1952, S. 3 h, 20.

² Ср., например, там же, с. 3—4, § 2.

также отметить, что мандейский язык все еще существует среди членов секты и по сей день, а в Иране, в провинции Хузистане (в городах Ахваз и Хорамшахр), он сохранился как разговорный язык³.

3. Арамейский язык Вавилонского талмуда и мандейский язык хронологически относятся к группе среднеарамейских диалектов, а с географической точки зрения — к восточноарамейскому, или, говоря точнее, интересующие нас диалекты — восточные диалекты среднеарамейского языка⁴. К последнему относятся также: сирийский язык, иудейско-арамейский и христианско-арамейский диалекты Палестины, самаритянский язык. Сравнение последних с арамейскими диалектами Месопотамии на фонологическом уровне, выявляет некоторые отличительные моменты между ними, на одном из которых мы бы хотели остановиться.

4. В среднеарамейском, как и в древнеарамейском (исключая древнейшие арамейские эпиграфические памятники) для протосемитского (п/с) интердентального звонкого $\underline{d}$ имеется смычный дентальный согласный d . Именно последний считается общеарамейским соответствием п/с интердентальному спиранту $\underline{d}$, который в семитских языках передан по-разному: араб., угарит. — $\underline{d}$, ханаан., аккад., эфиоп. — z ⁵. Из этого общеарамейского правила исключение составляет мандейский язык, где вместо вышесказанного дентального смычного d встречается дентальный спирант z . Так, например, [zahba]⁶ (|| [dahba]) «золото» (ср. араб. $\underline{d}$ ahab, сир. dahbā), [ziqna] (|| [diqna]) «борода» (ср. араб. $\underline{d}$ aqn, евр. zāqān, аккад. ziqnu, сир. diqnā), [ZKR] (|| [DKR]) «произносить заклинание»⁷ (ср. араб. $\underline{d}$ akara, сир. d³kar, евр. zākar «вспоминать», аккад. zākaru «гозорить») и др. Особенно часто [z] засвидетельствован в указательных местоимениях: [hazin] «этот», [haza] «эта» (|| [hada])⁸.

Т. Нёлдеке считает z в мандейском языке, в названных случаях, факультативным субститутотом согласного d и выделяет его как характерный признак мандейского. Следует здесь же отметить, что формы с спирантом z (=п/с $\underline{d}$) в классиче-

³ Macuch R. Handbook of Classical and Modern Mandaic. Berlin, 1965, S. XLXI, LXIV.

⁴ Церетели К. Г. Арамейский язык, Тбилиси. 1982, с. 114—116, 128—129.

⁵ Ср. An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages, ed. by S. Moscati, Wiesbaden, 1964, p. 27—30.

⁶ В [ ] помещены транслитерации слов и отдельных букв.

⁷ Drower E. S., Macuch R. A Mandaic Dictionary, Oxford, 1963.

⁸ Macuch, Handbook..., 67, 165.

ском мандейском языке имеют параллельные дублиеты с типичным для арамейского языка согласным *d*, однако они встречаются намного реже, а некоторые из них спорадически, как, напр., [hada] по отношению к [haza]⁹. Для Нёльдеке, видимо манд. [d] и [z] представляют собой реальные фонемы (/d/ и /z/) и исходным для них является согласный *d*, так как он говорит о близости *d*~*z* с сегодняшним произношением арабского *ḏ* (*d*) у египтян, где вместо *ḏahab* слышатся *dahab* и *zahab*¹⁰. Аналогичное мнение высказал Мацух, для которого в класс. мандейском данные буквы выражают реально существующие в произношении согласные¹¹: др. арам. *z* (= араб. *ḏ*) > позднеарам. *d*, как и араб. *ḏ* > *d* в совр. арабских диалектах¹². Рассматривая взаимоотношения между манд. согласными *d* и *z*, Мацух заключает, что формы с *d* и с *z* только факультативные варианты¹³. При этом, Мацух замечает, что из факультативно употребляемых дублиетов в мандейском чаще представлены формы с согласным *z*; они же являются более ранними (more original). Таким образом, и для Мацуха в указанных случаях *z* является первичным, тогда как *d*, заменивший согласный *z*, появляется здесь позднее. Более того. В мандейском, видимо, настолько распространено употребление согласного *z* вместо общеарам. *d*, что он заменяет *d* и другого происхождения (= п/с *d*); [zma] рядом с [dma] «кровь», общеарам. *dm*, [diqia] и [ziqia] (*deqlā*, *zeqlā*) «пальмовое дерево»¹⁴ (ср. евр. *deqel*, арам. *deqlā*, араб. *daqel*), что Мацух объясняет аналогией с дублиетами типа [zahba]/[dahba]¹⁵. (По мнению Броккельмана *dmā* > *zmā* могло быть тем же, что и греч. *δμ* > *σμ* в турецком произношении арабского слова: *hidmat* «служба» > *hizmet*¹⁶. Также (*hezmat*) звучит это слово и в совр. мандейском, который, как было отмечено, бытует в Иране, где в диалекте фарси оно встречается с согласным *z*).¹⁷

5. По мнению некоторых семитологов, употребление в мандейском [z] для ист. *d* является продолжением ситуации,

⁹ Drower-Macuch, *Mand. Dict.*, 116.

¹⁰ Nöldeke Th. *Mandäische Grammatik*, Darmstadt, 1964, S. 43, прим.

5.

¹¹ Macuch, *Handbook...*, 9.

¹² Macuch, *Handbook...*, 67.

¹³ Там же, с. 66.

¹⁴ Nöldeke, *Mand. Gr.*, 43; Drower-Macuch, *Dictionary*, 111, 167.

¹⁵ Macuch, *Handbook...*, 68.

¹⁶ Brockelmann C. *Das Aramäische, einschliesslich des Syrischen*, — *Handbuch der Orientalistik*, III: *Semitistik*, Leiden, 1954, S. 151—152.

¹⁷ Macuch, *Handbook...*, 69.

известной в древнеарамейских памятниках, когда последний передан именно чрез [z]. Так например, по мнению М. Лидзбарского, употребление [z] для $\dot{d}$ в мандейском идет от древнеарамейского, которое засвидетельствовано в эпиграфических памятниках и для арамейского является остаточным архаизмом¹⁸. По Броккельману [z] вместо [d] в мандейском идет от государственного арамейского письма¹⁹. Аналогичного мнения придерживается и Г. Бергштрессер, который передачу п/с $\dot{d}$ через z в древнеарамейских надписях считает последствием финикийского влияния²⁰. (На передачу в древнеарамейских надписях интердентального $\dot{d}$ посредством графемы z не редко указывали семитологи)²¹. Все вышеприведенные высказывания имеют одну общую позицию: употребление в мандейском согласного z (или буквы [z]) вместо п/с $\dot{d}$, в отличие от общеарамейского смычного $\dot{d}$, объясняется как «наследство» древнеарамейского языка (или письма).

6. Из вышесказанного явствует, что вопрос о соответствии мандейского z п/с согласному $\dot{d}$ вплотную соприкасается с вопросом о дистрибуции п/с интердентальных в арамейском языке. Поэтому считаем необходимым остановиться на последнем.

П/с простые (неэмфатические) интердентальные согласные, как известно, в аккадском и ханаанейских языках дают спиранты, а именно, звонкий $*\dot{d} > z$, глухой $*\dot{t} > \dot{s}$. (Что касается п/с эмфатических интердентальных $\dot{d}$ и $\dot{t}$, они как бы стоят отдельно от данного процесса и, постольку, о них здесь речи нет). Аналогичное положение (z вместо п/с $\dot{d}$ и $\dot{s}$ вместо п/с $\dot{t}$) засвидетельствовано в древнейших арамейских эпиграфических памятниках (IX—VIII вв. до н. э.)²². Так, напр., относит. мест. $z\dot{t}$ (=позднеарам. $\dot{d}\dot{t}$) (Тель-Халаф, Арпад, Хама, Яуди, Бар-Ракиб), zhb «золото» (Бар-Ракиб)²³. Все названные надписи встречаются на территории Сирии-Месопотамии, где к этому времени в особом почете был аккадский

¹⁸ Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik, III, Giessen, 1915, S. 106; Rosenthal, Die aramäische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen, Leiden, 1964, S. 230.

¹⁹ Brockelmann C. Ibid.

²⁰ Bergsträsser G. Introduction to the Semitic Languages, Eisenbrauns, 1983, p. 78.

²¹ См. ниже.

²² Degen R. Altaramäische Grammatik der Inschriften des 10.—8. Jh. Wiesbaden, 1969. S. 31; Segert S. Altaramäische Grammatik, Leipzig, 1975, S. 35 ff., 85; Garbini G. L'Aramaico antico, Anno CCCLIII, Roma, p. 247, 253, 274 etc.

²³ Garbini, id., 250, 253, 259, 266, 274.

язык (язык Ассирийской империи). За падением Ассирийского государства (в конце VII в. до н. э.) последовало ослабление влияния аккадского языка на арамейский и усиление последнего в период Персидской империи, когда арамейский стал ее официальным языком. Отсюда и название арамейского языка данного периода — «официальный арамейский» или «государственный арамейский». С этого времени в аккадско-арамейских взаимоотношениях усиливается обратный процесс. Если в предыдущем — в «ассирийском периоде» влияние аккадского языка на арамейский был значительным, то сейчас уже доминирует арамейское влияние, хотя арамеизмы в аккадском встречались и раньше. Существенные изменения происходят и с интересующей нас точки зрения: в офиц. арамейском ист. интердентальный $\underline{d}$ предстает перед нами в виде смычного d вместо спиранта z (аналогичную часть разделяет с ним и его глухой коррелят: ист. $\underline{t}$ передан не глухим спирантом $\check{s}$, как это было в древнейших арамейских надписях, а глухим смычным t). Интересно отметить, что замена буквы z буквой d (resp. t вместо $\check{s}$) в данном случае не произошла в один определенный момент (ср., напр., $t \parallel \check{s}$ в слове $tq|/\check{s}q|$ «денежная единица») ²⁴. В том же офиц. арамейском, наряду с употреблением смычного d (<* $\underline{d}$), встречаются слова и с z (как это имеет место в древнейших памятниках): [$h\check{z}$], «брать, хватать» (ок. 594 г. до н. э.) ²⁵ (письмо царя Адона), чаще — [$h\check{d}$], п/с $h\check{d}$; [$z\check{h}b$] и [dhb] «золото» (папирусы Элефантина, 408 и 456 гг. до н. э.) ²⁶, п/с $\underline{d}hb$. В остраке из Ассур (середина VII в. до н. э.) засвидетельствована буква [z] в местоимениях для п/с $\underline{d}$: [zy] «тогда» ²⁷, [$z\check{g}$] «помогать» ²⁸. Следует заметить, что в данных памятниках п/с $\underline{d}$ всегда передан через [z], тогда как п/с $\underline{t}$ встречается как в виде [$\check{s}$], так и в виде [t] ²⁸. В надписях из Сефире (Сирия), относящихся к более раннему периоду (VIII в. до н. э.), засвидетельствован случай, когда ист. $\underline{d}$ передан буквой, соответствующей смычному согласному

²⁴ Ср., также, Segert, *Altaram. Gramm.*, 91; там же, с. 92; Rosenthal, *id.*, 56.

²⁵ Segert, *id.*, 92.

²⁶ Donner R., Röllig W. *Kanaanäische Inschriften*, II, Wiesbaden, 1968, S. 284.

²⁷ Там же, с. 285.

²⁸ Ср. там же, с. 285 и 291.

му *d*, в чем некоторые ученые видят случаи использования [d] для передачи интердентального п/с *d* еще в древнейших памятниках арамейского языка, вместо характерного для данной эпохи [z]²⁹. Таким образом, употребление спирантов *z* и *š* (или соответствующих им букв [z] и [š]) для передачи п/с *d* и *t* является характерной чертой для древнейших арамейских эпиграфических памятников (X—VIII вв. до н. э.). Уже с VII столетия до н. э. в арамейском наблюдается «общеарамейская» картина передачи п/с простых интердентальных (*d* и *t*) через *d* и *t*, хотя, как это отмечалось выше, переход консонантной системы, засвидетельствованной в древнейших эпиграфических памятниках, в консонантную систему официального арамейского языка происходил, видимо, постепенно. Это касается, как мы уже видели, и интересующих нас согласных, соответствующих п/семитским *d* и *t*: встречаются отдельные случаи сохранения характерных для древнейших арамейских текстов *z* и *š*, особенно первого, передающих п/с *d* и *t*. Их рецидивы (это в первую очередь касается местоимений) встречаются и позднее: в зап. арамейском (иудейско-арамейском и набатейском)³⁰ и в вост. арамейском (мандейском).

7. Как это было отмечено, большая часть семитологов, встречающиеся в древнейших арамейских текстах (X—VIII вв. до н. э.) знаки *z* и *š* рассматривает не как фонемы, а как графемы, обозначающие сохранившиеся в арамейском прото-семитские интердентальные согласные. Но, поскольку в той письменности, которая для этой цели применялась (финикийская), не было соответствующих букв, адекватно передающих интердентальные, то, по их мнению, были использованы знаки, выражающие близко стоящие к ним согласные — *z* и *š*. Таким образом, для авторов данного предположения, в древнейшем арамейском мы имеем дело с «графической адаптацией» интердентальных и, постольку, употребление здесь букв *z* и *š* является «графическим ханаанеизмом». Именно поэтому П. Т. Денис отмечает, что в древнеарамейских эпиграфических памятниках *z* возможно передавал ист. *d*, пока он перешел в *d*³¹. И для Е. Кучера написание *z* для передачи *d* в

²⁹ Kutscher K. Y. Aramaic,—Current Trends in Linguistics, ed. by T. A. Sebeok, Vol. 6, The Hague-Paris, 1970, p. 360.

³⁰ Segert, ук. соч., с. 91—92.

³¹ Bergsträsser, Introduction..., 78, прим. d.

египетско-арамейском свидетельствует о том, что архаичная орфография существовала довольно долго, даже в то время, когда было уже распространено написание d³². В таком случае требует объяснения написание буквы z в классическом мандейском для п/с d̄. (То же самое следует сказать и о египетско-арамейском).

Существует и такая возможность, что нам кажется более вероятным. Произношение п/с d̄ и t̄ в виде z и š, характерного для ханаанейских и аккадского языков, имелось уже в древнейшем арамейском (произношение, а не только его графическое изображение)³³. Таким образом, z (<*d̄) и š (<*t̄) в древнейших арамейских памятниках являются согласными, что и было адекватно, а не приблизительно передано в текстах соответствующими буквами. Из сказанного следует, что в древнейшем арамейском сохранилась не прото-семитская ситуация в отношении названных согласных (d̄, t̄), а последствие «распада» прото-арамейского d̄ и t̄ (d/t), вследствие чего п/арам. интердентальные должны были передвинуться в соответствующие смычные (d, t) и спиранты (z, š), возможно различаемые по диалектам и нашедшие свое отражение в древнеарамейской эпиграфике. Однако, для древнейшей ступени «литературного арамейского языка» (т. е. языка арамейских письменных памятников) характерным следует считать превалирование спирантного произношения п/арам. согласного d̄ (z) над его смычным произношением (d). В дальнейшем в «литературном языке» картина меняется: спирантный согласный z в указанных случаях заменяется смычным d, что, видимо, следует объяснить лишь чередованием диалектных произношений. Именно поэтому Сегерт пишет, что замену сибиллянтов (z, š.) дентальными (d, t) следует объяснить не иманентным развитием, а заменой одного произношения другим, и исходным для данного явления считает восточные диалекты³⁴. В таком случае следует сказать, что др. арам. произношение п/с интердентальных (<п/арам.), в частности ист. d̄ в виде z надолго сохранилось в арамейском языке Месопотамии и свое отражение нашло в классическом мандейском, что подтверждается традиционным чтением мандейских текстов ([z] всегда читается как z)³⁵.

³² Kutscher, Aramaic, 360.

³³ Существует мнение, что в древнеаккадском были оба простые интердентальные d̄ и t̄ (I. J. Gelb, Old Akkadian Writing and Grammar, 1961, Chicago, p. 38).

³⁴ Segert, Altaram. Gram., 91.

³⁵ Ср. Masuch, Handb., p. 9. Так же и по нашим записям, которые мы сделали в Ираке (от Шейха Абдуллы из Багдада).

Из вышесказанного следует, что в прото-арамейском были сохранены п/с интердентальные $\underline{d}$ и $\underline{t}$, которые позднее «разделились» на d и z , t и $\check{s}$ ³⁶. В связи с этим привлекают внимание угаритские тексты, где один и тот же знак употребляется для передачи как $\underline{d}$, так и d . Думается, вполне прав Фр. Розенталь, что семитский согласный $\underline{d}$ ($\underline{t}$) никогда не имел твердую позицию и он мог легко перейти не только в z (s , $\check{s}$), но и в d (t)³⁷. Для подтверждения своего положения он указывает на произношение $\underline{d}$ в современных арабских диалектах — d/z . Видимо, то же самое произошло и с п/арам. интердентальным $\underline{d}$, который $> z$ и d , что, несомненно, должно быть диалектного характера, как это указывалось выше. Таким образом, с данной точки зрения, арамейские диалекты можно разделить на два: d/t -диалект (диалекты) и $z/\check{s}$ -диалект (диалекты) (в одних ист. $\underline{d}$, $\underline{t}$ представлены как смычные — d , t , в других же — как спиранты — z , $\check{s}$). На территории Месопотамии (особенно в Вавилонии) произношение z для ист. $\underline{d}$ длилось на много дольше, чем в регионах западнее Месопотамии (Сирия, Палестина). Впоследствии, влияние зап. арамейского усиливается, что пришло в Месопотамию, точнее в Нововавилонское государство, вместе с арамеями-переселенцами из Сирии и Палестины после падения Ассирийского государства³⁸. Произошла унификация в произношении вышеназванных согласных (d/z , $t/\check{s}$) в пользу смычного произношения, что захватило все (или почти все) арамеоязычные области. Однако спирантное произношение ист. $\underline{d}$ — z все еще длилось в определенных кругах арамеев в Вавилонии, хотя его смычное произношение (d) постепенно проникало и здесь. Отсюда — употребление дублетов с z и d в мандейском.

8. От древнейших арамейских эпиграфических памятников до мандейских текстов, где засвидетельствовано употребление спиранта z для ист. $\underline{d}$, прошло не мало времени (с X—VIII вв. до н. э. до IV в. н. э.). К тому же в арамейских текстах последующего (с VII в. до н. э.) периода вплоть до сегодняшнего дня указанное явление кроме мандейского (об исключениях речь шла выше) не встречается. Исходя из этого, оно считается одним из особенностей арамейского языка вообще. И поэтому предполагают, что мандейский язык — язык южновавилонских арамеев-мандейцев, прошел особый путь своего развития³⁹. Если вспомнить, что в распространенном в Месопотамии

³⁶ Ср. вышеприведенное предположение Гельба о существовании интердентальных $\underline{d}$ и $\underline{t}$ в др. аккадском. Ср., также, Macuch, Handbook, 66.

³⁷ Rosenthal, ук. соч., с. 69, прим. 2.

³⁸ Segert, Altaram. Gramm., 41.

³⁹ Bergsträsser, Introduction..., 59.

тамии аккадского языка, в его вавилонском диалекте, при котором интерференция арамейского языка с аккадским, видимо, достигла наивысшего уровня, легко объяснить аккадским влиянием все еще существовавшее в арамейском спирантное произношение (z) ист. $\underline{d}$ (вместо d). Хотя в то время, когда создавались древнейшие мандейские произведения, ни одного аккадского диалекта уже не было: их «проглотил» арамейский язык. Однако, язык-субстрат оказал немалое влияние на последнего, охватив почти все участки языковой структуры. К ним следует отнести и употребление в классическом мандейском сплранта z вместо смычного d в указанных случаях. Поэтому его следует рассматривать не как изолированное, нехарактерное для арамейского языка явление, а как сохранение с помощью аккадского языка исконно арамейского z (наряду с d), засвидетельствованного в древнейших арамейских эпиграфических памятниках.

9. Вышесказанное дает нам возможность иначе представить развитие п/с простых интердентальных согласных в арамейском языке (что является темой особой статьи) и внести определенный корректив в его характеристику. А именно: передачу смычными согласными п/с интердентальных нельзя считать общеарамейским признаком, отличающим арамейский язык от других семитских языков. Она характерна лишь для определенного, сравнительно позднего периода развития арамейского языка.

Дж. М. ШАРАШЕНИДЗЕ

ՏԵ-ՅԱ — РАЦИОН ИЛИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ТРУДА?

Известно, что выдаваемое администрацией государственного хозяйства Шумера эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) постоянному рабочему персоналу зерно (*še*), а иногда растительное масло (*i*), финики (*(zú-lum)*), рыба (*ku₆-gibil* «свежая рыба», *ku₆-izi* «копченая рыба»), редко же пиво (*kaš*) и т. д., обозначалось общим термином *še-ba*,¹ досл. «дарение *ba*, *qašū*) зерна (*še*, *šeu*)», «удовлетворение (*ba*, *ep̄ru*) зерном»².

У государственного хозяйства в эту эпоху, наряду с постоянной рабочей силой, была и наемная (*lú-hun-gá*). Выдаваемая этой категории работников плата в хозяйственных до-

¹ Тюменев А. И. первым указал на то обстоятельство, что термин *še-ba* в хозяйственных документах эпохи III династии Ура обозначает не только выданное работникам зерно, но и другие продукты — растительное масло, финики, рыбу и т. д. (см. Тюменев А. И. Производители материальных благ в царском хозяйстве времени третьей династии Ура, ВДИ, 1954, № 1, с. 25. Позднее на это же обстоятельство указал И. Гельб м. Gelb I. J., *The Ancient Mesopotamian Ration System*, JNES 24 (1965), (с. 231). По его свидетельству то же самое отмечают все последующие исследователи. В качестве примера см. Gomi T., *On the Critical Economic Situation at Ur Early in the Reign of Ibbisin*, JCS 36 (1984), с. 213.

² MS L III, 115:219—220: ср. ŠL II, 5:3; AHw, с. 223. Аккадцы переводили этот термин целиком как *ep̄ru* «довольствие» (см. MSL I, с. 73:9). Шумеро-аккадцам было известно несколько разновидностей *še-ba*, полную таблицу которого они внесли в свои словари в следующем виде:

<i>še-ba</i> , <i>ep̄ru</i>	«довольствие, рацион»
<i>še-ba-è</i> , <i>ep̄ru biti</i>	«довольствие дома»
<i>še-ba-ir-da</i> , <i>ep̄ru ardi</i>	«довольствие раба»
<i>še-ba-géme ep̄ru amti</i>	«довольствие рабыни»
<i>še-ba-sag-geme-ir</i> , <i>ep̄ru aštapiri</i>	«довольствие слуг» (см. I, 73:9—13).

Здесь отметим лишь вкратце: как видно из таблицы, аккадцы применяли термин *še-ba* в значении довольствия, рациона лишь в отношении рабов, слуг семьи.

кументах обозначалась термином á, *idu*, досл. «рука» сила, сила руки»³. И если термин, обозначающий плату за труд наемным работникам, всеми исследователями единогласно переводится как «плата за наем», то в переводе термина *še-ba*, обозначающего выданные постоянным работникам продукты, наблюдается разнობой. Часть исследователей переводит его как „Wages paid in barley (grain. Gerstelohnung) Gerste als Lohn“⁴. Вторая, большая часть предпочитает передавать *še-ba*, как „довольствие, прокорм, паек; Ration; Ration in barley; Gerste (Getreideration; Gersteteilung; Ration d'orge; Allocation in orge) d'orge“⁵.

В опубликованной в 1965 году статье «Система рациона древней Месопотамии» И. Гельб особо отмечает, что по значению большая разница между терминами *še-ba* и á. Для внешнего отображения разницы в содержании термина *še-ba* от значения термина á он признает соответствующим ему значением «рацион»⁶. Это обстоятельство он специально подчеркивает и в статье, датированной 1967 годом⁷.

³ Подробно по этому вопросу см. нашу работу в Кавказско-Ближневосточном сборнике», VI, Тбилиси, 1980, с. 32 и сл.

⁴ Deimel A., Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger (AnOr II), Roma, 1931, с. 5 сл.; ŠL II, 5:3; CTC. с. 77; AOS XXXII. с. 3,254; PDT I. с. 303.

⁵ Струве В. В. К семантике жалованья, Язык и мышление, III—IV, М.—Л., 1935, с. 103; его же, Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, 1948, № 2, с. 16; Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, с. 442 (указание на соответствующих страницах книги см. под термином: «довольствие персонала храмовых и царского хозяйства»); Дьяконов И. М., Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 4. Структура государственного сектора экономики. 5. Общие выводы, ВДИ, 1968, № 4, с. 11; его же, Первые деспотии в Двуречье, в кн.: История древнего Востока, I, М., 1983, с. 271, SGI, с. 60; STD, 3:2; Umma, 6 (с. 15); AB XXV, с. 168; STK, 5:4; UET III 2, с. 162; NG I. с. 96; NG III, с. 161; IBK VIII. с. 151; CBT I, 14461: TEL. с. 186; AM. с. 283; WMAH I, 44:2; AAS, с. 295; DPOA—E I, 76; CES. с. 212 сл.; ср. „зерно в жалованье; содержание“ (см. Ник. II, 268:1; 493,об.8); „še-ba, das an Korn (Gerste) Geschenke, Gewährte“ (см. GAB I, с. 208); *še-ba* „food“ (см. AT, 24:10).

⁶ Gelb I. J., The Ancient Mesopotamian Ration System, JNES 24 (1965), с. 230.

⁷ Его же, Approaches to the Study of Ancient Society, JAOS 87 (1967), с. 7.

Ясно, что имеется определенное различие в употреблении терминов *še-ba* и *á*. Но этого различия недостаточно для того, чтобы переводить *še-ba* именно как «рацион». Для правильного осмысления его содержания и перевода следует учитывать следующее: 1) выдавались ли работникам продукты, обозначенные термином *še-ba* в назначении рациона, или 2) продукты *še-ba* выдавались с учетом фактически отработанных работниками в хозяйстве трудодней⁸.

Считаем необходимым в начале же коротко остановиться на шумерском понимании рациона. Выясняется, что, как это вообще, назначение рациона пищи у шумеров имели продукты, выдаваемые тому или иному лицу (будь это свободный или пленный) в течение определенного времени в неизменном количестве и, во-вторых, выдавались на пропитание, удовлетворение минимальных потребностей, в зависимости только от возраста и пола человека.

По документам нам становятся известны нормы шумерского рациона свободных и несвободных лиц различного пола и возраста⁹. Они были следующими:

Норма дневного рациона

Для свободного мужчины: 2 сила¹⁰ хлеба/муки, 2 сила пива, 2 сикла¹¹/1 агам¹² растительного масла¹³.

---

⁸ Как мы уже увидели (см. здесь же, прим. 2), аккадский перевод термина *še-ba* свидетельствует в пользу его осмысления в качестве «рациона», однако явно заметно и то, что связанные с этим термином контексты древних шумеро-аккадских словарей свидетельствуют о применении его лишь для обозначения продуктов питания, предназначенных только для членов дома, домашних слуг и рабов, прислуживающих дома. У продуктов подобного назначения и не могло быть иного смысла, кроме как рациона. Поэтому и термин *še-ba* осмыслиется аккадцами именно как «рацион» лишь в определенных контекстах. Однако это не означает, что термин *še-ba* должен переводиться как «рацион» во всех случаях.

⁹ Быть может, знаменательно то обстоятельство, что рацион из основных продуктов питания (мука, пиво), назначаемый на целый месяц пленным женщинам и детям, обозначали термином *ša-gal, uknl_u* «пропитание, порция, рацион, пища» (см. Ник. II, 329 IV 6).

¹⁰ 1 сила = 0,842 л.

¹¹ 1 сикль = 8,42 гр.

¹² 1 агам = 0,56 мл.

¹³ Подробнее см. Шарашенидзе Дж. М., К вопросу о рационе административного персонала государства эпохи III династии Ура, ВДИ, 1982, № 1, с. 108.

Для пленного мужчины: 2 сила хлеба, $\frac{1}{3}$ сикла растительного масла¹⁴.

Для пленной женщины: 1,3 сила муки, 0,6 сила пива¹⁵.

Для пленного ребенка: 0,6 сила хлеба, 0,3 сила пива¹⁶.

Норма месячного рациона

Для пленного мужчины¹⁷: 60 сила хлеба, 10 сиклов масла.

Для пленной женщины: 40 сила муки, 20 сила пива.

Для пленного ребенка: 20 сила муки, 10 сила пива.

Этот материал ясно указывает на следующее: 1) обязательным компонентом рациона как свободных лиц, так и пленных являются хлеб/мука и пиво¹⁸; 2) дневная норма хлеба мужчины — свободного и пленного — 2 сила, месячная — 60 сила. Примечательно и то обстоятельство, что хлеб иногда заменяется мукой, но никогда — зерном! Замена хлеба или муки немолотым зерном, если речь идет о рационе, смысла не имела; 3) как и ожидалось, дневная норма хлеба в рационе женщин и детей по сравнению с нормой мужчин, ниже: 2:1: $\frac{1}{3}$; 4) пиво выдавалось всем — как свободным мужчинам, так и пленным женщинам и детям. Видимо, возможна его замена растительным маслом (в отношении пленного мужчины

¹⁴ Дневная норма рассчитана на основе данных текста: ИТТ III 2, 6175: 1—6. В нем говорится, что трем эламским пленным мужчинам в месяц на пропитание назначается 60 сила хлеба и 10 сиклов растительного масла. Этот рацион выдается им в течение всего года без изменений. Между прочим, рассматривая этот документ, И. Гельб заключает: „Since 60 quarts of bread (r grain) is the standard monthly ration of gurguš worker“ (см. Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian..., с. 234). Однако он ничего не говорит о том, что когда работникам в месяц выдается меньшее количество зерна, например, 50, 40, 30, 20 и т. д., сила, на каком основании считается это количество рационом.

¹⁵ Ник. II, 329. Данные этого документа проанализированы в труде В. В. Струве (см. Струве В. В., Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, № 3, с. 18 сл.).

¹⁶ Ник. II, 329.

¹⁷ Точные документальные данные о нормах месячного рациона свободного мужчины пока неизвестны. В пересчете дневного рациона на дни месяца они предстают в следующем виде: 60 сила хлеба/муки, 60 сила пива, 60 сиклов / 30 агам масла.

¹⁸ Это обязательный компонент рациона. Даже самый бедный рацион содержал два этих компонента. Свободному мужчине в некоторых городах (Умма, Лагаш) добавляли и растительное масло, немного лука, иногда и рыбу. Главное в следующем: в рационе обязательно должно было быть пиво или растительное масло вместо него.

такой случай засвидетельствован), однако отсутствие из этих компонентов — пива или растительного масла исключалось. Рационом, пайком нельзя было считать один только хлеб/мужу¹⁹.

Посмотрим теперь, какие продукты, обозначаемые термином *še-ba* и в каком количестве выдавались постоянным работникам государственного хозяйства. Мужчинам, женщинам и подросткам в первую очередь выдают только ячмень (*se*). Специально хотим подчеркнуть то обстоятельство, что в конце месяца каждому работнику выдавалось зерно в разных количествах — от 10 до 60 сила. Для иллюстрации приведем выписку из заключительной части одного из документов — СТ III, 18344 (документов, содержащих аналогичные сведения, довольно много)²⁰:

VI ²⁵ ₁₃ guruš 60 (sila)-ta	13 работников, 60 (сила зерна) каждому.
8 guruš 50 (sila)-ta	8 работников, 50 сила каждому.
1 guruš <i>še-nu-ba</i> 60 (sila)	1 раб., 60 (сила зерна) не выдано.
14 guruš 40 (sila)-ta	14 работ., 40 (сила) каждому.
12 guruš 30 (sila)-ta	12 работ., 30 (сила) каждому.
³⁰ <i>še-bi</i> 7 ²⁷ / ₃₀ gur	зерно для них: 2370 (сила),
<i>erén-dumu-dumu-é-gal-la gub-ba-me</i>	работники (хозяйства) двorca.

Фактически мы не можем найти ни одного документа, содержащего суммированные данные о выданном в течение месяца зерна работникам, в котором наряду с получающими-ми 60 сила зерна не упоминались бы и такие, кто получает меньшее количество²¹. Общее число этих последних гораздо

¹⁹ До нас дошел почти аналогичный упомянутому выше (см. Ник. II, 329) по содержанию и структуре документ (см. TCL V, 6039, он также проанализирован В. В. Струве, см. Струве В. В., *Лагерь...*, с. 14 сл.). В нем речь идет о выдаче зерна пленным женщинам и детям.

²⁰ В качестве примера см. HLC I, 8, 396 V; 47, 376: 16—17; HLC II, 87, 89 IV; HLC III, 138, 366, об.; MOS XVI, 146 I сл.; 152 IV; 154 VIII; 157 VI; 160 IX; 170, лиц.; 172, лиц.; ср., женщины: NAT, 62; 75; 108 и мн. др.

²¹ Думается, мнение исследователей о том, что взрослому мужчине в день выдавалось по 2 сила зерна, а женщине по 1 или 1,5 сила — нуждается в корректировке (см. Струве В. В., *Наемный труд...*, с. 16; Дьяк онов И. М., *ук. соч.*, с. 11, прим. 44). Требуется конкретизация высказанное мнение: выдавалось 2 сила зерна мужчине (имеется в виду взрослый мужчина) за физический день или за фактически отработанный

больше, нежели тех, кто получает 60 сила. О чем же свидетельствует этот факт? В первую очередь, о том, что не всем без разбора работникам выдавалось по 2 сила зерна в день²². Если бы за каждый физический день работникам выдавали по 2 сила зерна, то в документах невозможно было бы найти работников, получающих в конце месяца 50, 40, 30, 25 и т. д. сила зерна.

Изучение соответствующих документов показало, что довольно большая часть работников работает в хозяйстве лишь определенное число дней. Их труд в конце месяца вознаграждался в зависимости от числа отработанных дней: за каждый день работы (а не за физический день месяца) работнику выдавалось 2 сила зерна. Если работник отработал 10 дней (бывают и такие), он получал 20 сила зерна, за 15 дней работы — 30 сила и т. д. Именно этим обстоятельством вызван тот факт, что в документах встречаются работники, получающие различное количество зерна.

Можно ли в таком случае говорить о выдаваемом работнику зерне в виде *se-ba*, как о рационе? Думается, нет. Во-первых, хотя бы по той простой причине, что работники получают неразмолотое зерно, а не муку или хлеб. Если же сказать, что зерно можно признать в качестве рациона, то чем же в таком случае объяснить, что получаемого значительным количеством работников зерна совершенно не хватило бы для удовлетворения даже минимальных потребностей в одном из компонентов рациона — хлебе, кроме, разумеется, той незначительной части работников, кто получает по 60 сила зерна. Во-вторых, трудно было бы признать рационом и 60 сила зерна: ведь при нем никогда нет соответствующего количества (10 сикля) растительного масла или пива (хотя бы 20 сила пива). Пересчитанные на хлеб/муку 60 сила зерна нельзя считать рационом. Ведь работник из этих 60 сила зерна, не считая платы за помол, должен потратить определенное количество на приобретение растительного масла. Оставшегося после всего этого зерна ему не хватит на выпечку хлеба в течение месяца.

день. Хотя, по утверждению отмеченных исследователей, к делению дней месяца по этому признаку в государственном хозяйстве Шумера не прибегали. Как они считают, работники ежедневно работали с утра до вечера в течение всего месяца и соответственно — года. Поэтому физический день всегда совпадал с трудовым. Изучение же данных документов показало, что определенная, довольно значительная часть работников ежедневно в течение месяца не работала.

²² Подробнее см. Шарашенидзе Дж. М., *Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера II пол. III тыс. до н. э.*, Тбилиси, 1986, с. 88 сл.

Коснемся сейчас таких случаев, когда работникам только в хозяйстве города Ура вместе с зерном выдавались и другие продукты — растительное масло, финики, иногда рыба, в редчайших случаях — пиво и т. д. Приведем соответствующий отрывок из одного типичного документа — UET III, 1049, об. 1—4.

šu-nigin [59] guruš 30 (sila) še	всего (59) работников, 30 сила
5 sila i-ta	зерна (и) 5 сила масла каж-
šu-nigin 31 guruš 25 (sila) še	дому и т. д.
5 sila i-ta	
šu-nigin 22 guruš 20 (sila) še	
4 sila i-ta	
šu-nigin 31 guruš 15 sila še	
3 sila i-ta	

Лишь в нескольких документах из Ура зафиксирована одновременная выдача зерна и растительного масла. Если в таких случаях норма растительного масла велика, зерно выдается в уменьшенном количестве. Так что и ни в подобных случаях фиксируется выдача полноценной месячной нормы рациона²³.

В большинстве случаев растительное масло и другие продукты выдавались работникам отдельно от зерна. В таких случаях нормы растительного масла велики (обычно от 2 до 5 сила), однако основного компонента рациона — хлеба — недостает²⁴, и в данном случае рацион тоже неполноценен.

Неупоминание зерна при выдаче растительного масла и других продуктов, либо его указание в уменьшенных количествах должно было быть вызвано следующим обстоятельством: вообще известно, что администрация хозяйства при выдаче работникам т. н. деликатесных продуктов прибегала к вычету соответствующей части из причитающегося работнику зерна с учетом установленных эквивалентных соотношений между отдельными продуктами, в зависимости, видимо, от конкретных экономических условий. Нормы обменных соотношений между основными продуктами в разное время были раз-

²³ Соответствующие документы: UET III, 1048; 1072; UET IX, 919. Пока что засвидетельствован лишь один случай, когда двум представителям администрации хозяйства города Ура, в частности, надсмотрщику за тягловой силой хозяйства (ugula-gu₄) и писцу-учетчику тягловой силы (dub-sar-gu₄) в месяц выделялось 60 сила зерна и 15 сила растительного масла (см. UET III, 1377: 1—3).

²⁴ Gelb I. J., The Ancient Mesopotamian... с. 234.

личными: так, обменное соотношение зерна к растительному маслу составляло 10:1, 15:1 или 20:1, т. е. в различные периоды эпохи III династии Ура на 1 сила растительного масла обменивалось 10 сила зерна, либо 15 сила зерна и т. д. Соотношение зерна к рыбе составляло 2,5:1. Растительное масло и рыба соотносились друг к другу как 1:2. Соотношение зерна и фиников оставалось почти неизменным — 1:1²⁵. Вот в таких соотношениях менял склад государственного хозяйства работникам зерно на другие продукты, возможно, пожеланию самих работников²⁶.

Вывод можно сформулировать следующим образом: эквивалентом выдаваемых ежемесячно постоянным работникам государственного хозяйства продуктов *še-ba* являлось ячменное зерно (*še*). Поскольку зерно выдавалось работнику в количестве 2 сила (женщине-работнице — 1 или 1,5 сила) не из расчета физических дней, а только за фактически отработанные в течение месяца (и, соответственно — тогда) дни, то мы имеем право считать *še-ba* не рационом, а «вознаграждением труда»²⁷.

²⁵ Подробнее см. Jacobsen T., *The Reign of Ibbi-Suen*, JCS 7 (1953). с. 42, прим. 49; Тюменев А. Н. Производители материальных благ..., с. 24—25; Gelb I. J., *The Ancient Mesopotamian Ration System*, с. 237—238; Gomi T. Ук. соч., с. 231 сл.

²⁶ Соответствующие документы UET III, 1041; 1048; 1053; 1073; 1140; 1152; 1161; 1166; 1172; 1176; 1307; 1422; 1431; UET IX, 32:1 сл.; 63 IV; 66:1; 868:1; 897:1 сл.; 902:1 тл.; 917:1 сл.; 920:1; 921:3 сл.

²⁷ О сокращениях, использованных в данной статье, см. «Кавказско-Ближневосточный сборник», III—VI. Тбилиси, 1970—1984.

И. Ш. ШИФМАН

ЗАМЕТКИ ПО ФИНИКИЙСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

I. К истолкованию финикийских сакральных титулов

В ряде финикийских и пунийских надписей (контексты см. DISO, с. 172—173, 256, где и предшествующая литература) встречаются титулы $mqm 'lm$ и $mqm 'lm mtrx 'štrny$, до сих пор не нашедшие удовлетворительного истолкования. В $mqm 'lm$ видели должностное лицо, ведавшее делами храма, жреца, пробуждавшего богов, ремесленника, изготавливавшего изображения богов. В $mtrx 'štrny$ видели супруга Иштар Ниневийской или жениха Астарты, участника священного брака. Оба титула пытались также связать с культом Митры.

Ж. Рикманс пытался истолковать формулу $mqm 'lm$, отталкиваясь от южноаравийской $ywm 'lm u 'ttr whnrhw btrx$, где $'lm$ означает «организовать сакральную трапезу» (ср. также $'lm$ «сакральная трапеза»; контексты указаны также в DS, с. 5); тогда $mqm 'lm$ должно восприниматься как титул лица, организующего сакральную трапезу¹. Сама по себе такая возможность не исключена, однако корень $'lm$ в значении, указанном Ж. Рикмансом, в ханаанейско-аморейских текстах не зафиксирован. Более того, при описании трапезы на «высоте», которую устроил пророк Самуил и в которой участвовал будущий царь Саул, употреблено слово $mō'ēd$, означающее ритуальное собрание вообще. В так называемом «Марсельском» тарифе отчислений жрецам за жертвоприношения, происходящем из карфагенского храма Ба'ал-Цафона и датированном концом III в. до н. э. (KAI 69), список возможных жертвователей включает $mzgx$ (гражданский коллектив; см. ниже), $šrx$ (род), $mzgx 'lm$ (божья коллегия) и $'dmm$ (частные

¹ Ryckmans J. Le repas rituel dans la religion sud-arabe. „Symbolae biblicae et mesopotamicae F. M. Th. De Liagre Böhl dedicatae“. Leiden, 1973, с. 327—334. За информацию по данному вопросу автор приносит благодарность А. Г. Лундину.

лица). Основываясь на гипотезе Ж. Рикманса, выражение *mqm 'lm* можно было бы перевести «коллегия трапезы». Однако параллельные угаритские² и пальмирские³ материалы показывают, что в подобных ситуациях должно было бы ожидать либо наименование местности, где находится данная коллегия, либо характеристику ее участников, либо имя или иное обозначение божества, почитателями которого являются члены коллегии, что и позволяет согласиться с приведенной выше общепринятой интерпретацией. Как известно, сакральная трапеза была одной из важнейших церемоний, организовывавшихся коллегиями (см. Амос, 6, 4—7); отсюда их сопоставление со спартанскими *сисситиями* у Arist., Polit., 2,8 и превращение слова *marzeah* на сравнительно позднем этапе в обозначение пиршественного застолья. Однако главные функции такого рода коллегий, как показывают их уставы⁴, состояли в организации молебствий, жертвоприношений, выслушивания назидательных проповедей и т. п.; к тому же значение «застолье» здесь кристаллизуется вокруг слова *marzeah*.

Своеобразное решение предложил, обратившись к интересующему нас комплексу, А. ван ден Бранден⁵. Комплекс *mqm 'lm mtrx 'štrny* он читал; *mēqīm 'elim metarēāx 'ose thenoi*, пытаясь доказать, что его значение: "(colui) che risuscita il dio, piangitore, esecutore delle lamentazioni". Эта интерпретация вызывает сомнения как в плане интерпретации глагола *qwl*, так и при рассмотрении возможностей проникновения в данный титул греческого *φρῆγοι*.

Э. Липинский⁶ рассматривает финикийскую формулу *mqm 'lm*, отталкиваясь от греческой надписи из Аммана, где упоминается воскреситель Геракла и от указания Fl. Ios., Antt., 8,146, о существовании в Тире праздника пробуждения

² Eissfeldt O. Kultvereine in Ugarit.—„Ugaritica VI“. P., 1969, с. 187—195; Greenfield J. c. The Marzeah as a Social Institution. — „Acta Orientalia“. Т. 22. Budapest, 1974, с. 451—455; Шифман И. Ш. Угаритское общество XIV—XIII вв. М., 1982, с. 351—355.

³ Février J. — G. La religion des Palmyréniens. P., 1931., с. 201—203. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата. М., 1977, с. 90—93.

⁴ Шифман И. Ш. Фрагмент устава пальмирской коллегии почитателей Бел 'Астора. — ВДИ, 1984, № 2, с. 60—77.

⁵ van den Branden A. I titoli *mqm 'lm mtrx 'štrny*.—„Biblia e Oriente“. Vol. 16. Roma, 1974, № 3, с. 133—137.

⁶ Lipinski E. La fête de l'ensevelissement et de la résurrection de Melqart. — „Actes de la XVII Rencontre Assyriologique Internationale“. Bruxelles; 1970, с. 30—58.

(воскресения) Мелькарта. Он полагает, что греч. $\epsilon\gamma\epsilon\rho\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ тождественно финикийскому $m\dot{q}m 'lm$. Выражение $m\dot{t}r\dot{x} 's\dot{t}rny$ он переводит «супруг Астарты», считая, что имел место ритуал священного брака. Разбирая построение Э. Липиньского, Х. Теишидор⁷ отмечал, что в формуле $m\dot{q}m 'lm$ остается не вполне ясным, следует ли слово $'lm$ переводить «бог» или «божественный». В пользу предлагаемой Э. Липиньским интерпретации говорят некоторые библейские параллели. Так, в Ис., 26, 14 евр. $bal\ yaq\dot{u}m\dot{u}$ „не восстанут (воскреснут)“ Септуагинта переводит $\mu\eta\ \acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho\sigma\upsilon\sigma\iota$; в Ис., 26, 19 евр. $n\acute{e}b\acute{e}l\acute{a}q\dot{u}I\ y\acute{e}q\dot{u}m\dot{u}p$ „покойники мои восстанут (воскреснут)“ Септуагинта переводит: $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\rho\theta\acute{\eta}\rho\sigma\upsilon\tau\alpha\iota\ \acute{\alpha}\iota\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\iota\varsigma\ \mu\upsilon\eta\mu\acute{\epsilon}\iota\omicron\iota\varsigma$. Тем не менее, основное значение глагола $\dot{q}wm$ — «стоять» (в каузативе «ставить»), тогда как исходное значение греч. $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ «пробуждать», так что параллель греч. $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\rho\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ финикийск. $m\dot{q}m$ не вполне точна. Перед нами, если принять концепцию Э. Липиньского, были бы различные представления о воскресении: в одном случае как о вставании со смертного ложа, а в другом как о пробуждении от смертного сна. В качестве дословного эквивалента греч. $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\rho\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ ожидался бы скорее финикийский аналог еврейскому причастию $m\acute{e}'r$ (каузатив от корня $'wr$) «пробуждающий». При таком положении вещей кажется оправданным поиск такой интерпретации формулы $m\dot{q}m 'lm$, которая опиралась бы на основное значение корня $\dot{q}wm$. Перевод $'s\dot{t}rny$ «Астартин» также вызывает сомнения, поскольку финикийск. $'s\dot{t}rny$ образовано от основы мужского рода $'s\dot{t}r$, а не женского $'s\dot{t}rt$.

В формуле $m\dot{q}m 'lm$ слово $m\dot{q}m$ является, как многократно отмечалось, причастием активной каузативной породы (на что указывает, в частности, в одном случае $scriptio plena\ m\dot{u}q\dot{m} = m\acute{e}q\dot{I}m$) от корня $\dot{q}wm$ «стоять». В этой связи обращают на себя внимание некоторые библейские тексты, описывающие учреждение культа. В Лев., 26,1 читаем: «Не делайте себе божков ($'al\dot{il}im$), и статуи ($p\acute{a}s\dot{a}l$), и стелы ($m\acute{a}c\acute{c}\acute{e}b\dot{a}$) не ставьте ($t\acute{a}q\dot{u}m\dot{u}$) себе». В Суд., 18,30: «И поставили ($w\acute{a}y\dot{u}y\acute{a}q\dot{u}m\dot{u}$) себе даниты статую ($h\acute{a}r\acute{p}\acute{a}s\dot{a}l$), и Ионатан сын Гершом сына Менашше, он и сыновья его, были жрецами у племени данитян». Как известно, статуя являлась, по представлениям эпохи, воплощением божества. Это нашло свое выражение,

⁷ Teixidor J. Bulletin d'épigraphie sémitique.— „Syria“, т. 52, P., 1975, с. 269, 283—284.

в частности, в Исх., 32,1-6, где также повествуется об учреждении культа: «И увидел народ, что медлит Моисей спуститься с Горы, и собрался народ к Аарону, и сказал ему: встань, сделай нам бога ('āšē lānū 'alōhīm), который будет идти пред лицом нашим, ибо этот Моисей, муж, который вывел нас из Страны Египетской, — не знаем, что произошло с ним. И сказал им Аарон: снимите золотые серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите мне. И снял весь народ золотые серьги, которые в их ушах, и принесли Аарону. И он взял из их рук, и сформовал его резцом, и сделал его, литого тельца, и сказал: вот твой бог, Израиль, который вывел тебя из Страны Египетской. И посмотрел Аарон, и построил жертвенник перед ним, и вскричал Аарон, и сказал: праздник для Иахве завтра. И они встали назавтра, и вознесли возношения, и принесли жертвы возмещения, и сел народ есть и пить, и они стали веселиться». Обращает на себя внимание и формула из характеристики идеального сына в угаритском поэтическом повествовании «Об Акхите» (C17=KTU 1.17, 1,27): ncb. skn. 'il 'ibh. bqdš. «воздвигающий статуи бога его отца в святыне». В надписи KAI 228 из Таймы слово 'lm «статуя» употреблено в значении «бог»⁸. Исходя из сказанного, можно считать, что тот, кто ставил статую бога, «ставил», по мнению современников, самого бога. Примечательно, что в знаменитой надписи из Пирг (KAI 277) речь идет о том, что царь этрусского города Кисрийа (Цере) пожертвовал Астарте по финикийскому обычаю «священное место» и, возможно, статую бога, которой он желает вечного долголетия. Ср. также описание принесения в жертву статуи божества у Ис., 40,19-20:

«Статую отливают ремесленник
и золотильщик золотом обивает ее,
и цепочки железные приплавляет.
А кто беден для такого приношения, —
дерево, (которое) не сгниет;
ремесленника искусного он находит себе,
чтобы воздвигнуть статую, (которая) не пошатнется».

Все изложенное позволяет считать, что титул «поставивший бога» мог присваиваться лицу, пожертвовавшему в храм статую бога, что могло по своему общественному значению приравняться к участию в основании культа в данной местности и в данном «божьем доме».

⁸ Иначе KAI, II, с. 278, где это слово возводится к корню slm «быть черным».

Значение слова *mṯrx* в формуле *mṯrx 'štrny* устанавливается на основании параллели с угар. *mṯrx't* „супруга“ и соответствующим финикийское *mṯrx* „супруг“. Имя *'štrny* является производным от основы *'štr* с суффиксом *-ny*. Аналогичный суффикс *-ōnī* встречается, хотя и редко, в еврейском языке при образовании прилагательных типа *'adōnī* „красный“, *qadōnī* „передний“ и т. п.⁹ Корень *'štr* соответствует имени божества Астара, почитавшегося в Южной Аравии, но также и в сиро-палестинском регионе; известна и его женская параллель Астарта. Как известно, слово *'ašterōt* употребляется в Библии в формуле *'ašterōt sō'n* „приплод мелкого скота“ (см. Второз., 7,1; 28,4; 28,28; 28,51). Но тогда прилагательное *'štrny* должно означать „плодоносный“, а вся формула *mṯrx 'štrny* „супруг плодоносный“. Носителя такого титула нетрудно представить себе участником священного брака.

В надписях, происходящих из Карфагена, а также в сильно фрагментированной надписи KAI 44 (о-в Родос) формула *mṯrx 'stny* засвидетельствована всегда непосредственно после *mṯm 'lm*; в то же время последнее сочетание неоднократно употребляется без последующего *mṯrx 'štrny*. Это обстоятельство дает основание предположить, что получению титула *mṯrx 'štrny* (т. е., если верны предыдущие рассуждения, участию в священном браке) должно было предшествовать получение титула *mṯm 'lm* (т. е. посвящение в храм статуи божества).

II. Термин *mṯzgx* в пунийских надписях

Термином *mṯzgx* в пунийских надписях обозначается коллектив, совершающий жертвоприношения или посвящения. В исследовательской литературе высказывалось допущение, что он обозначает структурные подразделения гражданского коллектива¹⁰, «объединение, клан» (KAI, II, с. 86). В качестве параллели KAI, II привлекает, как и следовало ожидать, евр. *'āzgaḥ*, рассматривая финик. *mṯzgx* как производное от корня *zgx*.

Значение термина *'āzgaḥ* хорошо известно: этим термином обозначается в Библии прирожденный член данного общества или природный обитатель данной страны (Исх., 12, 19 и 48—

⁹ Barth J. Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen. Lpz., 1886, с. 317.

¹⁰ Cp. Szymer M. Grande inscription dédicatoire de Mactar. — „Semitica“. Vol. 22, P., 1972, с. 36—39.

49; Лев., 16,29; 17,15; 18,26; 19,34; 23,42; 24,16; 24,22; Числ., 9,14; 15,13; 15,29-30; Ис. Нав., 8,38; Иезек., 47,22); существование предположение, что это слово заимствовано из аккадского языка¹¹.

Однако, даже если это предположение справедливо, слово 'äzğāх рассматривалось, по всей видимости, как имя, образованное с помощью 'protheticum от указанного выше корня; соответственно этому финик. mzgħ, образованное с помощью префикса -m, несомненно, представляет собой обозначение коллектива, образованного прирожденными членами данного сообщества, т. е. обозначение общины.

В так называемом «Марсельском» тарифе жертвоприношений (КАИ 69) интересующее нас слово встречается в следующем контексте: kl mzgħ wkl špx wkl mrgħ 'lm wkl 'dmm 'š yzbħ «всякая община, и всякий род, и всякая божья коллегия, и всякий из людей, которые будут приносить жертву». В надписи КАИ 145 из Мактара (эпоха римского господства) оно означает тех, кто построил храм: hmzgħ 'š ldr̄t 'š bn' mqdš «община вечная, которая построила святилище». Перечисленные тех, кто своими средствами участвовал в строительстве и убранстве, вводится следующей фразой: šm 't hmzgħ 'š 'kr̄m 't hm̄px̄t «имена членов общины, которые щедро предоставили эти дары». Глава общины титулуется gb hmzgħ. Община совершает посвящение «ради себя и ради народа ее, сидящего на земле» (l' w'l'm' yšb 'dmt). Последняя формула («народ, сидящий на земле») обозначает, по-видимому, население сельской округи, связанное с общиной, но не имеющее в ней гражданских прав. В КАИ 147 (также Мактар) в роли посвяtitеля выступает hmzgħ 'š [...] «община Ас[...]»; оно адресовано Гаду небесному (gd hšmm), т. е. богу — подателю благополучия. В КАИ 159 (из Алтибура, эпоха римского господства) посвящение Господу Ба'ал Хаммону совершает группа лиц, список которых завершается словами wħbr̄nm hmzgħ, которые могут быть переведены: «и их сотоварищи по общине», т. е. их сограждане.

Все изложенное позволяет предположить, что в финикийско-пунийском языке слово mzgħ было эквивалентом греч. πόλις, возможно, с аналогичным спектром значений.

¹¹ Deller K. Assyrisch um/nzarħu und Hebräisch 'äzraħ. — ZA, Bd, 7, Halbbd. 2. 1984, с. 235—239.

В. А. ЯКОБСОН

КУДА ГИЛЬГАМЕШ ХОДИЛ ЗА КЕДРАМИ?

В аккадской поэме о Гильгамеше («О все выдавшем...», табл. VIII) есть одно место, которое с момента своего издания вызывает ряд вопросов. Звучит оно так:

Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по берегу!...¹

Эти слова произносит Гильгамеш, оплакивающий своего друга Энкиду. В «Ниневийской версии» из библиотеки Ашшурбанапала соответствующее место разрушено, но эта строка содержится во фрагменте, обнаруженном в Султан-тепе. Отметив данное обстоятельство, И. М. Дьяконов указывает: «Действительно непонятно, как могли герои попасть на берег р. Евлей (современного Каруна к востоку от Шумера)»².

Этот же вопрос задавал себе и издатель фрагментов из Султан-тепе О. Р. Гэрни³. Отметив, что Евлей (Карун) протекал вблизи Суз в Эламе и в древности впадал в Персидский залив, О. Р. Гэрни спрашивает: «Не относится ли это к утраченному эпизоду поэмы? Или же Кедровый лес Хумбабы находился не там, где полагают обычно, в районе Амана, но в Эламе, как первоначально думал Енсен на основании предполагаемой связи имени Хум-баба с эламским богом Хумбаном?». Далее О. Р. Гэрни со ссылкой на Гельба и Спейзера (прим. 19) отмечает, что «Кедровый лес» клинописные памятники не всегда связывали с Аманом (Ливаном).

Предположение о взаимосвязи имен Хумбаба и Хумбан (Хубан) в дальнейшем не получило поддержки, тем более, что Хумбаба — новоассирийская форма имени, которое в более древние времена признавалось как Хувава. Зато «банановое» имя ужасного Стража кедров говорит не только о глу-

---

¹ Цитирую по переводу И. М. Дьяконова: «Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии», М., 1981, с. 164. В дальнейшем: «Сокровенное слово».

² Эпос о Гильгамеше (О все выдавшем). Перевод с аккадского И. М. Дьяконова. Литературные памятники, М.—Л., 1961, с. 183.

³ Gurney O. R. Two Fragments of Gilgamesh from Sultantepe. JCS 8, 1954, pp. 91—92.

бокой древности самого сюжета (вероятно, более древнего, чем исторический Гильгамеш⁴), но и прямо указывает на области к востоку от Тигра.

Другим указанием на восток может послужить еще одно место из поэмы «О все выдавшем» (табл. V):

Видят гору кедр, жилище богов, престол Ирнины...⁵. Ирнины — одно из имен богини Иштар, шумерской Инаны. Но одна из ипостасей Иштар-Инаны — планета Венера, Утренняя звезда. В шумерской поэме «Сошествие Инаны в преисподнюю» богиня говорит о себе так:

(80) Я — Инана солнечного восхода⁶.

Следовательно, и гора, являющаяся ее престолом, должна была, по представлениям жителей древней Месопотамии, находиться на востоке.

Эти три указания на восток в поэме, герои которой отправляются за кедром на Ливан, заставляют вновь задуматься об источниках аккадской поэмы о Гильгамеше и об их возможном содержании. Вопрос этот недавно был вновь исследован в специальной работе⁷, автор которой отмечает, что мы имеем дело с составным текстом (ук. соч., стр. 11, особ. 17) и подробно разбирает вопрос о шумерских источниках поэмы «О все выдавшем» (стр. 77 сл.). Важнейшее место среди этих источников занимает шумерская поэма «Гильгамеш и Гора живых», изданная С. Н. Крамером⁸. Это как раз поэма о походе Гильгамеша и Энкиду (здесь он не друг Гильгамеша, а его слуга) за кедром. Энкиду советует Гильгамешу обратиться за помощью к богу солнца Уту, который соглашается эту помощь оказать. Уту дает Гильгамешу в спутники семь мифических существ, описание которых плохо понятно, но одна из фраз в нем сомнений не вызывает:

(10) На земле они знают дорогу в Аратту⁹.

Аратта — полумифическая страна, точное местоположение которой до сих пор остается предметом дискуссий. Но все исследователи сходятся на том, что Аратта находилась где-то на востоке. Но ведь знание «дороги в Аратту» нужно было лишь в том случае, если экспедиция отправлялась на восток.

⁴ История древнего Востока, часть первая. М., 1983, с. 306. Раздел написан И. М. Дьяконовым.

⁵ «Сокровенное слово», с. 146.

⁶ ANET, p. 54.

⁷ Tigay J. H. Literary-critical studies in the Gilgames epic: an Assyriological contribution to Biblical literary criticism. Diss., Yale Univ., Ann Arbor, 1972.

⁸ Kramer S. N. Gilgamesh and the Land of Living. JCS 1, 1947, pp. 1—46.

⁹ Ibid. p. 36, n. 217.

Напомним также, что, согласно шумерскому эпосу «Энмеркар и владыка Аратты», богиней-покровительницей этого рода была богиня Инана, и там, следовательно, находилась «престол».

Итак, куда же ходили герои за кедром? В аккадской поэме Ливан и Сария в сохранившемся тексте упоминаются лишь один раз (табл. V, Старовавилонская версия¹⁰). Во всех остальных местах их восстанавливают «по смыслу». Заметим, однако, что в надписях эти места впервые упоминаются лишь со времени Саргона Аккадского: «Он (т. е. бог Даган) дал ему (Саргону) верхние страны: Мари, Ярмути и Эблу до самого Кедрового леса и до Серебряных гор (т. е. Тавра)»¹¹.

В связи с этим представляется небезынтересным проверить по надписям раннединастических правителей Шумера, откуда они получали древесину. Торговые связи Месопотамии в этот период, как показывают археологические данные, были направлены почти исключительно на восток. Правитель Лагаша Ур-Нанше (ок. сер. III тыс. до н. э.) неоднократно сообщает в своих надписях, что «корабли Дильмуна, этой далекой страны, привозили ему древесину»¹². Дильмун (т. е. Бахрейн) был, конечно, лишь перевалочным пунктом, центром посреднической торговли. Лес же, видимо, поступал из Элама, и, скорее всего, именно по Каруну и Керхе его сплавляли в Персидский залив. Эанатум несколько позднее сообщает в своей знаменитой надписи на «Стеле коршунов», что он «победил Элам и Субарту, горные страны строительного леса и [сокровищ]»¹³. Правда, это место переводят и иначе: «...Элам, Субарту и страну [...]» (в примечании к этому переводу сказано, что в тексте речь идет о покорении востока, севера и запада¹⁴). Однако никаких реальных данных о военных походах на запад для столь раннего времени не имеется. Элам же и Субарту находились к востоку и северо-востоку от Шумера. Так что, скорее всего, оттуда же получал «белые кедры гор» (или, возможно, «чужой страны») преемник Эанатума Энанатум I¹⁵. Еще значительно позднее Нарам-Сун, царь Аккада сообщает, что он покорил «страну Элам до самого Варахше и страну Субарту до самого Кедрового ле-

¹⁰ «Сокровенное слово», с. 147.

¹¹ IRSA, p. 99.

¹² IRSA, pp. 44—46.

¹³ Новейшую обработку этого текста см. Cooper J. S. Reconstructing History from Ancient Inscriptions: the Lagash — Umma Border Conflict. SANE-V. 2, fasc. 1, Malibu 1983, pp. 45—47.

¹⁴ IRSA, p. 55.

¹⁵ IRSA, p. 62.

са»¹⁶. Нарам-Суэн явно отличает «Кедровый лес» (где-то на северо-востоке) от «Горы кедров», упомянутой в другой его надписи вместе с Аманом и Верхним (т. е. Средиземным) морем, Арманумом и Эблой¹⁷. Страной же Субарту в древности называли область среднего и верхнего течения Тигра, и его притоков, простирающуюся на запад лишь примерно до Хабубра и Балиха.

Возвращаясь к аккадской поэме о Гильгамеше, отметим, что, согласно этой поэме, Энкиду родился «в горах» (табл. I, III, 2; I, IV, 2), «знает дорогу к Кедровому лесу» (табл. III, I, 7) и вообще знает лес Хумбабы:

Ведомо, друг мой, в горах мне было,
Когда бродил со зверьем я вместе:
Рвы там на поприще есть вокруг леса...¹⁸

Вспомним в связи с этим, что лесистые горы окружают Месопотамию именно с востока и северо-востока. В начале месопотамской истории эти горы были заселены племенами, находившимися на еще более низкой ступени развития, чем степные кочевники-марту, которых Шумеры считали дикарями (ср. шумерский миф о сватовстве бога Марту). Такой горец и мог послужить прообразом Энкиду.

И, наконец, последнее косвенное указание. И в шумерской поэме «Гильгамеш и Гора живых», и в аккадской поэме «О все выдавшем» Гильгамеш перед походом обращается за покровительством к богу солнца Уту или, соответственно, Шамашу. Почему именно к нему? Уту-Шамаш — бог справедливости, ниспосылатель оракулов, а также покровитель странствующих и путешествующих. Но для нас особенно важно, что в месопотамских гимнах Уту-Шамаша славят прежде всего как восходящее солнце, и, скорее всего, именно по этой причине Гильгамеш, отправляясь в сторону восхода, призывает его на помощь¹⁹.

Теперь можно подвести итоги нашего краткого исследования. Хотя аккадская поэма о Гильгамеше содержит прямое указание о походе на Ливан, в ней также содержится ряд мест, прямо или косвенно указывающих на восток. Единственно возможное объяснение этой «несообразности» (вернее, целого ряда «несообразностей») должно состоять в следующем: составитель (составители) создал ее на основе ряда древнейших шумерских героических поэм, образовавших

¹⁶ IRSA, p. 106.

¹⁷ IRSA, p. 107.

¹⁸ «Сокровенное слово», с. 134.

¹⁹ Ср., например, «Шамаш, когда ты восходишь». «Сокровенное слово», с. 224—226. Ср. также «Большой гимн Шамашу», BWL, p. 121 sqq.

«цикл Гильгамеша». Эти поэмы дошли до нас не все, а дошедшие сильно повреждены. В них, видимо, и описывается поход героев за строительным лесом на восток и (или) на северо-восток. Лишь со времени династии Аккада, когда впервые был проложен путь на запад (для чего, напомним, потребовалось большое войско), поход оказался «переадресованным» сюда. Представить себе такой поход в более раннюю эпоху невозможно: маленькая дружина не имела бы никаких шансов пройти целой столь большое расстояние туда и обратно, да еще доставить громадные кедровые стволы, которые пришлось бы сотни километров тащить по суше (в том числе по горам) до того места, откуда их можно сплавливать вниз по Евфрату.

Разумеется, необходимо учесть и возможное возражение: кедр не растет ни на Иранском плато, ни на Армянском нагорье. Однако вполне возможно, что термином egep (eġ-ġp u) первоначально обозначали не ливанский кедр, а какое-то другое хвойное дерево или даже несколько видов деревьев. В клинописных текстах упоминается несколько разновидностей «кедра»: «белый кедр», «красный кедр» и ряд других. Все они в силлабариях, помимо собственных названий, могут обозначаться и как eġ-ġpu. Среди них следует в первую очередь упомянуть tiāgu, «белый кедр» (*Juniperus oxycedrus*) — см. АНВ. s. v. Это — разновидность древовидного можжевельника, дерево высотой до 10 м с ароматной и красивой древесиной и очень светлой корой, почему и называлось egep babbar. Оно и до сих пор встречается в горах Загроса и Армянского нагорья. Другим таким деревом является *Juniperus Excelsa* (Можжевельник высокий) — дерево высотой до 20 м., встречающееся и теперь в юго-западном Иране и в Малой Азии. По-видимому, это и есть supālu (См. АНВ s. v), упоминаемый в надписях и силлабариях²⁰.

Поскольку «кедр» (т. е. древовидный можжевельник) растет также и в Малой Азии, становится понятно, почему в цитированной выше надписи Саргона Аккадского Кедровый лес упоминается рядом с Серебряными горами, т. е. с Тавром. А в том, что кедры растут также и на востоке, были уверены и сами вавилоняне: в апокрифической надписи Лугальаннемунду упоминается *sukkal. maġ kur. giš. egep. na Elam*²¹ *Ma[ḡ. ġa. šī]*²¹

²⁰ Автор выражает глубокую благодарность д-ру биологических наук М. Э. Кирпичникову за консультации по ботанике.

²¹ Цит. по САД 4, р. 275. Ознакомившись с этой статьей, И. М. Дьяконов высказал следующие соображения:

Различные виды можжевельников по-арабски называются 'ġ 'ġ. Это — обесемитский корень, который в аккадском должен дать egepi или, в результате нормальной диссимиляции, eġ-ġpu. Учитывая это обстоятельство, а также данные, приведенные выше, следует сделать вывод, что шумерское egep представляет собой заимствование из аккадского, а не наоборот, как считалось до сих пор.

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

ХУРРИТЫ В КАНИШЕ (МАЛАЯ АЗИЯ XIX в. до н. э.)

Предварительно остановимся на истории региона ближайшей периферии Месопотамии — узлового для кратчайших связей Кавказа с Передней Азией; том самом, где впоследствии хурритам удалось консолидироваться и создать державу, которая конкурировала с двумя другими горскими державами, хеттской и касситской. Рецензия Гарвея Вайсса (JAOS 1985, 2, № 105, р. 327—330) на сборник «Пятьдесят лет месопотамских раскопок» (работы британской археологической миссии в Ираке за 1932—1982 гг.) содержит обобщения, важные для кавказоведов. С V—IV тыс. до н. э. отмечается интенсивное освоение малоплодородной степной зоны Северной Месопотамии, в течение которого здесь получила распространение убайдская и урукская керамика (максимум к началу III тыс. до н. э.). В позднеурукских слоях Телль Брак представляет собой синайскую одиннадцати селений, расположенных в радиусе мили, общей площадью 43 га, с грандиозным храмом Энки — бога мудрости и ключевой (колодезной) воды¹. Эстафетные связи этого района тянутся на запад вдоль Евфрата и на востоке достигают иранского плато. На дороге вдоль загрских предгорий: в Мосуле, Эрбиле, Керкуке урукская керамика в пять раз превышает распространенность мосульской — движение с юга активнее. Мощнейшее из позднеурукских городищ, Телль Тайя, стоит в ряду не менее значительных (Лейлан, Чуэра, Хамукар, Хадшаиль, Хоши) — каждое 90—100 га площадью, намного значительнее южных городищ Месопотамии. При ничтожной своей продовольственной и кормовой базе они могли разрастись только на привозном провианте. Привоз людей очевиден. Связи их с югом — также. Находки единичных булл в Телль Браке и Шагер-Базаре Вайсс связывает с подвозом южного зерна. Добавим, от себя, что проблемой популярного в течение столетий шумерского эпоса «Гильгамеш

¹ Структура типологически близкая карум Сиппара — о трех типах посреднических центров см. Янковская Н. Б. Торговая община Каниша и свободный рынок, сб. «Древняя Анатолия», М., 1985, с. 228 (в дальнейшем — ТОКР).

и Агга»² был вопрос, рыть ли колодцы или итти войной на соседей. Другими словами, поднимать ли урожайность своих земель, чтобы подкармливать заставы на торговых дорогах или уничтожить эти заставы. Д. Оутс относит сожжение Телль Брака к походам Саргона Древнего; Вайсс, напоминая о появлении субарейских рабов (хурритов?) в текстах Фары (РД III А) и сообщения Энаннатума (РД III Б) о захвате Мари и Субира (будущего Ханигальбата), предполагает, что разрушение Тайи и Лейлана могло быть досаргоновским. Он считает, что походы южан раннединастического периода, также как Саргона Древнего, были ответом на урбанизацию Северной Месопотамии, а не причиной ее. Это важный сдвиг в оценке смысла политической централизации. Если Вайсс прав, то жизненно важные для юга выходы к добывающим пунктам успешно блокировались с конца IV — начала III тыс. до н.э. независимыми обрабатывающими центрами ближайшей периферии главного заказчика. Отклик юга в виде военно-административного решения проблемы связей не мог остаться незамеченным и на другом конце эстафетных передач, в добывающих пунктах. Формула меновых отношений подобна системе сообщающихся сосудов: наполнение одного немедленно отзывается подъемом в остальных, разгром и опустошение соответственно приводят к оскудению в прочих звеньях.

Статья Г. А. Меликишвили «К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев» (ВДИ 1984, 1, с. 27—50) обнажает предельно четко силовое поле общинно-родовых структур, где выразителем суверенитета выступает сама община (с. 35) — явление, широко распространенное в древности. Недостигаемость высокогорных регионов для атак регулярного войска (до авиации) при важном значении перевалов и троп, лимитированных в горах — секрет живучести здесь самодостаточной общинно-родовой структуры. Благодаря максимально строгой организации она эффективна в экстремальных условиях действия международных связей, просачивающихся через эти территории.

В Канише общинно-родовая структура обеспечивала тотальную мобилизацию средств и людей торгового дела. Действующие лица клановых сообществ были расставлены по цепочке эстафетных передач на территории Малой Азии, Сирии и Месопотамии. Перекрестная расстановка собратьев-компаньонов (КТК, с. 59 сл.), принявших присягу данного сообществ-

² Rōmer W. H. Ph. Das Sumerische Kurzepos „Gilgames und Akka“, Neukirchen, 1980. Принимая во внимание реалии текста, автор возводит его появление к РД I (27 в. до н.э.), самая ранняя дата записи относится ко времени III династии Ура.

ва, предполагала оперативное распоряжение доверенными суммами и товарами в контрольных пунктах, обеспечивающих оптимальную выгоду промысла, который по самой своей природе не может не быть гетерогенным. Разбросанность сородичей компенсировалась особой формой дистанционного управления — деловой перепиской. Содержание переписки подтверждает основной тезис Г. А. Меликишвили. Представляется спорным лишь определение общинно-родовой структуры как непременно первобытной, пережиточной, а не спонтанно возникающей в определенных условиях. Хрестоматийным опровержением идеи «пережитка» может служить общеизвестный факт экономического чуда Японии, обеспеченного в значительной степени мобилизацией этой структуры.

Группа хурритских имен Каниша невелика по той причине, что опубликованные тексты происходят почти исключительно из ашурского квартала. Архивы других частей поселка неизданы. Из полусотни хурритских имен, перечисленных П. Гарелли (АС р. 150—158) половина отождествлена ненадежно, т. к. в списке преобладают гипскористики. Мы приведем из остальных лишь те, которые характеризуют положение их носителей в системе канишского торгового дела.

1) хуррит Агапши совместно с ашшурцем Ашшурбелаватимом выступает свидетелем кредитора-хуррита Титии: ссуда серебра — 22,5 сикля — троим людям (Нуну, Нанийе, Зухузайе) до сбора винограда. Если не вернут, то третий из них с женою (Нухушатам) будет арестован (EL 91 = BIN IV 186). Один из должников также хуррит (разводит или обрабатывает виноград?). [Здесь хурриты представлены на всех трех «этажах» сделки: должник—кредитор—власть].

2) в акте EL 284 (=ТС II 49) обнаруживается полное имя кредитора Титии — Титинари. Это текст клятвы, где он появляется в роли свидетеля, т. е. в верхнем «этаже». Операция связана с районом Ма'-мы — города, контролирующего перевал «Киликийские ворота» (в дальнейшем территория хурритского царства Киццувадны). Долг — 1 мина серебра был дан под процент и погашен частично передачами денег (дважды по 10 сиклей и один раз — 20), частично тканей (ашшурских *кутану* и местных *пириканну*). Падение курса серебра в течение 5 дней снимает обязательства за прошлое и на будущее. [Здесь важна связь с текстильным промыслом].

3) сын того же Титии носит уже ассирийское имя, Энн-Ашшур: он ссудил ШумиАбийе серебро (2,5 мины). Ссуда погашена в присутствии двоих потомков хурритов (Канайи и Нанийи), которые также носят уже аккадские имена — Ададбани и ЦиллИштар (ССТ V, 25с). [Тем самым имя без проверки родословной не доказывает с достоверностью этни-

ческой принадлежности его носителя. Не исключено, что ме-
на имени последовала за принятием присяги ашшурскому
обществу — финансовой мафии торгового промысла Каниша.
Ссуда значительная, условия не указаны].

4) Дадийя сын хуррита Нанибума (EL66 = КТК 79)
должен ашшурцу Ашшурмалику сыну ЭннаСуэна внуку Су-
каллийи серебро (18,5 сиклей) до 5-го месяца. Дата: месяц
кузаллу эпонимата Ашшуримитти, морехода. [Указание на
родство до третьего колена относит сделку к третьему поколе-
нию ашшурцев. Ссылка на эпонимат морехода, возможно, ука-
зывает на связь с районом залива Александретта, который в
дальнейшем контролировался царством Киццувадна. Ссуда
коммерческая, небольшая, но льготный срок порядочный
(3,5 месяца) и процент с просрочки относительно невелик —
20% годовых, на 10% ниже ставки конторы].

5) Эвирия выступает свидетелем сделки совместно с
жителем Сам'ала, Шерду, Изизмишаром и Синпилахом по по-
воду признания значительного долга (6 1/4 мины серебра),
числящегося за Шерду сыном хуррита Нанийи. Кредитор
Икунум. Дата — неделя Пузуриштара, срок возврата — к те-
кущей неделе. При задержке ссуда пойдет под 60% годовых
(EL 44 = Јепа 279). Ссуда коммерческая, т. к. хотя и неболь-
шой, но льготный срок указан. Удвоение ставки, принятой
конторой (30% годовых) явно штрафное].

6) тот же кредитор числит серебро (1 5/6 мины) за хур-
ритом Нахрией, Шерду и АуурШамашем от недели Ашшу-
риди до 4-ой недели. Если не уплатят в срок, то ссуда пой-
дет под 120% годовых. Долг закреплен за тем из них, кто
окажется благополучным. Свидетели: Бузугайя, Эвирийя и
Адайя (EL 43 = Јепа 174). [Сумма втрое меньше предыду-
щей — соответственно беспроцентный срок также втрое длин-
нее, процент же вдвое выше. Все вместе характеризует про-
мысел, с которым связаны должники, как высокодоходный и
требующий относительно небольших сроков вложений. Если
бы высота процента превышала получаемую прибыль, то свя-
зи с субсидируемым производством немедленно бы распались.
Самую высокую прибыль давал текстильный промысел, по
наблюдениям Веенхофа не ниже 200%. Формула круговой по-
руки звучит как закрепление долга за «благополучным и на-
дежным» (*кѐну*), отсутствие ссылки на надежность, возмож-
но, значит, что эти должники не присягали сообществу кре-
дитора].

7) акт TCL IV 109 обнаруживает полное имя Эвирийи —
Эвримуша. По этой записи он оставил совместно с Амур-
Шамашем 42 ткани некоему Альтабу (31 ашшурскую *кутану* и
11 *шерху*) и около таланта меди; 15 мин меди осталось у *Эв-*
римуша, 17 у *Абили*, 10 у *прасола (ну'аум)*. [Связь с тек-

стильным промыслом налицо. Появление пастуха, гонящего скот на яйлу, открывает связь с поставщиками шерсти. Медь на внутреннем рынке Анатолии играла роль денег].

8) Эвири, член *ка́рума*, упомянут в записи BIN IV 132, как имеющий на своем счету 1 2/3 мины серебра.

9) Веримуша (возможно, вариантное написание того же имени; ашшурские писцы избегают передачи хурритских имен из-за трудности произношения их), появляется в представительном перечне ССТ V 39^c; из 174 тканей купца-аюни-ма (КТК, с. 69 сл.) 40 тканей взяла ШатАна, 26 — АмурИштар, 5 — Киси. Принял (на склад?) Веримуша. Остальное — 94 штуки и 1 *кутану* находятся у АмурИштара. [Последний, АмурИштар, дядя ашшурского оптовика Пушукена, поставляет оптовые партии шерсти и меди на южный рынок Малой Азии в районе Бурушхатты (ВДИ 1985, 3, с. 3 сл.). Таким образом, Веримуша посредничает в передаче на хранение тканей государственного торгового агента наряду с ашшурским оптовиком.].

10) Хуррит Нанийя сын хуррита Икухлима упоминается в письме KTS (стк. 9) как доверенное лицо, рекомендуемое ашшурцем АлАхумом его двоим компаньонам, Ашшурнада и ПузурАна. Он предлагает передать хурриту 20 ашшурских тканей *кутану* и 2 местных (*пириканну* и *питхала*). Наемная плата 1 1/3 сикля серебра — это цена переброски немногим более одной ноши. За прежде высланные ткани отвечают заместители АлАхума, но в случае затруднений он велит передать дело жителю Тимелкии. Если письмо застанет ШалимаДада, то дать ему 5 мин серебра *тери* на доведение до кондиций у надежных (*кену*) мастеров (*умме'ану*), если таковых не окажется, то дать в Канише Илиалиму (-Илийе) 2 мины серебра. [Здесь примечательно поручение хурриту розничной партии товара за наемную плату, т. е. как лицу постороннему, выступающему в одном ряду с местным жителем, тимелкийцем. Мастера, которые должны довести серебро до кондиций, принятых в учете казначейства общины, должны быть «надежны», т. е. относиться к числу принявших присягу ашшурскому сообществу торговцев, иначе это дело им поручить нельзя (ср. № 6).].

11) Эрвишарри (TCL XXI 276) упомянут в сообщении о вскрытии кассы (*наруккум*) оптовика Пушукена и взыскании 1 2/3 мины 2 сиклей серебра Илийи. Отправитель письма должен Пушукену 23 мины серебра по расписке с печатью, т. е. зарегистрированной в конторе. «Если Эрвишарри соберется сюда», то он должен прихватить 23 мины серебра, чтобы расплатиться по требованию Пушукена. [Сумма равна примерно 3 минам золота в малоазийском курсе серебра (1:8) — это почти двойной пай в крупнейшем из известных классовых союзов Каниша (ТОКР с. 229). Предъявление

такой крупной суммы наличными явление чрезвычайное, если Эрвишарри действительно в состоянии это сделать, то очевидно, связан с серебрянными разработками, т. к. в товарном обороте помимо этого промысла каждый сикль на счету.]

12). Келия (TCL XIX 42) упоминается в письме ШуКубума к Пушукену и Илие с жалобами на хлопоты с транспортными ослиами и отсутствие прожиточных денег, которые нужны, т. к. он застрял. Едва собрался в город, как серебро на поездку задержали из-за Келии. Тот сказал, что ШуКубум деньги взял. [Конкуренция с агентом оптовика очевидна — как видно, Келия перехватил ссуду конторы, сославшись на обеспеченность ШуКубума (ср. КТК с. 57)].

13) Кузари упоминается в письме ССТ II 1, адресованном Пушукену; «ты мне писал — доставь свинец фрахта Кузари, как только он войдет в Бурушхатту. На пятый день я буду рассчитывать на серебро. Лишь только получишь письмо относительно 45 мин серебра, купи нам свинец. Я отправил к вам ПузурАшшура. Что касается серебра Кузари и сына Ашшуриди, которое вы доверили прежде, оно вышло. Несите сюда! Твое письмо, как только придет ДанАшшур, я сам передам в Бурушхатту собственным фрахтом, а там либо мой, либо твой товар оплачу своим фрахтом. Кроме расчетов между нами, свинец и разные ткани либо фрахта ДанАшшура, либо фрахта Кулумайи и ИддиСуэна устрой! Ты, мой брат, несколько серебра не доверил! Все, что в воротах города я ему найду — воистину на твое имя приобрету! Торговая община оповещена и через кассу я ничего не смогу заплатить!».

[Таким образом, хуррит Кузари должен доставить свинец на слтовый рынок Бурушхатты, на юге Малой Азии, для обмена этих месопотамских денег на международные. Однако, эта реализация свинца не обеспечена и отправителю придется собирать деньги со случайных должников, встретившихся ему в воротах города, т. к. он не сможет обратиться в кассу торговой общины, — обещанных денег там не оставлено. Нарушена координация действий компаньонов, связанная с оборотом на оптовом рынке, где Кузари, как видно, был значительной фигурой, иначе не объяснишь громадную цифру учетных денег — 45 мин серебра, предназначенных для операции со свинцом. В Малой Азии свинец стоил вдвое дороже, чем в Месопотамии (7,5 против 15 за 1 сикль серебра), поэтому здесь его выгодно было выменивать на серебро, которое по курсу свинца здесь стоило вдвое дешевле.]

14) Мемеври — свидетель ссуды 1 мины серебряного песка (*литги*) канишского обогащения, взятого в долг лувийцем Тархуну у Анахили, в присутствии вождя Тумана, Тубтулу и Мемеври (EL 14=КТК 96). [Заключительная фраза акта о расчете кредитора на дом, жену и младенца должника

в случае неплатежеспособности его свидетельствует об угрозе поглощения этого хозяйства более состоятельным кредиторским; видимо, связанным с тем же промыслом. Кабальные суды типичны для производственных, не коммерческих, отношений и свидетельствуют о перенапряжении экономики, не без влияния денежных спекуляций].

15) Перува сын хуррита Набари — свидетель акта EL 189 (КТР 43): «рабыню Зибети и Дибукуннам, дочь Тархуана, Тамаданика жена Перувы, и Перува своего сына Тишшарба продали за 27,5 сиклей серебра. Купил Шабтабан (хуррит?). За возврат отданных — штраф 5 мин серебра и нарушители договора «будут убиты рукой правителя Варбы; Халкиашу — глава лестницы». Акт составлен в присутствии Казизи (хуррит?), Перувы сына Шуна, Перувы сына Набари. [Концентрация в этом акте хурритских имен и в особенности сочетания, в которых появляется одно из наиболее популярных местных имен Каниша, Перува, делает возможным заключение, что это хурритское имя (сын Перувы носит хурритское имя и отец Перувы хуррит!). Один из наиболее крупных домов в центре Каниша принадлежал Перуве, поставщику посуды для масла и вина (КТК, с. 16). Здесь найдены сосуды самых разных емкостей и форм в огромном количестве.].

16) Шухурпеа — свидетель погашения имущественных претензий (EL 3=ТС 122): Хумадашу и Хахалуван — мужи жена. Алили дал ей отступные. Ни он, ни она друг к другу больше не обратятся. Иначе — штраф 5 мин серебра и виновники «будут убиты рукой правителя Варбы, Халкиашу — глава лестницы». Акт составлен в присутствии Инара, Шухурпеа, Перувы. [Одинаковая мера пресечения в двух последних актах открывает подсудность участников сделки одному и тому же правителю и его наследному принцу, который объявлял решения на лестнице цитадели. Крайности типичны для дворцовых структур, обремененных «тираническим синдромом», в отличие от жесткоуправляемых общинно-родовых структур, где достаточно бескровных слов для полного повиновения. Оба акта составлены путанно и невнятно. Здесь нет ни одного аккадского имени; отделить хурритские от хаттских не всегда легко. В № 15 хурриты появляются на всех трех уровнях: должник и кабальный раб, покупатель рабов и свидетель-посредник властей.].

Приведенные контексты, почти все без исключения, связаны с районом оптового рынка Малой Азии, где впоследствии локализовалось хурритское царство Киццувадна. Именно оно было источником культовых текстов хеттского архива, найденного в Хаттусе. Закрепление здесь хурритов объясняется, как нам кажется, тем, что они держали один из важнейших перевалов, выводящих из Малой Азии в Сирию, — «Киликийские ворота» (см. ТОКР, с. 231).

Э. О. БЕРЗИН

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
И КАВКАЗСКОЙ ОБЩНОСТЕЙ В РАННЕМ
БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

В своей статье «Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии» Г. А. Меликишвили еще в 1965 г. поставил вопрос о присутствии индоевропейцев на Кавказе в глубокой древности¹. Данная статья является попыткой продолжить исследование этой темы, начатое Г. А. Меликишвили, на основе новых материалов (главным образом, фольклорных и археологических).

Согласно схеме Ж. Дюмезиля индоевропейская общность накануне ее распада состояла из трех функциональных групп (варн). К первой варне принадлежали жрецы («брахманы»), если следовать индийской терминологии, ко второй — воины («кшатрии»), к третьей — производители материальных благ («вайшьи»). Обоснование этого вывода заключалось в обширном мифологическом материале и в том факте, что в Индии варны располагаются именно в этом иерархическом порядке.

Обычное возражение против схемы Ж. Дюмезиля заключалось в том, что материальная культура эпохи энеолита (V—IV тыс. до н. э.) не могла служить основой столь сложной социальной структуры. Это возражение, однако, нельзя считать бесспорным.

Согласно современным археологическим данным, уже в Мариупольской культурно-исторической области (степь и лесостепь между р. Урал и Днепр) в V тыс. до н. э. впервые происходит одомашнивание лошади, которая сразу занимает ведущую роль в хозяйстве племен этого региона. Здесь же впервые появляется культ лошади, характерный для индоевропейских племен всех последующих эпох. В сменившей Мариупольскую Среднеднепровско-Хвалынской культурно-исторической области в IV тыс. до н. э. впервые появляются следы военного применения лошади, боевые топоры и курганы, которые чем дальше, тем больше различаются по размерам и бо-

¹ ВДИ, 1965, № 1, с. 3—30.

гатству. Следы вторжения среднестоговских племен и их наследников — племен ямной культурно-исторической области ведут на Балканы, где слои пожарищ отмечают разрушение кочевниками из Северного Причерноморья блестящих цивилизаций Балканского энеолита².

Таким образом, уже в IV тыс. до н. э. на территории, которую есть все основания считать прародиной индоевропейцев (привести полный набор аргументов не позволяет размер статьи) получили весьма значительное развитие военное дело и связанная с ним социальная стратификация. Поэтому, схема Ж. Дюмезиля может быть в принципе принята с учетом некоторых поправок.

Прежде всего, изначально индоевропейская общность (как и многие другие первобытные общности) состояла не из трех функциональных групп, а из трех возрастных классов, каждый из которых преимущественно нес одну определенную функцию. Юноши от момента инициации до вступления в брак были по преимуществу воинами, главной ударной силой племени. После вступления в брак, они, зрелые мужчины, становились домохозяевами — производителями материальных благ, в старости же они осуществляли общее руководство и сосредотачивались на культовой деятельности.

Воспоминания об этом делении сохранились в греческой и индийской традиции (институт эфэбов в Афинах и четырехчастное деление жизни индийца (ученик—домохозяин—отдельник). Этнографические материалы также подтверждают реальность этой конструкции.

С течением времени (как показывают опять-таки этнографические данные, хотя бы Африки) возрастные классы начинают окостеневать и посвящение в следующий, более высокий возрастной ранг перестает быть автоматическим. Некоторые семьи начинают наследственно удерживать высший ранг — стариков-жрецов. Их дети как бы с рождения являются стариками — «седыми». Отсюда — белый цвет, символизирующий жрецов — (брахманов) в индоевропейской символической системе. Основная масса населения сосредотачивается на производстве материальных благ, считаясь вечными «зрелыми мужчинами». Присвоенный им цвет соответствует цвету земли (коричневый, черный) или воды (синий). Наконец, обособляется группа профессиональных воинов — варна кшатриев. Цветом кшатриев в индоевропейской (и, видимо, в кавказской) символической системе был красный — цвет войны (огня и крови). Ошибка Ж. Дюмезиля заключается в том, что он, опираясь на индийскую традицию, присваивает им второй ранг в социальной системе индоевропейцев, между тем как они, несмотря на свою эконо-

² Годорова Х. Энеолит Болгарии. Союз. 1979, с. 70—71.

мическую и военную мощь, по-видимому, еще долгое время оставались в глазах общества «вечными юношами», т. е. занимали самый низший — третий ранг.

Такое положение, не соответствовавшее новой социальной реальности, было изменено в результате ожесточенной борьбы между младшей варной кшатриев и двумя старшими варнами. Отражением этой борьбы являются широко известные мифы и сказки о трех братьях. Суть этого сюжета в том, что презируемый младший брат побеждает двух старших во всевозможных состязаниях. Завистливые старшие братья убивают его (или оставляют в подземном — загробном царстве), но он в конечном счете воскресает (возвращается на землю) и торжествует.

Устойчивые следы этого мифа видны в сказках типа «стража на могиле отца и последующее брачное состязание».

Младший сын, выполняя долг, которым пренебрегли старшие сыновья, три дня караулит могилу отца и в награду получает не только свою долю наследства, но и доли, предназначавшиеся его братьям — трех волшебных коней. О прямой связи этих коней с тремя функциями говорит их цвет. В русских сказках этого типа существует очень устойчивое словосочетание: «Сивка-Бурка, вешая Каурка». В ряде же сказок прямо говорится, что отец первоначально предназначал старшему брату сивого (белого) коня, среднему — бурого (коричневого), а младшему — каурого (светло-рыжего, красного). В тех редких случаях, когда дежурство братьев устанавливается в обратном порядке (от младшего к старшему), кони также перечисляются в обратном порядке — каурый, бурый, сивый³.

При этом характерно, что конь, предназначенный младшему качественно лучше. Только он один носит название: «вешая» (т. е. волшебная) каурка». Это проясняет смысл необходимости именно трех прыжков вверх при брачном испытании. Белый и коричневый кони (брахмана и вайшьи) не в состоянии допрыгнуть до верха башни, где находится царевна. И только красный конь кшатрия победоносно решает эту задачу.

Получив всех трех коней, младший сын в то же время сосредоточивает в своих руках как бы все наследство отца-первопредка (три коня как бы сливаются в одного — «Сивку-Бурку — вешую Каурку») и младший сын — кшатрий получает таким образом, моральное право на власть над всем обществом.

В кавказских сказках аналогичного типа цвет коней практически тот же — белый, черный, красный, хотя их последо-

³ Русские народные сказки Сибири о чудесном коне. Новосибирск, 1984, с. 29.

вательность обычно не соблюдается. Однако имеется ряд указаний на то, что конем высшего качества (кшатрийским) считался красный⁴.

В одной грузинской сказке дэв говорит: «...в той коробочке три птички. Красная — сила моя, белая — ум, а черная — душа моя»⁵ (т. е. физическое существование, о котором заботится третья функция — Э. Б.). Таким образом, здесь мы видим четкое перечисление всех трех функций вместе с их цветовой символикой в порядке, который установился после победы кшатриев.

Таким образом, можно заключить, что трехварновая социальная общность не была чисто индоевропейским явлением, а совпадала с обширной территорией доклассовых обществ, где конь играл первостепенную хозяйственную и военную роль независимо от этнической принадлежности носителей этой культуры. Она охватывала не только обширные территории Европы, но и Кавказ. При сходных экономических и социальных условиях идеи свободно пересекают языковые барьеры. Поэтому трехварновую систему можно считать общим индоевропейско-кавказским наследием.

В пользу того, что реальное трехварновое общество как у индоевропейцев, так и у кавказцев, ранжировалось в порядке: кшатрий, брахман, вайшья, свидетельствует, в частности выходящее из скифской традиции нартовское сказание, где говорится, что три рода (варны) нартов жили в трех кварталах, расположенных по вертикали. В верхнем жили Ахсартакката (воины), в среднем — Алагата (жрецы), в нижнем — Бората (вайшья).

Страбон в своем известии о социальном устройстве Иберии также противоречит схеме Ж. Дюмезиля⁶. Первый разряд (варна) у него царский, то есть кшатрийский (отождествление кшатриев с царями очень широко представлено в индоевропейской традиции)⁷, второй разряд (варна) — жрецы, третий — воины и земледельцы (т. е. вайшья, какими они стали в раннем железном веке)⁸.

⁴ Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М., 1983, сс. 30, 45, 60, 83; Осетинские народные сказки. М., 1973, с. 152; Абхазские народные сказки. М., 1975, с. 120.

⁵ Грузинские народные сказки. Тбилиси, 1971, с. 21.

⁶ Страбон. География. XI, 3, 6.

⁷ Четвертый разряд у Страбона, соответствующий индийским шудрам, в гражданскую организацию раннего общества не включался и поэтому не учитывался в мифологии.

⁸ Я считаю невозможным, что подобный социальный строй может быть навязан стране какими бы то ни было завоевателями.

Если мы обратимся к археологическим материалам, в них, как мне представляется, также можно найти следы общего индоевропейско-кавказского наследства — идеологии, присущей трехварновой системе. Во главе пантеона индоевропейцев в эпоху военной демократии стоял Бог Грозы — бог воинов (древнеинд. Индра, хеттск. Пирва, слав. Перун, латышск. Перкон, литовск. Перкунас, греч. Зевс и др.). Древнейшие «каменные бабы» ряда культур энеолита от Северного Кавказа до Трансильвании и Болгарии по мнению советского археолога В. Н. Даниленко изображают именно Бога Грозы⁹. В число атрибутов бога на этих изображениях входили боевой топор, булава, лук — обычный набор вооружения и символов власти для эпохи энеолита — ранней бронзы на данной территории. Воинскую функцию бога подчеркивает также изображение сражающихся воинов на одной из стен¹⁰. В иконографии Бога Грозы особенный интерес представляет изображение горизонтального зигзага на поясе двух фигур из Трансильвании¹¹. и несколько рядов горизонтальных зигзагов на боковых сторонах стелы из Крыма (Кеми-обинская культура)¹².

Есть все основания полагать, что этот зигзаг изображает молнию — оружие бога Грозы, поскольку зигзаг занимает очень значительное место в орнаментации керамики нескольких десятков археологических культур, которые могли принадлежать индоевропейским племенам, начиная с V тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э.

Уже в самарской культуре, где зафиксированы древнейшие изображения и жертвоприношения домашних лошадей, горизонтальным зигзагом (одинарным, двойным и тройным) орнаментировано около половины всех сосудов¹³. Зигзаг встречается и в остальных культурах Мариупольской историко-культурной общности — в прикаспийской культуре¹⁴ в нижнедонской культуре¹⁵ и в Надпорожско-Приазовском варианте II этапа днепро-донецкой культуры, который иногда выделяют в отдельную (азово-днепровскую) культуру. В этой культуре, наряду с мотивом зигзага (он встречается на каменном предмете неизвестного назначения из Полтавки)¹⁶

⁹ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, Киев, 1974, с. 83.

¹⁰ Там же, с. 82, рис. 53,1.

¹¹ Там же, с. 82, рис. 53, 5, 6.

¹² Археология Украинской ССР. Т. I, Киев, 1985, с. 335, рис. 92.

¹³ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и Лесостепь. Куйбышев, 1981, с. 8, таб. 4,8; 5,5; 6,3,5.

¹⁴ Там же. Таб. 16,1.

¹⁵ Там же. Таб. 17,5-8.

¹⁶ Археология Украинской ССР. Т. I, Киев, 1985, с. 162, рис. 44,15.

появляется второй орнаментальный мотив, видимо аналогичный зигзагу — цепочка свисающих заштрихованных трехугольников¹⁷. Над ними, как и над горизонтальным зигзагом обычно находятся несколько параллельных линий, и все вместе, видимо, означает «верхние воды», готовые пролиться на землю животворным дождем. В культурах более позднего времени эта схема иногда дополняется косо падающими линиями «дождя», которые исходят из зигзага или заштрихованных треугольников¹⁸.

Схема с зигзагом продолжает господствовать в Хвалынского-Среднестоговской культурно-исторической общности¹⁹ и переходит в орнаментацию ямной культурно-исторической общности, наряду с заштрихованными треугольниками²⁰.

В раннем Бронзовом веке, когда первоначальная индоевропейская языковая общность уже явно распалась на отдельные языковые группы, уже не существует гигантских культурно-исторических областей. Однако традиции орнамента с зигзагом (или цепочкой заштрихованных треугольников) сохраняются у наследников указанных выше трех последовательных культурно-исторических областей, которые по мере расселения индоевропейцев распространяются на запад, север и юг, сливаясь при этом иногда со старыми, неиндоевропейскими культурами и привнося в них свою идеологию. Примеры этому мы видим в группе культур «боевых топоров и шнуровой керамики» — катакомбной²¹, среднеднепровской²², латьяновской²³, злата (Польша)²⁴, саксонотюрингской²⁵, ладьеvidных топоров (Швеция, Финляндия)²⁶, одиночных погребений (Дания, ФРГ, Нидерланды)²⁷ и др. В развитом Брон-

¹⁷ Там же, с. 162, рис. 44,10.

¹⁸ Там же, с. 288, рис. 75,4, с. 340, рис. 94,2.

¹⁹ Там же. Таб. 23,8; 38, Археология Украинской ССР. Т. I, с. 310, рис. 81,11,13,15.

²⁰ Археология Украинской ССР, Т. I, с. 341, рис. 94,1; с. 344, рис. 97,1,2,4; с. 346, рис. 98,5,8,12,15,19,26,29.

²¹ Там же, с. 404, рис. 107,10; с. 414; с. 111,13; с. 416, рис. 112,3, 10,12.

²² Там же, с. 366, рис. 99,20,47,55.

²³ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, с. 83, рис. 28.

²⁴ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969, таб. XIV,1,3, таб. XV,1.

²⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 284, рис. 2.

²⁶ Там же, с. 284, рис. 3; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 257, рис. 91,2,3.

²⁷ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы..., с. 284, рис. 1.

зовом веке зигзаговый орнамент достигает крайних пределов Западной Европы — Британии и Англии²⁸. Зигзаговый орнамент богато представлен также в европейской керамике Позднего Бронзового и Раннего Железного века. Наиболее поздние его образцы почти достигают времени принятия христианства²⁹. Таким образом, зигзаговый орнамент и его вариант — цепочка заштрихованных треугольников, проходят через весь языческий период индоевропейских народов.

В то же время этот орнамент (хотя в меньших количествах) присутствует и на Кавказе, начиная с эпохи Ранней Бронзы. Он впервые появляется в майкопской и куро-араксской культурах³⁰, широко представлен в триалетской культуре³¹ и продолжает существовать в эпоху Поздней Бронзы и Раннего железа³². В Колхиде VI—IV вв. до н. э. горизонтальный зигзаг входил в число основных типов орнамента местной керамики³³.

Помимо керамики, зигзаговый орнамент на Кавказе имеется на ряде предметов воинского обихода — например, на бронзовых ножнах меча из Самтавро³⁴, на бронзовых поясах IX—VII вв. до н. э. На одном из бронзовых поясов изображен воин с зигзагами, вытатуированными на бедрах, на другом — средний фриз, на котором изображены борющиеся лошади, сверху и снизу окаймлен светлым зигзагом (молнией) на фоне заштрихованных треугольников³⁵.

²⁸ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и Железный века. М., 1974, с. 98, рис. 11, 26, 27, 28.

²⁹ Кухаренко Ю. В. Археология Польши... таб. LVI, 13, 18, 19.

³⁰ Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 112, рис. 46; с. 115, рис. 47, 26; с. 236, рис. 988; Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 63, рис. 21; с. 74, рис. 26, 10.

³¹ Жоржикашвили Л., Гогодзе Э. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1974, таб. 35, № 215, таб. 42, № 229, таб. 48, № 317, 318, 319, таб. 49, № 385, 379, таб. 60, № 516, таб. 69, № 580, таб. 94, № 805, таб. 95, № 852, таб. 96, № 867, таб. 100, № 868.

³² Пицхелаури К. Н. Основные проблемы, истории племен Восточной Грузии в XV—VIII вв. до н. э. Тбилиси, 1973, таб. LVI, I, 2; таб. LXIII, 2, Таб. XXXII, Таб. XXXIV; Каландадзе А. Н. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи («Мцхета», т. IV. Тбилиси, 1980, илл. 197, 251, 413; «Мцхета», т. V, Тбилиси, 1983, илл. 107, 120, 278, 279, 280, 289.

³³ «Вани V». Археологические раскопки, Таб. 18, 2.

³⁴ «Мцхета». Т. VI, илл. 770.

³⁵ Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1982, таб. XXVI, XXXIV.

Весьма интересна также гривна из погребения 117 Тлийского могильника (VII—VI вв. до н. э.)³⁶. На одном конце гривны также изображен светлый зигзаг — молния, а на другом конце цепочка светлых ромбов (квадратов) с точкой посередине. Ромб (квадрат) с точкой посередине в ряде культур означает засеянное поле. Видимо, гривна, в целом символизирует брачный союз Бога Грозы, верховного бога Неба с Богиней Земли.

Такое массивованное совпадение в элементах орнамента индоевропейских и кавказских культур на протяжении нескольких тысячелетий, конечно, не может быть случайным.

³⁶ Техов Б. В. Тлийский могильник, III, Тбилиси, 1985, таб. 125.

М. П. ИНАДЗЕ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭШЕРСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСИ

В 1975 году во время раскопок эшерского городища, на нижней его площади, в разрушенном и сильно пострадавшем от пожара монументальном помещении были обнаружены фрагменты разбитой бронзовой плиты с греческой надписью (К настоящему времени найдено всего 22 фрагмента). Судя по остаткам нескольких деталей архитектурного декора, обнаруженным вместе с фрагментами надписи, первоначально плита была архитектурно оформлена, а именно помещена в нише, исполненном в ионийском стиле¹. После предварительного ознакомления с памятником, научный сотрудник института всеобщей истории АН СССР (Москва) Ю. Г. Виноградов пришел к заключению, что перед нами какой-то особо важный документ, типа декрета или исторической хроники, в котором шла речь о неких военных событиях. Совокупность палеографических признаков, хорошо знакомых по другим греческим эпиграфическим памятникам (отсутствие в палеографии эклектизма и т. д.), дает основание Ю. Г. Виноградову датировать памятник концом IV в. до н. э.² Исследователь замечает также, что надпись прорезана оригинальной техникой, которая хорошо известна в IV в. до н. э. по многочисленным бронзовым табличкам афинских судей³.

За последние годы фрагменты эшерской надписи с греческими письменами были основательно исследованы специалистом по древнегреческой эпиграфике Т. С. Каухчишвили.

Фрагмент № 1, на котором пять нормальных строк и еще две строчки (наверху и внизу), с остатками букв, вместе с фрагментом № 11 ею восстанавливаются в переводе следующим образом:

---

1 Шамба Г. К. Эшерское городище, Тбилиси, 1980, с. 54.

2 См. Шамба Г. К. Эшерское городище, с. 55, где приводится текст письма Ю. Г. Виноградова, содержащий предварительный анализ памятника.

3 Шамба Г. К. Указ. соч., с. 55.

1. Город восстановлен (или — построен). ... второй вариант — клянусь Апполоном номием ..... 2. Многочисленным (или — могущественным) флотом ... 3. Он смог... 4. Овладевший в... 5. Среди всех (или — из всех).... 6. В царствование (или царства, или — ставленник царя) и ... 7. ....

На других фрагментах Т. С. Каухчишвили восполняет следующие слова: фрг. № 2: если б пришли; фрг. № 3: в строю, или таксиарху, пусть предводительствует; фрг. № 4: выйти, вышел, гавань; фрг. № 5: если вышлешь; фрг. № 7: погибель, несчастье; фрг. № 9: прямой, правильный; фрг. № 10: выселение, опустошение (в форме страдательного — поселение); фрг. № 12; один из косвенных падежей от слова отважный, неукротимый; фрг. № 18: Гераклеи или гераклейцев огню, или воротам, или башне, крепости⁴.

Учитывая значение всех вышеприведенных слов Т. С. Каухчишвили предположительно допускает, что в надписи речь идет о следующем: после определенной военной акции с участием «мощного флота, царского функционера (?), отважных войск, полков или начальников отряда был взят определенный приморский пункт (эшерское городище или, наоборот, тот пункт был взят эшерцами), а затем был восстановлен сам город, или же его часть — башня, крепость, ворота»⁵.

По словам Т. С. Каухчишвили, «не совсем ясна роль Гераклеи (или гераклейцев) — возможно, они воевали против эшерцев или принимали участие вместе с ними в морской битве». По ее предположению, есть еще один вариант толкования: «за определенные заслуги перед эшерцами гераклейцам дарованы определенные права»⁶.

По очертанию всех букв и общему стилю эшерская надпись, по мнению Т. С. Каухчишвили, ближе всего стоит к памятникам III в. до н. э. «Значит, — заключает она, — надпись в широком смысле историческая, с элементами строительных надписей и декретов-проксений»⁷.

Ввиду того, что эшерская надпись сильно повреждена от пожара, из-за фрагментарности текста, безусловно, трудно категорически судить о содержании этой надписи. Однако, в ней имеются слова, которые могут послужить опорой для дальнейшего толкования текста. Ниже мы постараемся высказать некоторые предположения об исторических фактах и событиях, отразившихся в эшерской надписи. Заметим, что предло-

⁴ Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Эшерского городища, в сб.: Источниковедческие разыскания, Тбилиси, 1985, с. 220, 221. Подробно о переводе см. там же.

⁵ Каухчишвили Т. С. Указ. соч., с. 221.

⁶ Там же, с. 222.

⁷ Там же, с. 222.

женная нами интерпретация может иметь лишь предварительный характер.

Мы полагаем, что для правильного толкования упомянутых в надписи слов и исторических фактов, и раскрытия их истинного содержания, немаловажное значение имеет, первым делом, привлечение археологического материала, обнаруженного на самом эшерском городище, а также на остальной территории древней Диоскурии и ее хоры. Помимо этого, следует учесть синхронные надписи из городов Северного Причерноморья, официальные документы, содержащие аналогичные сведения о событиях, происходящих в припонтийских городах и странах в раннеэллинистическую эпоху. Чтобы разобраться в упомянутых в надписи исторических фактах и установить между ними связь, необходимо также проанализировать политическую обстановку, существующую в данное время в интересовавших нас регионах Понта и его городах.

Прежде чем приступим к интерпретации надписи на основании восстановленных отдельных слов и отрывков из текста, должны отметить следующее:

В тексте эшерской надписи (фрг. № 1) вполне убедительно восстанавливается слово „ $\pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota\upsilon$ “ «город». По нашему мнению, трудно усомниться в том, что в упомянутом в надписи «городе» подразумевается укрепленное городское поселение эллинистического времени, которое засвидетельствовано археологическими исследованиями на территории нын. Эшера⁸.

На основании археологического материала можно также утверждать, что город, расположенный на месте нын. Эшера, в указанное время входил во владения, в хору Диоскурии⁹. Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что в этом городе в эллинистическую эпоху постоянно ощущалась опасность нападения извне и он все время нуждался в защите. Об этом говорит не только строительство целой системы фортификационных сооружений (рвы, башни, куртины), относящихся к эпохе эллинизма, и обнаружение боевого оружия местного и скифо-сарматского типа, но и само расположение города на естественно защищенном холме¹⁰.

⁸ Шамба Г. К. Указ. соч., с. 57. В книге Г. К. Шамба указано, что еще в эллинистическую эпоху был решен для жителей Эшера такой значительный вопрос городской жизни, как водоснабжение, что еще лишний раз дает основание квалифицировать данный населенный пункт, как «город», находившийся на уровне известных центров эллинистического мира того времени (Шамба Г. К. Указ. соч., с. 57).

⁹ Инадзе М. П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья, Тбилиси, 1983, с. 232 (на груз. яз.).

¹⁰ Шамба Г. К. Указ. соч., с. 58.

Переходим к интерпретации надписи. В восстановленной части текста (фрг. № 1, 3, 7, 10) совершенно ясно говорится о неких событиях, об определенной политической акции, за которой последовало «несчастье», «погибель», «опустошение», а затем при содействии каких-то военных сил, был восстановлен мир и, возможно, сам город. Исходя из этого, при толковании эшерской надписи прежде всего, требуется уяснить — какая внешняя вражеская сила могла принести разрушение и бедствия городу, находившемуся на территории нын. Эшера в эллинистическую эпоху? Какие нападающие силы действуют в указанную эпоху в регионах северного и северо-восточного Понта.

В свете письменных источников (Диодор Сицилийский, Аристотель) в специальной литературе давно установлено, что конец IV в. и III—II вв. до н. э. в политической жизни городов Северного и Северо-Восточного Причерноморья является одним из самых беспокойных периодов. К концу IV века заметно усиливаются набеги местных племен — тавров на южном берегу Крыма, а также пиратских племен северо-восточного Понта — гениохов и ахейцев, грабивших корабли и города возле кавказских берегов. Правда, во время правления боспорского царя Евмела (310—304 гг. до н. э.) пиратские действия этих племен были пресечены и плавание по Понту Евксинскому стало безопасней¹¹, однако после смерти Евмела пиратские набеги возобновляются с новой силой и становятся все более угрожающими. Активизации пиратских нападений в эллинистическую эпоху, в значительной мере способствовали существенные изменения, происходившие в жизни местного населения Северного и Северо-Восточного Причерноморья: со второй половины III века до н. э. южнорусские степи одно за другим наводняют сарматские племена, вытесняя скифов из их прежнего местожительства¹². Теснимые сарматами скифы сосредотачиваются в Крыму, создавая явную угрозу сначала Ольвии, а затем и Херсонесу, который должен был подумать о мерах для своей защиты. И вот, опираясь на связи со своей метрополией, Гераклеей Понтийской, Херсонес ищет поддержки против скифов у Понтийского царя Фарнака и в 179 г. до н. э. заключает с ним специальный договор, начальные строки которого содержат клятвенные обязательства Фарнака¹³.

¹¹ Нейхардт А. А. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском (По материалам керамической эпиграфики), в сб.: Древний мир, М., 1962, с. 560—561.

¹² Жебелев А. С. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, в сб.: Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, с. 86, 87.

¹³ Жебелев А. С. Указ. соч., с. 87, 88; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, М.—Л., 1949, с. 298—301.

Институт археологии и этнографии
Российской академии наук

Исходя из вышесказанного имеется основание полагать, что в III в. до н. э. тревожная обстановка складывается и в северной Колхиде, где помимо уже существующих пиратских племен, согласно сведениям Страбона и Плиния Старшего, к северу от Диоскурии также оседает волна сарматских племен¹⁴ (возможно они проникли сюда из северо-восточного Приазовья, где в указанное время расселилось одно из самых сильных сарматских племен)¹⁵. Мы уже отмечали выше, что на городище Эшера было найдено боевое оружие скифо-сарматского типа (III—II вв. до н. э.). Так что, той постоянно угрожающей городу Эшера и разгромившей его силой (о действиях которой упоминается в эшерской надписи), могли быть местные пиратские племена или же кочевники, чинившие набеги на побережье северной Колхиды; не исключено, что в поисках добычи с местными племенами объединялись сарматы и пользуясь их судами действовали с ними сообща.

В этом отношении пристального внимания заслуживает археологический материал более позднего времени (не позже первой половины I в. до н. э.) из эшерского городища, показавший, что процветавший в эллинистическую эпоху город (в первой половине I в. до н. э.) подвергся усиленному обстрелу каменными ядрами, а также стрелами и дротиками чисто местного облика, что дает основание Г. К. Шамба полагать, что это боевое оружие принадлежало местным племенам, враждебно настроенным по отношению к жителям города. Возможно и в данном случае мы имеем дело с одним из нашествий гениохов, или других пиратских племен на город¹⁶.

В связи с боевыми действиями и событиями, происходящими в укрепленном городе Эшера в восстановленном тексте надписи упоминаются политические единицы: некое «царство» («царская власть») и «Гераклея» (по-видимому, понтийская),

¹⁴ Strabo, XI, 2, 16; Plin., NH, VI, 16.

¹⁵ Rostovtzeff M. САН, IX, p. 228.

¹⁶ Шамба Г. К. Указ. соч., с. 59.

У Плиния сохранилось сведение о разгроме богатейшего города Питиунта (к северу от Диоскурии) местными пиратскими племенами — гениохами (Plin, NH, VI, 16), происшедшем, по-видимому, в I в. до н. э. Аналогичные факты нашествия на города-укрепления Кавказского побережья разбойничьих и кочевых племен повторяются и в последующую эпоху. Согласно сведениям историка Зосима, в середине III в. н. э., готские племена-вораны, которым содействовали местные жители Боспора, давшие им суда и показавшие путь при переправе, напали на одну из самых крупных крепостей Северо-Восточного Причерноморья, Питиунт (Zosim., Hist. nova., 31—33).

«гераклейцы», военные силы и могущественный флот которых принимали активное участие в защите города от нападения местных племен, или нашествия кочевников. Столь активное вмешательство гераклейцев в события, происходящие в жизни городов северной Колхиды, а именно Диоскурии и подвластной ей территории, вряд ли носило случайный характер. Эта военная акция имела вполне определенную экономическую почву и являлась частью той внешней политики, которую проводили южнопонтийские города, в том числе и Гераклея, по отношению к рынкам Восточного и Северного Причерноморья с середины IV в. до н. э.

В специальной литературе давно замечено, что после того, как Афины утрачивают свое былое, доминирующее положение в припонтийских городах, первое место в торговле Боспора и Восточного Причерноморья занимают центры южного побережья Понта — Гераклея и Синопа. На основании увеличения числа магистратов, встречающихся в легендах гераклейских амфорных клейм, исследователями установлен факт повышения особого интереса со стороны официальных представителей государственной власти Гераклеи к широким торговым операциям между Боспорским государством и Гераклеей Понтийской с конца IV в. до н. э.¹⁷ Аналогичный курс проводят правящие круги Гераклеи и на расширение и укрепление торгового обмена с городами Колхиды, в частности, и с Диоскурией. Значительно оживляются коммерческие контакты и с другим крупнейшим центром южного Понта — с Синопой¹⁸. В обмен на медь, железо, драгоценные породы дерева, лен, мед, воск, и т. д. Синопа вместе с Гераклеей ввозит в Диоскурию и ее подвластную территорию оливковое масло, возможно вино. Из Синопы экспортируется в Колхиду и черепаха¹⁹. Столь сильный рост значения южнопонтийских центров в жизни причерноморских городов Колхиды сказывается и в технике исполнения и внешнем архитектурном оформлении самой эшерской надписи. Исполненные подобной техникой надписи на бронзовых табличках были найдены в Афинах, а также в южнопонтийских городах (Синопа)²⁰.

Расширение торгового обмена и в местных кругах городского населения находило полное взаимопонимание, их соглашение основывалось на обоюдной экономической заинтересованности. Именно этим было вызвано, по нашему предполо-

17 Нейхардт А. Указ. соч., с. 595, 602.

18 Инадзе М. П. Указ. соч., с. 232.

19 Трапт М. М. Культура населения Сухуми в античную эпоху. Труды, 2, Сухуми, 1969, с. 238.

20 Kroll J. H. Athenian Bronze Allotment Plates, Camb. Mass., 1972, p. 270—272.

жению, и основание в III в. до н. э. в некоторых из прибрежных городов Колхиды (Диоскурия, Пичвнари и др.) торговых факторий южнопонтийских городов (Синопа и др.)²¹.

Таким образом, обнаружение эшерской надписи, в которой засвидетельствована активная роль гераклейцев в событиях, разыгравшихся на территории Эшера, еще раз подтверждает особую заинтересованность гераклейских правящих кругов в тесном контакте с Диоскурией и ее хорой.

Нужно полагать, что в раннеэллинистическую эпоху Гераклея сыграла важную роль и в налаживании взаимоотношений Диоскурий с другими регионами южного Понта.

Помимо Гераклеи (или Гераклейцев), судя по фрагменту № 7 эшерской надписи, в событиях, разыгравшихся в городе, фигурировала еще одна политическая единица — некое «царство» — „βασιλείαν“ (или «царская власть»). Т. С. Каухчишвили допускает мысль, что здесь речь может идти «о царском функционере». Некоторые исследователи считают возможным в этом «царстве» видеть «местную власть», взаимоотношения которой с греческими поселенцами «как-то регулировались и законодательным путем»²².

Аналогичного мнения придерживались и мы²³. Однако, после расшифровки всех имеющихся фрагментов, выявившей важную роль Гераклеи в политических событиях города Эшера, это предположение кажется нам мало вероятным. При этом мы учитываем, что с III века до н. э. некогда обширное Колхидское политическое объединение, претерпевая значительные изменения, клонится к упадку. Об этом повествует и Страбон, по сведениям которого цари Колхиды перед подчинением страны Митридатом Евпатором не отличались особенной силой²⁴. Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в III в. до н. э., судя по сведениям грузинского летописца Леонтия Мровели, Колхидское царство («Эгрисское эриставство») территориально сильно сокращается и попадает под политическое влияние новообразовавшегося Картлийского государства²⁵. В таких условиях царская власть в

²¹ Инадзе М. П. Указ. соч., с. 232.

²² Лордкипанидзе Г. А. Греко-колхские взаимоотношения в VI—IV вв. до н. э., ВДИ, 1982, № 2, с. 41.

²³ Инадзе М. П. Указ. соч., с. 181—194.

²⁴ Strabo, XI, 1, 18

²⁵ Картлис цховреба (История Грузии). Изд. С. Г. Каухчишвили. Т. I. Тбилиси, 1955, с. 24 (на груз. яз.). См. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 131.

Исходя из сведения грузинского летописца в указанное время северная граница Эгрисского (Колхидского) политического образования проходила по реке Эгрис-цхали [нын. Ингури (?), Эрисцкали (?)], а южная доходила лишь до реки Риони (Картлис цховреба, т. I, с. 24).

Колхиде вряд ли могла реально осуществлять протекторат над прибрежными городами Колхиды, держать в них свои гарнизоны, обеспечивать их защиту, или ограничивать их свободу в выборе политической ориентации²⁶.

В виду всего вышесказанного имеется больше основания предположить, что в «царстве» эшерской надписи следует подразумевать Понтийское государство. В пользу подобного толкования текста говорят следующие факты: уже первый царь Понта Митридат Ктист вступает в сношения с припонтийскими городами, пытаясь под предлогом защиты их от посягательства различных претендентов подчинить эти города. По сведениям историка Мемнона, после 281 г. до н. э. понтийский царь закрепляет союз с Гераклеей, которая опасаясь нападения со стороны селевкидов, сама ищет союзников, и отправляет с этой целью послов к царю Митридату²⁷. После этого, в течение III столетия до н. э. цари Понта и Гераклея, являясь союзниками против общих врагов (селевкидов), действуют сообща, постепенно распространяя свое влияние на города южного побережья Черного моря.

Цари Понта присоединяют крупные центры Юго-Восточного Причерноморья — Амис, Амастрию, позднее и Синопу, а Гераклея прибирает к рукам более мелкие города юго-западного побережья Понта. Сообща действуют они и по отношению к городам Северного Причерноморья. При содействии Гераклеи, как уже было сказано выше, Херсонес, находясь под угрозой нападения скифов, заключает договор с Понтийским царем Фарнаком (в 179 г. до н. э.). Тесно переплетается также (со второй половины III в. до н. э.) судьба городов Синопы и Амиса с историей понтийского царства²⁸.

Под предлогом защиты юго-восточного побережья царями Понта (на этом побережье) было построено несколько укрепленных городских поселений (Сиде, Хабакта и Фабда). Первоначально это были местные поселения. Однако, в последствии превращенные митридатами в города-крепости, они стали опосредствовать прочному освоению всей береговой полосы Понтом, обеспечивая организованную добычу в этих регионах железа и доставку его в крупные порты²⁹.

²⁶ Мало вероятно видеть в «царстве» эшерской надписи Боспорское государство, так как со второй половины III в. до н. э. над самим Боспором нависает угроза со стороны соседних скифов и с этой поры все внимание боспорских царей сосредотачивается на предотвращении этой опасности (Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 298—299).

²⁷ Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, с. 175.

²⁸ Максимова М. И. Указ. соч., с. 179—181.

²⁹ Максимова М. И. Указ. соч., с. 195—196.

Исходя из политической обстановки, сложившейся на юго-восточном берегу Юго-Восточного Причерноморья, можно полагать, что цари Понта, при содействии своей союзницы Гераклеи, а также Синопы, находившейся под их влиянием, такие же шаги предпринимают и на северо-восточном побережье Понта. В частности, под предлогом защиты Диоскурии и ее хоры от морских разбойников, с целью освоения богатых металлом и другими ценными ресурсами районов северной Колхиды, создают свои опорные пункты и в этой части побережья Понта (Эшери). В этом отношении весьма симптоматично обнаружение на Эшерском городище монет городов Понтийского царства III—II вв. до н. э. (Амис, Фарнакия и т. д.)³⁰. К этому же времени относится комплекс с трубами из Эшера, который, находит аналогию с водопроводной системой ряда малоазийских городов эллинистического времени. Все вышесказанное вместе с обнаруженной на Эшерском городище многочисленной продукцией малоазийского происхождения (Синопя, Гераклеи и др.), дает нам основание для предположения, что превращение Эшерского поселения в значительный укрепленный городской центр происходит в III веке до н. э. и в этом немаловажную роль играют тесные контакты с вышеуказанными южнопонтийскими городами и их союзником Понтийским царством.

Таким образом, упомянутое в эшерской надписи «царство», по нашему мнению, следует толковать как Понтийское государство, которое имея свои экономические интересы в северной Колхиде, вместе со своей союзницей Гераклеей, играет определенную роль в защите города Эшера от разбойничьих набегов, а также в его укреплении для предотвращения дальнейшей угрозы со стороны пиратских племен. Должны заметить, что аналогичную политику проводит примерно через два столетия в городах Северо-Восточного Причерноморья царь Понта Митридат Евпатор. Для защиты той же Диоскурии и ее хоры (город Эшера) от вражески настроенных местных племен, он в конце II в. до н. э. строит целую систему фортификационных сооружений, с другой стороны опираясь на правящие торговые круги города, стремится к выколачиванию ценных ресурсов из страны³¹. Нам кажется, что в данном случае в политике Понтийских царей, проводимой в течение всего эллинистического периода по отношению к городам Северо-Восточного Причерноморья, можно видеть определенную преемственность. Как видно, для осуществления политических и экономических интересов Митридата Евпатора, а именно для гос-

³⁰ Шамба Г. К. Указ. соч., с. 40.

³¹ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, с. 230—232.

подства над основными опорными пунктами и крупнейшими центрами Причерноморья, почва была подготовлена гораздо раньше, контактами, установленными еще в III—II вв. до н. э. между ними и царями Понта³².

Весьма интересно, что бронзовая табличка с надписью, исполненная в III в. до н. э. в Эшерах, продолжала стоять и при Митридате Евпаторе, в период строительных работ, проводимых в городе Понтийским царем (конец II в. до н. э.), оставаясь официальным документом, свидетельствующим о правах его предшественников-предков (плита простояла здесь до поражения Митридата и бегства его на Боспор).

В связи с вышесказанным, для подтверждения нашего предположения, важное значение имеет рассказ Помпея Трога (I в. н. э.), из которого следует, будто, по словам самого же Митридата, колхи наряду с Пафлагонией и Боспором, были присоединены Митридатом VI-м законным путем, по наследству, по завещанию или соглашению³³. Анализируя это сведение В. Д. Шелов делает наблюдение, что «Митридат обладал какими-то формальными основаниями для овладения Колхидским царством, например, в виде завещательного распоряжения, подобно тому, какое имелось на Боспоре»³⁴. Однако, исходя из данных других авторов (Страбон, Мемнон), В. Д. Шелов здесь же замечает, что подобную ситуацию нельзя распространять на всю Колхиду³⁵.

Предложенное нами толкование эшерской надписи вполне согласуется с вышеприведенным рассказом Помпея Трога. Кроме того, оно дает возможность уточнить указание этого автора, установить его достоверность. На основании этой надписи можно утверждать, что рассказ Помпея Трога опирается на вполне достоверные источники, содержащие ценные све-

---

³² Высказывая подобное предположение на основании толкования текста эшерской надписи, здесь же должны заметить, что к аналогичному выводу приходит Д. Б. Шелов в своей статье «Колхида в системе понтийской державы Митридата VI», в результате анализа письменных источников и имеющегося археологического материала. По словам автора: «Создание державы Митридата явилось закономерным завершающим этапом подготовляющегося издавна объединения всех припонтйских земель в рамках единого политико-экономического целого... Постоянство и интенсивность внутривпонтйских связей, близость судеб отдельных припонтйских районов довольно рано вызвали к жизни идею политического объединения этих земель, осуществить которую, хотя и на короткий срок, удалось лишь Митридату Евпатору...» (Шелов Д. Б. Указ. соч. в сб. «Кавказ и Средиземноморье», Тбилиси, 1980, с. 199.

³³ Iust, XXXVII, 1, 7. 10.

³⁴ Шелов В. Д. Указ. соч., с. 200.

³⁵ Там же, с. 200, 201.

дения о правах предшествующих Митридату царей Понта на часть побережья северной Колхиды (на округу Диоскурии), основанных на соглашении, заключенном в городе Эшера³⁶ (к сожалению эти сведения, как и весь рассказ Помпея Трога, дошли до нас в сильно сокращенном виде)³⁷.

Таким образом, эшерская надпись является официальным документом политического характера, а именно договором, соглашением, заключенным с одной стороны Диоскурией (Эшера), с другой южнопонтийскими центрами (Гераклеей) и Понтийским царством. Заключение этого договора со стороны эшерцев преследовало цель обеспечить город от дальнейших набегов пиратских племен военной помощью вышеуказанных властей и закрепить экономические контакты с ними. Судя по декретам аналогичного характера, установленным в схожей ситуации (договор Херсонеса с Фарнаком в 179 г. до н. э.), в эшерском декрете описывалось вторжение врага и разрушение города (Эшера), затем речь шла об оказанной помощи и его восстановлении, к этому добавлялось обещание о содействии со стороны Гераклеи и Понтийского царства в случае повторения подобной акции.

Все вышесказанное полностью согласуется с мнением Т. С. Каухчишвили о датировке эшерской надписи III веком до н. э. Дальнейшее исследование этой надписи, с привлечением других дополнительных данных, дело будущего. Оно может многое изменить в нашем нынешнем толковании текста.

---

³⁶ Заметим также важную деталь: в указании Помпея Трога речь идет о присоединении Митридатом по завещанию не всей Колхиды, а лишь колхов, в которых, вероятно, и подразумевается часть населения побережья северной Колхиды.

³⁷ См.: Юстин, Эпитома сочинения Помпея Трога „Historiae Philippicae“, ВДИ, 1954, № 1—4, 1955, № 1.

Р. С. РЦХИЛАДЗЕ

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РАБОВ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

Изучение «Истории» Геродота с целью выяснить смысл, вложенный в терминах, обозначающих понятие раб, дало возможность предположить, что результаты, извлеченные из других античных источников, исследованных с той же целью, в сущности не противоречат нижеследующим нашим заключениям. Однако, следует сказать, что поскольку данная работа первый опыт такого изучения Геродота, дальнейшее изучение и углубление изысканий даст возможность выявить оригинальные нюансы в значении исследуемых терминов. На данном же этапе мы постараемся уточнить и показать лишь некоторые интересные особенности смыслового значения интересующих нас терминов.

Термины *δοῦλος* и *ἀνδράποδον* самые распространенные термины, обозначающие рабов, встречающиеся в античных источниках, в том числе и в «Истории» Геродота. Что касается термина *οἰκέτης*, он обозначает патриархального, или домашнего раба, а также прислугу нерабского статуса. Термин с корнем «дул», по своему значению является самым типичным и широким термином передающего понятие «раб». Он заменяет другие термины не только в тех случаях, когда речь идет об одном и том же лице, но в разных аспектах¹, а несет в себе функциональный и социально-экономический смысл других терминов самостоятельно. Это последнее явление, как нам известно, не получило еще должного освещения.

Термины с корнем «дул» довольно часто встречаются у Геродота как обозначение военно-политически зависящего народа; аналогично, глаголы с этим же корнем имеют смысл порабощения, порабощения (в масштабах племен и стран). Слова с этим корнем имеют значение морально-психологического фактора, определяющего отношения людей в пределах одной страны; вышеуказанные значения слов с корнем «дул» отли-

¹ Казакевич Э. Л., Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах, ВДИ, 1966, № 3, 123.

чаются от социально-экономической категории понятия «раб». Образованное от того же корня слово *δουλεία* всегда представляет антитезу понятия свобода — *ἐλευθερία*. Приведем несколько примеров. Предупреждая афинян о таинственных замыслах Мардония, македонский военачальник Александр говорит: «не желаю видеть Элладу поработенной, а не свободной» (IX,45). Здесь речь идет о покорении Греции Персией и дана антитеза рабство-свобода, где первое слово в паре выражено с помощью корня «дул»². Словом с корнем «дул» выражено положение ионян, находящихся в политической зависимости от Персии; в речи, обращенной к Клеомену, царю Спарты: «дети ионян стали рабами» (V,49), Гегесистрат упрямил спартанцев спасти ионян от персидского ига, это последнее состояние выражено словом производным от того же корня. О политическом поработении Эллады говорится в надписи у эвбейских источников, которую сделал Фемистокл; глагол *καταδουλώω* здесь имеет значение политического покорения военной силой противника (VIII,22). Артемисия, галикарнасская союзница Ксеркса, плохими рабами именует египтян, киликийцев, киприян, памфилийцев, также союзников Персии. Изучаемый термин здесь имеет семантику зависимости от более сильной державы какой-либо страны (VIII,68). Мардоний в обращении к Ксерксу не раз употребляет слово с корнем «дул» для обозначения завоевания других племен (VIII,100). Спартанцы укоряют афинян в том, что они звергли Элладу в рабство Персии (VIII,142). И здесь интересующий нас термин выражает аналогичный смысл. В ответе афинян спартанцам по тому же вопросу глагол с корнем «дул» имеет опять значение политического подчинения. (VIII,144). Из текста, касающегося Египта (VII,7,8) становится ясно, что слова с корнем «дул» употребляются в смысле захвата, покорения страны. Примеры с такого рода значением интересующего нас термина более многочисленны, но здесь их придется опустить.

Как уже упомянуто выше, термин «дул» часто имеет значение, которое содержит специфику морально-психологического характера, определяющего отношения не только между самодержцем и высшими сановниками, а также главами союзных народов, но и между правителем и подчиненными греческих государств. Ксеркс именует милетского тирана Ариста-

² Интересна другая антитеза из V,92, где речь идет обо всех коринфянах; термины *ἐλευθεροῦς-ἀμύρολος* делятся на две половины; в данном случае второй термин (имя и узкое значение служанки, жрицы), имеет смысл несвободной женщины со статусом рабыни.

гора «нашим рабом» (VII,8)³. Таким же именем нарекает он лидийского царя, который считается его союзником (VII,39). Вожди завоеванных народов в войске Ксеркса также фигурируют под названием рабов. Главнокомандующий персидским войском Мардоний тоже именуется рабом царя в речи Артемиссии (VIII,102); Так любой представитель государства, на какой бы ступени социальной иерархии он ни стоял, в морально-психологическом аспекте выступал как раб главы страны. Многие персы, рабы такого рода, фактически были наделены великой дружбой и уважением царя. Так себя представляет перс Гидарнес, правитель прибрежных народов Азии. Именно так характеризует свое влиятельное положение сам Гидарнес, а спартанцы его укоряют в том, что он будучи рабом, не знает свободу (VII,135). На самом деле он и подобные ему рабы, имея великие материальные, административно-политические преимущества, чувствовали лично-моральное удовлетворение и гордились им. Диалог между Гидарнесом и спартанскими посланцами сам по себе хороший пример противопоставления национальной и социальной психологии двух разных народов. Здесь сказывается и характерная для Геродота позиция в отношении целесообразности того издревле для каждого народа, присущего социально-политического строя и морально-психологического настроения, которая и приносит благо каждой из них⁴. Из описания структуры персидского войска, где вожди племен и простые воины именуются рабами, остается впечатление, что они как бы противопоставляются военачальникам (VII,96), но вышеразобранные примеры с Мардонием и Гидарнесом доказывают неправомерность такового: они тоже были для царя рабами⁵. Обзывая этим последним словом всех подданных царя, греки не только вкладывали иной смысл в нем, но и старались унижить своих политических и военных противников. Они выставались неспособными к мужественным действиям, боевой сообразительности и т. п. (V,49). Тиранин Самоса Поликрат вместо себя во главе страны поставил Меандрия. После смерти Поликрата Силосонт, брат тирана, завидуя единовластию Меан-

³ Примечательно, что в английском переводе «Истории» (Годли), а также в русском переводе Стратановского Мардоний представлен слугой царя, что вполне правомерно.

⁴ Лурье Я. А. Геродот, М., 1947, с. 97.

⁵ Нелья согласиться с Казакевичем, утверждающем, что когда термин «дул» и его словообразования несут характер политических или других фигуральных образов, то положение лица, обозначенного ими аналогично положению бесправных рабов, стоящих на самом низком уровне общественного положения. Достаточно вспомнить хотя бы положение Артемиссии (VIII,68,69,101—103). См. Казакевич Э. Л. Ук. соч., с. 122.

дрия, просит помочь персов завоевать остров, и упоминает о том, что Меандрий «наш раб», несмотря на социально нерабское происхождение его. Меандрий раньше был секретарем тирана, отец его исполнял важные поручения государственного значения. Вообще, это был известный род и за пределами родины: персидские власти поставили во главе острова Лемноса, брата Меандрия, Ликарета (V,27). Геродот подчеркивает, что он был братом царствовавшего на Самосе Меандрия. Правда, политические противники Меандрия предъявляли ему обвинения в безродности, но это, видимо, был преднамеренный ход для его очернения перед соотечественниками и приобретения сторонников⁶.

Перейдем к примерам с термином «дул» в тех случаях, когда он понимается как раб с типичными социально-экономическими и квалификационно-видовыми признаками. Поставляясь при этом выделить какую-либо специфику понятия «раб», если таковую возможность предоставляет контекст⁷. В III,125 у Геродота упоминаются рабы (δοῦλοι) Поликрата. Здесь речь идет о людях рабского статуса, но уточнить что-либо характеризующее понятие «раб» нет никакой возможности. Но из сообщения о рабыне самосца Иадмона, а затем Ксанфа, который и привез ее в Египет, где она стала куртизанкой, известной и богатой, можно кое-что и уточнить. Родопис, так звали куртизанку, была родом из Фракии. Неизвестно, являлась она на родине свободной и ее похитили насильно, или купили уже как рабыню, но в дальнейшем перепроданная не раз, она за большую сумму была выкуплена и освобождена митиленинином Хараксом (II,134). Здесь налицо специфика раба, как предмета купли-продажи, а затем и освобождения за плату внушительную, поскольку ее индивидуальные качества и функция куртизанки на рынке котировались высоко. Интересное сообщение можно извлечь и из другого отрывка Истории: Гистией послал своего верного раба вестником в Милет с тайным поручением. Известно, что рабы служили слугами у своих господ, и в частности, исполняли функцию вестников. Трудно сказать, были ли все вестники рабами, но видимо это зависело от важности и характера сообщения, как и от объекта назначения. По велению Камбиса детей царя и вельмож Египта одели в рабские одежды (III,14). Видимо, рабы имели отличную от свободных одежду и в Египте и в Персии.

В VII,155 упоминаются рабы-дулы, как часть сиракузского населения, которая была известна под местным названием

⁶ На страницах «Истории» не раз встречается этот прием: выдавать противника безродным, приписывать подлость, трусость и т. д.

⁷ Казакевич Э. Л. Ук. соч., с. 121—134.

киллириев. Остальная часть же состояла из земледельцев (гаморы) и демоса. Здесь интересующий нас термин носит характер социально-экономической квалификации определенной части населения.

Особенно примечательным для нас оказалось упоминание Геродотом скифских рабов «дулами», поскольку он же указывает: все они были добыты на войне; это бывшие военнопленные, проданные затем в рабство⁸. Обычно таких рабов именовали андраподами⁹. У Геродота находим и другой пример, когда похищенная и проданная в рабство женщина, свое положение выражает словом с корнем «дул» (II,56). Еще один пример можно привести, где аналогично плененная во время войны и проданная затем в рабство девушка, находясь наложницей у знатного перса, в просьбе обращенной к Павсанию, говорит о спасении ее от рабства в плену (IX,76). Ясно, что все эти примеры типичные случаи, когда вместо андрапода употребляется более широкий по смыслу термин. Слова с корнем «дул», видимо, заменяли андраподов не только в тех случаях, когда в тексте одно и то же лицо рассмотрено с разных углов зрения, а и в тех случаях, когда более узкого значения и вовсе нет¹⁰. В нижеследующих примерах термин «андрапод» везде употребляется в смысле лица, или группы людей, плененных и затем проданных в рабство. Из интересующего нас текста следует, что дело касается пленения и порабощения самосского населения персидскими военными силами во главе с Отанесом (VII,147). В другом месте сообщается: по просьбе Силосонта, брата тирана Поликрата, Дарий послал войско, чтобы свергнуть правителя острова и вручить бразды правления ему, но без пленения и порабощения на-

⁸ О функции этих рабов, плененных и ослепленных скифами якобы для сохранения продуктов, высказано много противоречивых мнений. См. Доватур А. И. Каллистов Д. П., Шишова М. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 203, 297. Мищенко Ф. Г. Слепые рабы. М., 1900 и др.

⁹ IV,2. Происхождение термина связано с рабами, бывшими пленниками. В классическую эпоху он приобретает типичные признаки античного раба. Ленцман Я. А. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, с. 59—63.

¹⁰ Вестерман вполне справедливо утверждает, что в юридических документах, как узкий, так и широкий термины приведены в схожих случаях. Поскольку лица, подразумеваемые под ними, были лишь объектами права, а не юридически ответственные фигуры, то нет возможности определить их отличия по контексту. Претензия Казаковича к Вестерману по этому поводу не обоснована. См. Казакевич Э. Л. Ук. соч., с. 123, 124. Westerman W. L., Solaverzi, RE Suppl VI, s. 902.

рода (VII,140). В обоих случаях в тексте употребляется глагол *ἀνδραποδίζω*. Этим же глаголом выражено пленение и рабощение переселившихся на Крит самосских уроженцев (III,59). Аналогичное словоупотребление встречается и в III,125, где повествуется о казни Поликрата, пленении и продаже в рабство всех иноземцев и дулов из свиты тирана¹¹. В истории покорения острова Лемноса сообщается о продаже пленников в рабство (V,27). В VII,29 рассказывается о том, что фесалийцы угрожают фокидянам в случае неповиновения отнимут у них земли, полонят и затем продадут как рабов. Артабаз также угрожает пленить и продать в рабство потидейцев. Во всех этих случаях тоже употребляется аналогичный глагол (VIII,126). В одном из эпизодов греко-персидской войны рассказывается о захвате персами эгинской триремы; с побежденными моряками персы обошлись как с андраподами, пощадили лишь одного тяжело раненного бойца, самого храброго. Его бережно вылечили и с почетом обращались, так как считали примером доблести (VII,181). Интересен и следующий пример употребления интересующего нас термина. Рассказывается о Демокее, кротонском враче, который попал в плен и был продан в Лидии как раб, находился в оковах в ужасных условиях вместе с другими себеподобными лицами. Все эти военнопленные рабского положения именуется в тексте андраподами (129,III). Его освобождают по рекомендации приближенных Дария, которому необходимо было опытного лекаря. Став придворным врачом, Демокед разбогател и был в почете. Однако при случае бежал на родину и скрывался в Кротоне. Персы угрожали кротонянам, что если они не выдадут врача, то Дарий первым долгом покорит их и превратит кротонян в андроподов. Это последнее слово в тексте тоже имеет смысл пленения и продажи в рабство (III,132,137). Андраподом именуется также прорицатель из Элиды, которого спас Демокед (III,132). Из этих последних отрывков видно, что андраподы находились в самых тяжелых условиях из всех категорий рабов; но, по-видимому, в исключительных случаях их могли и высвободить. Не только вышерассмотренные тексты из «Истории», но и многие другие, где встречаются слова с корнем «андрапод», свидетельствуют о том, что здесь речь идет о пленении и продаже в рабство людей, независимо от того, были ли они раньше подневольными или нет. Однако, есть три случая, которые нам удалось проследить в «Истории», где в семантике исследуемого термина подчеркну-

¹¹ Стратановский упомянутое место переводит правильно. В переводах Мищенко и Каухчишвили говорится о «рабстве рабов», что неудобно, поскольку не акцентировано пленение, специфичное для андроподов. В английском переводе даны *servant* и *slave*, что также неправомерно.

то его материально-имущественное значение. Известно, что в источниках более позднего времени этот термин намного чаще имеет такой смысл¹². Перечисляя богатства острова Наксоса, Аристагор называет и андраподов (V,31). Царь Лидии Пифий преподнес Ксерксу драгоценные дары и сказал, что для себя он еще достаточно имеет с шолей и андраподов (VII,28). Здесь, как и в первом случае подчеркнута имущественная ценность андраподов. Кроме этого, из слов Пифия можно предположить, что эта категория рабов была занята в производстве, поскольку они выделены от сельскохозяйственных доходов. Похоже, что здесь мы имеем дело с одним из первых упоминаемых андраподов, как занятых ремесленным или другим производственным трудом классических рабов. Поскольку тогда Лидия известна была передовой экономикой, это и неудивительно. Третий случай употребления термина с подчеркнутым имущественным значением можно наблюдать в речи Аристагора перед царем Спарты. Он перечисляет несметные богатства Азии, золото, серебро, медь, вычуженный скот, богатые наряды и еще андраподов (V,49). Как видно, усиление имущественного аспекта термина происходило по мере утраты им первичного значения. Большинство андраподов развитого античного периода было занято на производстве, что усиливало их имущественное значение.

Известно, что термин «ойкет» обозначает домашнего раба и прислугу (возможно иногда и не рабского статуса). Термин появился с древнейших времен патриархального рабства (у Гомера он уже наяву)¹³. Для иллюстрации положения рабов этой категории «История» предоставляет весьма интересные примеры. Некий Микинф был назначен его господином, Анаксилаем, управляющим города Регия. До этого он был ойкетом. Трудно сказать, был ли он рабского статуса, но достиг высокого положения, видимо, по собственным заслугам. Богатства у него были большие, даже после изгнания из Регия он имел довольно хорошее достояние, так как посвятил множество статуй в Олимпию (VII,170)¹⁴. Видно, что юридическая

¹² Ленцман Я. А. Ук. соч., с. 65—67. В эллинистическую эпоху экономическое положение андраподов было далеко не рабское. Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических городах III—I вв. до н. э., М. 1969, с. 137. Moggow G. B. *Platos Law of Slavery in its Relation to Greek Law*, Urbana III, 1939, p. 134—136.

¹³ Ленцман Я. А. Ук. соч., с. 50—55; Доватур А. И. Рабство в Аттике, VI—V вв. до н. э., Л., 1980, с. 28. О трудностях определения терминов, обозначающих рабов и сложности их функционального назначения см.: Казакевич Э. Л. Ук. соч., с. 120—121

¹⁴ В русском переводе Мищенко ойкет переводится как раб, что не имеет обоснования. Стратановский и Каухчишвили понимают термин как слуга, который мог быть, конечно, и не рабом.

сторона не представляла собой загвоздку, коль кто-либо мог достигнуть изменения своей функции. В повествовании о похищении Елены Александром еще раз встречается термин «ойкет». Слуги Александра, недовольные им, бежали и укрылись в храме Геракла, где как сообщает Геродот, могли укрыться по традиции все беглые ойкеты: они становились неприкосновенными (II,113). Поскольку в тексте слуги Александра значатся под термином „*ἄριπλοῦτος*“, можно предположить, что социальный статус и функция этих слуг совпадали со статусом и функцией ойкетов. Они прислуживали своему господину. В подобных храмах укрывались и рабы-дулы, и если Геродот в контексте употребляет «ойкет», то видимо, слуги и ойкеты в данном случае не должны были быть лицами рабочего статуса. Происхождение данного термина ведь связано как раз с функцией прислуги¹⁵. Они могли быть иногда и свободными. Ойкет в смысле домашней прислуги упоминается также в повествовании о ранней истории Афин, когда Геродот сообщает об оскорблении пеласгами юных афинян, исполняющих обязанности водоснабженцев в обществе. Геродот здесь же сообщает, что в то время ни у афинян, ни у других греков не было еще ойкетов (VI,137). Данное место в «Истории» очень примечательно, так как осмысление интересующего нас термина непосредственно связано с той эпохой, когда в Греции еще не наблюдалась классовая дифференциация¹⁶. Появившиеся в последующем времени ойкеты (ими стали как раз эти указанные в контексте молодые члены семейств), были заняты исполнением домашних дел. В дальнейшем из них формируются патриархальные рабы. В связи с этим не лишено интереса одно сообщение Афинейя (для него ойкет — домашняя прислуга, независимо от того, был он рабом или нет). Некто Маасон в Фокиде приобретает 1000 ойкетов, чем заслужил страшный гнев фокидян, так как отнял у них юных

¹⁵ Ленцман Я. А. Ук. соч., с. 55, 56. Ср. Валлон А. История рабства в Аттике, М., 1941, с. 331, прим. 13. О трудностях выяснения терминов, означающих рабов и об их функциях см. Biezuska Malowist, Les lavage dans l'Egipt Greco-Romaine, Warszawa, 1974, 10.

¹⁶ Время, когда по Геродоту у эллинов еще не было ойкетов, в Афинах связано с изгнанием пеллагов, что по нашим расчетам должно было произойти в XII в. до н. э., точнее в его начале. Пеллаги соорудили стены акрополя в Афинах. Самая поздняя их часть датирована археологами как раз этим временем. Афиняне расплатились с пеллагами за эту работу бесплодными земельными участками, но новые хозяева усердием своим добились небывалого расцвета и плодородия в садах, разбитых на новых землях. По версии Гекатея, афиняне, позавидовав им, нашли повод для их выселения. С окончания строительства стен до этого момента могло пройти не более десяти лет.

членов семейств, исполняющих, естественно, домашние обязанности, ведь в Фокиде было запрещено иметь ойкетов¹⁷. Я. А. Ленцман высказал сомнения по поводу того, что не могло быть столько домашней прислуги у одного человека, поскольку ойкеты — здесь еще не рабы¹⁸. Но ведь возможно, что ойкетами они названы не потому, что таковыми они должны были остаться у Маасона, а потому, что в других более развитых регионах Греции, куда их должен был перевести владделец и сбывать, они приняли бы функцию, подобающую названию. Если фокидяне получили бы какую либо мзду за то, что лишились помощи на дому, то они не так бы и разгневались, как это указано в источнике. Как удалось Маасону переманить фокидскую молодежь неизвестно, но факт, что цель приобретения большего количества ойкетов была их реализация с прибылью. Как видно, в рассматриваемом источнике термин «ойкет» потенциально содержал смысл слуги при доме. Все три случая употребления этого термина у Геродота должно быть исключают индивидов, подразумевающих под ними из числа людей рабского статуса.

¹⁷ Платон, Тимей (VI, 264 с.).

¹⁸ Ленцман Я. А. Ук. соч., с. 54, 55; Афиней, VI, 264 d.

Д. А. ХАХУТАИШВИЛИ

ДРЕВНЕКОЛХИДСКОЕ ЖЕЛЕЗО И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Данные, полученные за последние 25 лет в результате археологических изысканий на территории Западной Грузии, убедительно показали, что древняя Колхида (Кулха) являлась основным производителем и главным экспортером железа в передовые, в культурно-хозяйственном отношении, страны Восточного Закавказья, Ближнего Востока и Эгейского мира. Естественно, она удовлетворяла, в первую очередь, собственные потребности в железе.

На современном уровне наших знаний обоснование данного положения выглядит таким образом:

1.1. В предгорной полосе Восточного Причерноморья (т. е. в современной Западной Грузии) был выявлен мощный центр древнего производства железа, состоящий из четырех основных железопроизводящих очагов, расположенных в бассейнах рек Чорохи (близ г. Батуми), Чолоки-Очхамури (близ г. Кобулет), Супса-Губазеули (близ г. Махарадзе) и Хоби-Очхамури (близ районного центра Чхороцку)¹. Общая численность археологических объектов, принадлежащих к древним очагам железопроизводства, превышает двести единиц. Имеются материалы, на основе которых можно утверждать, что один из мощных железопроизводящих очагов Колхидского горно-металлургического центра функционировал и в Южной Колхиде, на западных склонах Лазистанского и Гююшанского хребтов, к востоку и северу от р. Термодонта (Ешил-Ирмака), в области, именуемой у древних авторов Халибией. По Гекатею Милетскому (в изложении Стефана Византийского) «Халибы — народ у Понта, на Термодонте...» (fr. 195). Слава халибов в производстве стали на древнем Ближнем Востоке и в Эгееде была настолько высока, что Аристотель приписал им приоритет в изобретении нержавеющей стали². В конце V в.

¹ Хакхутаишвили Д. А. Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа. «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», 151, 1977, с. 29—32; его же. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.

² Аристотель. О невероятных слухах, 833.

до н. э. Ксенофонт увидел, что приморские халибы «...народ малочисленный, подвластный моссиникам и большая часть их живет добычей железа»³. Ситуация более раннего времени отражена и в ранней библейской традиции.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в составе древнеколхидского центра железопроизводства числилось не менее 5 основных производственных очагов. Все они составляли единую область, обеспечивающую необходимым количеством железа обширный район древнего Ближнего Востока и Эгейского мира⁴.

1.2. Самые древние железоплавильные мастерские из числа раскопанных за последние годы, по калиброванной радиоуглеродной дате, относятся к рубежу XIX—XVIII вв. до н. э. (мастерская «Мшвидобаури II»), а самые поздние — к раннеантичному времени (мастерская «Аскана III/3») ⁵.

1.3. Железопроизводящие очаги Колхидского горно-металлургического центра расположены в предгорной полосе Большого и Малого Кавказа, в зоне распространения огнеупорных и тугоплавких глин, а также «твердой породы» лесов, способных дать высшего качества древесный уголь, употребляемый древними мастерами в качестве топлива при плавке железной руды.

1.4. В качестве сырья для получения железа древние колхи употребляли: до IX века до н. э. — магнетитовые пески, а с IX века до н. э., наряду с магнетитом, применялся и гематит и, вероятно, другие виды железной руды⁶. Магнетит, по всей вероятности, употребляли и в Юго-Восточном и Южном Причерноморье. По Аристотелю: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисско-

---

³ Ксенофонт. Анабазис, V, 4, 1.

⁴ Хахутайшвили Д. А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии. «Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник)». V, Тбилиси, 1977, с. 119 и сл.; его же. Производство железа в древней Колхиде.

⁵ Хахутайшвили Д. А. Производственный очаг колхидско-халибского горно-металлургического центра в ущелье Супса-Губазеули. Сборник: «Памятники Юго-Западной Грузии», X, Тбилиси, 1981. После калибровки радиоуглеродных дат погрешности старой датировки были исправлены, что будет учтено в новых публикациях; его же. Производство железа в древней Колхиде. Кавтарадзе Георгий. К хронологии эпохи энеолита и бронзы в Грузии. Тбилиси, 1983, с. 29, 151—152.

⁶ Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории раннего этапа производства железа в Северной Колхиде. «Памятники Юго-Западной Грузии», IX, Тбилиси, 1980, с. 3—38; его же. Производство железа в древней Колхиде.

го; оно получается, по рассказам, из песка, несомого реками⁷.

1.5. В начале восьмидесятых годов было начато археологическое изучение нового крупного производственного очага древнеколхидского железопроизводящего центра, расположенного в Центральной Колхиде, в устье рек Супса и Губазеули и насчитывающего более 100 объектов. Была раскопана группа железоплавильных мастерских, самые ранние из которых, как было сказано, датируются рубежом XIX—XVIII вв. до н. э.⁸, а самые поздние относятся к раннеантичному времени⁹.

Сопоставление данных, полученных из этого и других производственных очагов Колхидского горно-металлургического центра, показало, что конструкция железоплавильных печей не менялась на протяжении целой эпохи — с XIX по VI век до н. э. Лишь в раннеантичное время, наряду со старыми, появляются новой конструкции плавильные печи, что, по всей вероятности, было связано с приходом на территорию Восточного Причерноморья греческих общин, принесших из метрополии ряд технических новшеств. Этими же историческими фактами можно объяснить, например, появление в Колхиде вертикального ткацкого станка, неизвестного здесь до раннеантичного времени¹⁰.

Проведенные параллельно исследования раннесредневековых железоплавильных мастерских Западной Грузии показали, что появившийся в Колхиде в раннеантичную эпоху новый вид железоплавильной печи стал прототипом средневековых плавильных печей этого региона. По всей вероятности, древнеколхидские плавильные печи, выдержавшие более чем тысячелетнее производственное испытание, в конце концов устарели не только технически, но и морально.

Таким образом, в предгорной полосе Восточного Причерноморья (Колхиды) с начала II тысячелетия до н. э. зародилась основанная на местной сырьевой базе металлургия железа, которая стала давать больше металла, чем осваивалось внутренним рынком. Все нарастающий темп производства железа заставляет признать, что потребителями излишков производимого железа являлись развитые в хозяйственном и социальном отношении близкие и дальние соседи древних колхов, стимулировавшие рост железопроизводства и давшие ис-

⁷ Аристотель. О невероятных слухах. 833

⁸ Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде.

⁹ Хахутайшвили Д. А. Новооткрытые памятники..., с. 30—31.

¹⁰ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, с. 111—112.

токи всеобщей славе колхидских племен как искусных мастеров по добыче и обработке металлов (библейская и древнегреческая письменные традиции, некоторые клинописные тексты).

III.1. На территории ранее «отсталых» в социальном плане предгорий Закавказья и Ближнего Востока, в эпоху раннего хозяйственного освоения железа, наблюдается расцвет хозяйственной жизни, сопровождаемый резкими сдвигами в социально-политическом развитии; возникают новые политические формирования (Урартское царство, Дияухи, Колха и т.д.). В эту же эпоху происходит почти полная перекройка политической карты Переднего Востока — исчезают одни и появляются другие политические формирования. Этим процессам, как полагают, способствовало и нашествие т. н. «морских народов».

Судя по результатам исследований последних лет, применение выплавленного железа начинается довольно рано — в III тысячелетии до н. э.¹¹, но, по всей вероятности, оно имело спорадический характер, так как железо в плавильных печах получали случайно, вероятно, при плавке полиметаллических руд. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что технология выплавки железа была окончательно отработана в первой половине II-го тысячелетия до н. э., вероятно, после долгих исканий и определения основных технических характеристик железа. Наши материалы говорят и о том, что картвельские (колхские) племена были одними из первых, кто обработал технологию выплавки железа и создал конструкцию железоплавильной печи, которая продержалась более тысячелетия, не претерпев существенного изменения. Не исключено, что данная конструкция плавильных печей генетически исходит из конструкции медеплавильных печей среднебронзовой эпохи.

Но сравнительно широкое хозяйственное применение железа на Ближнем Востоке, в том числе и в Закавказье, начинается в последние века II тысячелетия до н. э.¹², хотя бронза еще долго остается основным металлом для изготовления хозяйственных орудий и боевого снаряжения.

В первой четверти I-го тысячелетия до н. э. стальные изделия постепенно вытесняют бронзовые. Последние хотя и сохраняют ведущую роль в некоторых регионах, но лишь вслед-

¹¹ См. Гюргадзе Г. Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов. В сб-ке: «Древний Восток. Этно-культурные связи», М., 1988 (в печати).

¹² Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. «Вестник» Государственного музея Грузии, том XXII-V, 1961, с. 292—382.

стве устойчивости традиций, консервативности религиозных верований или же наличия неблагоприятных для производства железа природных условий.

В данную эпоху передовые страны Месопотамии широко использовали железо как для военных, так и для хозяйственных нужд.

С другой стороны, можно констатировать, что потребители железа не всегда являлись его производителями.

II.2. Восточное Закавказье, Египет, Урарту, Ассирия, Элам, Вавилония и другие страны Ближнего Востока почти до конца древневосточной эпохи широко применяли железо и высоко его ценили¹³, но ни одна из перечисленных нами стран почти до самой своей гибели не производила достаточного количества железа, соотносимого с его потреблением. Следовательно, эти страны широко практиковали импорт железа и железных изделий¹⁴.

II.3. На основе изложенных выше обстоятельств, можно сделать вывод, что Восточное Причерноморье и восточная часть Южного Причерноморья, очерченная Термодонтской дугой, составляли ту область, которая в эпоху раннего железа являлась основным центром производства железа для стран Ближнего Востока и Эгейского мира. Вопрос о масштабах восточно-средиземноморского центра железопроизводства и его значении, а также хронологии, остается пока открытым из-за отсутствия первоисточников.

II.4. Для окончательной оценки реально существующего положения, необходимо в большом объеме изучить и сопоставить составы стальных изделий из разных регионов Ближнего Востока и железных шлаков и изделий, выявленных в Колхиде. Проведение такой работы в ближайшем будущем даст науке много ценного для решения столь важной в истории человечества проблемы.

---

¹³ Siegelova J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im Hethitischen Reich im 2. Jahrtausend v. u. Z. „Annals of the Naprstek Museum 12“. Prague, 1984, pp. 71—168; Гиоргадзе Г. Г. Указ. соч. (в печати).

¹⁴ Сборник: „The Coming of the Iron Age“, New-Haven-London, 1980; Хухутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде.

М. Ш. ХИДАШЕЛИ

МОДЕЛЬ СВЯТИЛИША ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В начале I тысячелетия до н. э. в Центральном Закавказье интенсивно протекал процесс разложения первобытнообщинных отношений и создавались условия для возникновения раннеклассового общества: хозяйственное освоение железа, интенсивное земледелие, высокоразвитое ремесло, производящее обильную продукцию и способствующее возникновению товарообмена, племенная аристократия, узаконившая культ вождя.

Переходная ступень от бесклассового общества к классовому, характеризуется заметной мифологичностью человеческого мышления, именно в это время формируется и грузинский народный эпос об Амирани, а также ранние эпизоды Нартского эпоса.

В эпоху разложения первобытнообщинных отношений создаются предпосылки для выделения искусства из единого до тех пор мифоэпического комплекса. Формируются новые средства образного познания. Искусство именно этого периода характеризуется новыми художественными решениями, поисками новых приемов, определенными исканиями в области художественной формы, распределения фигур на плоскости, передачи движения и т. д. На памятниках этой эпохи часто встречаются изображения животных и людей. Несмотря на явную мифологичность их содержания, эти сюжетные композиции часто приобретают характер жанровых сцен, в которых бытовая действительность передается почти реалистически¹.

Именно в это время в Центральном Закавказье создаются крупные племенные объединения, на основе которых в последующий период возникают большие государственные образования. Интенсивно должен был протекать и процесс идеологического объединения этих племен, который в первую очередь должен был выразиться в создании общих божеств и

¹ Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа, Тбилиси, 1982, с. 12. (на груз. яз.).

крупных культовых центров общественного назначения, которые обслуживали большие социальные коллективы. Несомненно, что именно в эпоху раннего железа в Центральном Закавказье заметно увеличивается число культовых центров и культовых помещений. Памятниками подобного рода в Грузии являются Катналис Хеви, Ховле Гора, Нацар Гора, Мели Геле I, II, Шилда, Мелаани; в Азербайджане — Сари Тепе, Баба Дервиш; в Армении — Мецамор, Двин. У храма или святилища, именно в эпоху раннего железа, появляется самостоятельное хозяйство (пашни, виноградники). Этот немаловажный факт говорит о том, что к этому времени увеличивается число обслуживающего персонала этих святилищ, а также указывает на увеличение подати общинников в пользу служителей культа². Светская и духовная власть постепенно концентрируется в одних руках, чаще всего составляет привилегию одного рода. Усиливается слившийся с культом предка культ вождя, что фактически означало узурпацию власти³.

В начале I тысячелетия до н. э. усложняется и внешний облик древнейших святилищ — они содержат довольно многочисленный комплекс строений. Святилище Катналис Хеви было расположено на двух небольших холмах. На маленьком помещались хозяйственные помещения, на большом — само святилище. На сегодняшний день хорошо изучены четыре постройки, со множеством комнат, алтарей, хозяйственных печей и принесенных в жертву многочисленных изделий. Алтари украшались скульптурными изображениями быка, козы, собаки, оленей и др. Перед алтарем был зарыт в землю большой чернолощенный сосуд, заполненный священной золой⁴.

Интереснейшим памятником является и святилище Нацар Гора, расположенное недалеко от г. Цхинвали, где был раскопан довольно многочисленный комплекс сооружений. В молельнях находились разнообразные алтари, очаги с выступами, хозяйственные печи, жертвенник, перед которым были разбросаны глиняные фигурки быков. В помещениях в большом количестве обнаружены оружие, орудия труда, посуда, зернотерки, встречаются изображения человека, быков, свастики, рядом с алтарями лежали каменные формы для отливки металлического оружия и орудий⁵.

Святилище Ховле (с. Каспи) состояло из нескольких помещений, с довольно многочисленными комнатами. Изучены

² Киквидзе Я. Земледелие и земледельческий культ..., с. 112.

³ Там же.

⁴ Хахутайшвили Д. А. Улисцихе I, Тбилиси, 1964, с. 20—40 (на груз. яз.).

⁵ Гобеджишвили Г. Ф. Сталинская Нацар Гора, «Мимомхил-вели», II, Тбилиси, 1951, с. 239—272. (на груз. яз.).

алтари, хозяйственные печи, обнаружены фигурки людей и баранов, изображения солнца⁶.

На Двинском холме фиксированы каменные фундаменты стен помещений различного масштаба и разного назначения. Установлено, что здесь, в одно и тоже время функционировало несколько святилищ. Привлекает внимание обилие алтарей, интереснейших алтарных стел, культовых предметов. Особенно важным является тот факт, что в одном из святилищ, недалеко от алтаря, была расположена металлообрабатывающая мастерская, свидетельствующая, что здесь производственная деятельность проходила в помещении культового характера⁷.

О значительном богатстве этих святилищ с несомненностью говорят, обнаруженные здесь в большом количестве, поднесенные в жертву божеству предметы. На территории святилища Мели Геле засвидетельствовано 86 000 отдельных предметов и их фрагментов⁸. В Мелаани — около двух тысяч подношений⁹, в святилище Шилда — 3457 единиц¹⁰.

Среди этих предметов встречаются большие сосуды, украшенные геометрическими узорами и фигурами животных, глиняные печати с изображениями небесных светил, оружие, многочисленные бронзовые украшения, бусы, скульптурки людей и животных. Особенно важным, на наш взгляд, является то, что на этих святилищах в большом количестве представлены миниатюрные имитации сосудов, кинжалов, топоров, «древа жизни». Эти предметы не могли иметь практического назначения, изготовлялись для подношений и предназначались божеству.

О богатстве Двинского святилища наглядно говорят масштабы храмового комплекса, обилие и многообразие пожертвованных предметов, прихрамовая металлообрабатывающая мастерская, в которой наряду с изделиями, предназначенными для совершения ритуала, изготовлялись так же оружие и предметы быта. По предположению К. Х. Кушнаревой вся продукция поступала в распоряжение храмовой организации¹¹.

⁶ Киквидзе Я. Земледелие..., с. 202.

⁷ Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, с. 10—17.

⁸ Пицхелаури К. К. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии, Тбилиси, 1972, с. 113 (на груз. яз.).

⁹ Там же.

¹⁰ Майсурадзе Б. Г., Панцхава Л. Святилище Шилда (Каталог), Тбилиси, 1984. (на груз. яз.).

¹¹ Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина, с. 156.

Можно предположить, что в храмовом хозяйстве важное место занимал и скот. Об этом свидетельствуют обнаруженные в большом количестве кости мелкого и крупного рогатого скота. Кроме того, можно предположить, что общинники в пользу божества выполняли определенную обязанность — регулярно поставляли скот богам. Для параллели можно использовать инструкцию для хеттских храмов, в которой говорится о том, что плугарь должен был сдавать в храм первые плоды своего урожая, а пастух был обязан посылать богам первый приплод животных, в виде телят, ягнят, козлят и т. д. Не выполнение этих обязательств считалось грехом и строго каралось¹².

Вышеуказанные памятники имеют огромное значение для изучения общественной стороны жизни древнейшего общества, дают представление о древнейших божествах, об их основных символах, различных инкарнациях. Кроме того, на основании их изучения, становится ясным, что во всех святилищах огромную роль играли алтари, которые украшались антропоморфными и зооморфными символами; важную роль в святилищах исполнял и очаг. Именно вокруг алтарей и очагов обнаружена основная масса подношений и ритуальных предметов.

Нужно отметить и то, что на этих памятниках, к сожалению, почти полностью отсутствуют какие-либо указания для воссоздания картины священнослужения, тех сложных ритуалов, которые должны были исполняться в этих храмах в честь своих божеств.

Для изучения этого важнейшего вопроса огромный интерес представляет один интереснейший памятник, случайно обнаруженный в Восточной Грузии, недалеко от г. Каспи, в селении Гамдлисцкаро. Этот несомненно ритуальный предмет входил в составклада литейщиков, который датируется VIII—VII вв. до н. э.¹³

Этот своеобразный культовый предмет представляет листовидную пластинку овальной формы (дл. 12,5 см, шир. 8,8 см), на которой миниатюрными литыми фигурками людей и животных развернута сложная многофигурная композиция.

В глубине площадки изображено четырехугольное здание (выс. 2,5 см). Оно сильно повреждено. Сохранились каркас заднего фасада, правая стена и остатки перекрытия. У пра-

¹² Гиоргадзе Г. Г., Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства, Тбилиси, 1973, с. 45—49.

¹³ Коридзе Д. Сохранен случайно обнаруженные археологические памятники «Дзеглис мегобар», 15, Тбилиси, 1968; Джавахишвили Г. А. Антропоморфная пластика в языческой Грузии, Тбилиси, 1984. с. 49—50 (на груз. яз.).

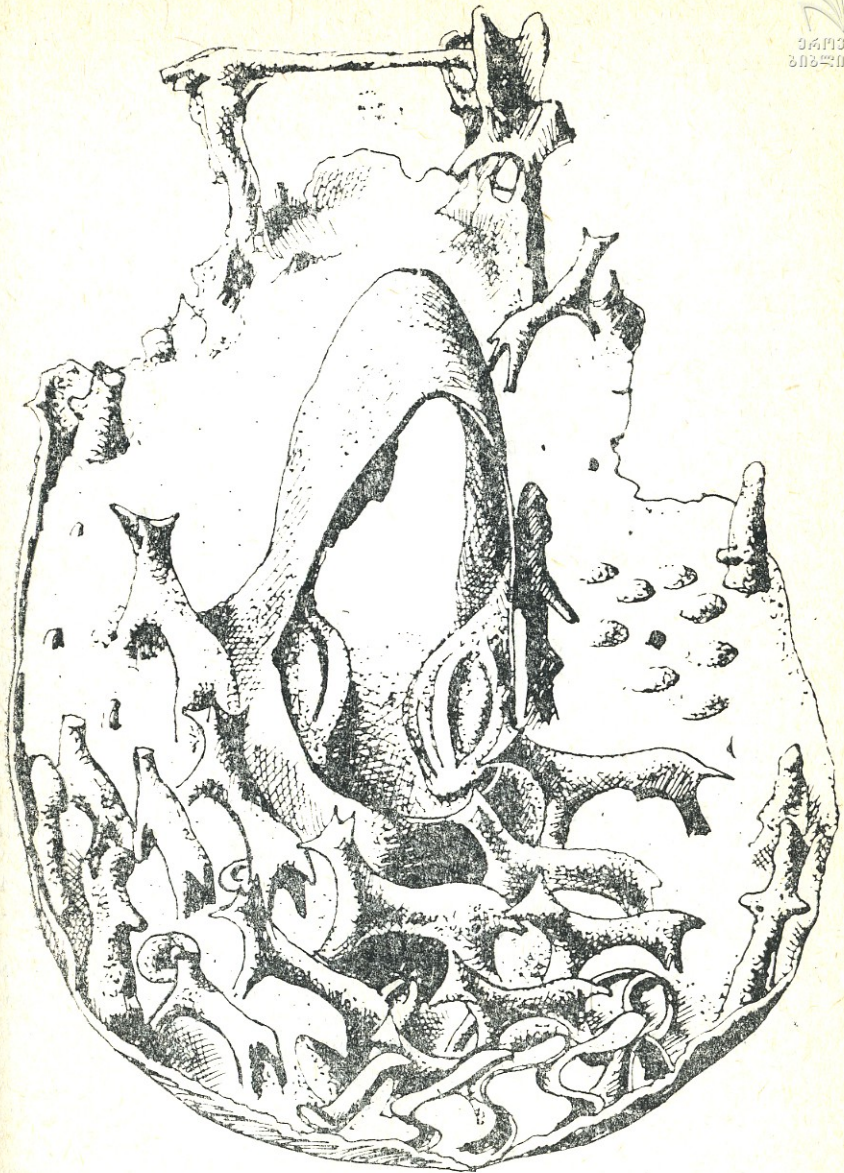

Рис. 1

вого угла этой постройки изображено одно животное, у левого — антропоморфное существо. В центре площадки возвышается сквозное сводчатое помещение (выс. 4 см), у правого угла которого стоит иттифальная антропоморфная фигура. Перед ним можно различить небольшое возвышение, на котором уложено семь плоских предметов. Вправо от возвышения размещены четыре антропоморфные фигуры, слева — две. Пространство перед сводчатым зданием заполнено фигурами животных, все они направлены слева направо, в сторону центрального четырехугольного помещения.

По нашему мнению, эта композиция представляет собой миниатюрную модель храмового комплекса, начала I тыс. до н. э. На огороженной территории святилища изображен центральный четырехугольный храм, сводчатый алтарь и пристроенный к нему большой очаг. Антропоморфные фигуры являются изображениями основных племенных божеств. На их божественность указывает их иттифальность и характерная для идолов той эпохи поза. Представленные на памятнике животные являются собственностью божества, поэтому все они направлены в сторону центрального храма.

В этой композиции привлекают внимание расположенные перед алтарем рельефные круги, которые должны были нести определенную символическую нагрузку. Для определения их значения, необходимо привлечь материалы, засвидетельствованные в синхронных святилищах Центрального Закавказья.

Во всех вышеуказанных святилищах этого периода, в большом количестве обнаружены ритуальные кувшины, заполненные священной золой или многочисленными подношениями. Эти кувшины помещались в алтаре, перед очагом и зарывались в землю. Можно предположить, что на этом памятнике рельефные круги являются изображениями именно такой ритуальной посуды. Эта традиция, видимо, играла важную роль в культах и ритуалах той эпохи.

Как уже отмечалось, в композиции широко представлены антропоморфные божества. Высота этих фигур 1,5 см. Одно изображение выделяется сравнительно крупными размерами (2,5 см). Видимо, именно это божество играло здесь важную роль. Это иттифальное божество представлено во весь рост с широко раскрытыми руками. Фигура стоит с правой стороны алтаря, перед небольшим возвышением, вокруг которого, с другой стороны, размещены и остальные божества. Если допустить, что это возвышение представляет собой изображение священного стола с ритуальными хлебцами, будет вполне очевидно, что перед ними развернута сцена ритуального пиршества божеств. Примечательно, что этот мотив широко распространен в искусстве Центрального Закавказья, именно в эту эпоху. Так, например, в графическом декоре бронзовых

гравированных поясов довольно часто встречаются сцены ритуального пиршества, в котором божества представлены или за ритуальным столом, или с кубками в руках¹⁴.

Основной ритуал этого святилища исполнялся, видимо, у священного очага. Для восстановления этого ритуала, необходимо коснуться значения двух фигур, расположенных внутри центрального очага. Эти фигурки на наш взгляд являются схематическими изображениями антропоморфных божеств. Правая фигура характеризуется более крупными формами, у нее небольшая голова и две массивные ноги. Она должна изображать божество женского пола. Левая фигура отличается более тонкими пропорциями. Схематично изображено тонкое туловище и две раскрытые ноги. Эта фигура отдаленно напоминает распространенные в куро-араксской культуре подковообразные надочажные подставки, которые в специальной литературе рассматриваются, как олицетворение мужских божеств, оплодотворяющих очаг. Если эту левую фигуру принять за изображение мужского божества, то можно считать, что в святилище, у очага, изображено священное совокупление божеств, которое в этом случае было связано с культурами оплодотворяющих и родящих сил.

Засвидетельствованные на этом памятнике ритуалы находят интересные параллели в этнографическом быту грузинских племен.

Среди ранневесенних и новогодних празднеств горцев Зап. Грузии особое место занимает праздник Бембгу-Бослоба. Многочисленные варианты этого праздника, засвидетельствованные в Верхней и Нижней Сванети, Рача и Лечхуми, исследованы В. В. Бардавелидзе¹⁵. По ее мнению божеству Босели приписывалось обеспечение половой производительности домашних животных, их размножение, а также охранение скота. Это божество вначале представлялось зооморфным существом, позднее оно приобрело антропоморфный характер и облик иттифального мужчины.

В ночь праздника семья собиралась у очага, выпекали ритуальные хлебцы «моления для семьи» и «моления быков». Исполнялись сложные обряды, действующие лица которых уподоблялись животным, ходили на четвереньках, испускали протяжные звуки в подражание мычанию коров и быков, воспроизводили позднее символически, а первоначально реально случку животных. Перед очагом, а иногда в хлеву, хозяин и

¹⁴ Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья..., табл. I, X, XIII.

¹⁵ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, с. 177—192.

хозяйка дома проявляли действия, с грубой откровенностью символизирующие половой союз, воспроизводящий случку животных. Важные указания на выполнение в старину этого обряда голыми супругами и сохранившийся среди горцев обычай многократных супружеских связей в ночь Бослоба, по мнению В. В. Бардавелидзе, свидетельствует о том, что изначально этот обряд должен был реально осуществлять половые сношения в ночь праздника.

Явно выраженный ритуальный характер памятника, изобилие изображений животных, связь засвидетельствованных здесь ритуалов с архаическими обрядами скотоводческих празднеств грузинских горцев, наводит на мысль о возможной принадлежности модели святилища из Гамдлисцкаро скотоводческим племенам.

Ю. Б. ЮСИФОВ

КИММЕРЫ, СКИФЫ И САКИ В ДРЕВНЕМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Киммеро-скифо-сакокая проблема давно является объектом научных исследований. Вторжение киммеро-скифов и в их составе саков в Переднюю Азию создало новую политическую ситуацию, и оно не осталось незамеченной в древних письменных источниках. В клинообразных надписях VIII—VII вв. до н. э. впервые отражены названия киммеров, скифов и саков, которые были расположены в зоне древнего Азербайджана. Античные авторы дают весьма отрывочные, скудные, порой и противоречивые сведения о них. Данная проблема затронута во многих работах, посвященных истории народов Передней Азии, Кавказа и Закавказья¹.

Данная проблема включает в себя вопрос о локализации Скифского царства. По свидетельству Геродота (I, 103—104), киммеры и скифы, вероятно и саки², проникли в Закавказье и Переднюю Азию с севера, через Кавказские горы. Понятие о Скифском царстве возникло на основании свидетельства «Книги Иеремии» (51, 27-28), где в связи с событиями 593 г. до н. э. упоминается царство Ашкеназ, т. е. скифов, наряду с царствами Арарат (Урарту) и Минни (Манна). Образование Скифского царства должно быть связано с первыми массовыми вторжениями скифов в Переднюю Азию, в частности в зону Манны, о чем сообщают клинообразные надписи. Судя по документам времени Асархаддона и Ашшурбанипала, в зоне Манны сосредоточились не только киммеры, но и скифы и саки³. Сведения письменных источников показывают, что в 70-х

¹ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, с. 300 сл.; Он же, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 220 сл.; Дьяконов И. М. История Мидии, М.—Л., с. 242—266; Пиотровский Б. Б. Ванское царство, М., 1959, с. 232.

² Ср. Страбон, География, М., 1964, I, 3, 21; Плиний, кн. VI, 50.

³ Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte aus der Sargoniden Zeit, Lpz., 1913. № № 4, 7—8, 16, 20, 22, 34; Knudtzon J. A. Assyrische Gebete an den Sonnengott, Lpz; 1893, № № 24, 25, 35, 38, 48; Thompson R. C. Mal-

годах VII в. до н. э. на севере Ассирии возникло два центра сосредоточения киммеро-скифо-сакских объединений: одно на юге Урарту, в зоне Хубушкини во главе с Партатуа, другое — на севере и западе Урмийского озера, на территории Манны во главе с Ишпакаем⁴. Первое объединение этих племен вышло из борьбы против Ассирии заключением союза с Ассирией и установило дружественные отношения с Урарту, второе объединение как союзник Манны принимало активное участие в борьбе маннеев и мидян против Ассирии. Не исключено, что было образовано третье киммеро-скифо-сакское объединение на территории Закавказья. На такую возможность указал еще Г. А. Меликишвили, отмечая наличие отдельных групп киммеро-скифов на территории Закавказья⁵. Центр этого объединения находился, видимо, на востоке Грузии и западе Азербайджана по обоим берегам Куры, где соответственно можно локализовать гугаров-скифов и саксов-сакасинов Страбона. Судя по современной топонимии северо-западного Азербайджана, здесь еще в древности могли возникнуть киммеро-сакские поселения. Так, в Закатальском р-не Азербайджанской ССР сохранился топоним Гымыр и производное от аналогичного названия Гымырлы (-лы является суффиксом принадлежности), что закономерно соответствует «гимир, гимиррайа» ассирийских текстов. В названии Закатала отражено имя саков: в Закатальском диалекте азербайджанского языка наблюдается чередование с-з в начале слова, следовательно, Закатала значит «равнина саксов». К этому можно добавить название Шакашен армянских источников⁶ и города Шаки, которые восходят к этнониму «сак». В «Армянской географии» (VII в.) Шакашен /Шикашен перечисляется среди областей, «лежащих до впадения Аракса в реку Кура» (с. 41—17). Судя по противоречивому сообщению Страбона, Сакасена — греческое название Шакашены, лежала где-то по соседству с Гирканией (кн. II, 1, 5) и по соседству с Гогареной (кн. XI, 14, 4) и Араксеной, местом слияния Аракса с Курой. На территории Иранского Азербайджана также были поселения саксов, что послужило причиной для помещения Сакасены так-

10 w a n M. E. L. The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—32, *Annals of Archaeology and Anthropology*, 1933. Vol. XX. p. 88—96; Jusifov J. B. On the scythians, p. 349—356; Тадмор Н. Три последних десятилетия Ассирии, XXV Международный конгресс Востоковедов, I, М, 1963, с. 241.

⁴ Jusifov J. B. On the scythians, p. 351.

⁵ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 223—225.

⁶ Фавст Бузанд. История Армении, кн. V, № 3; Армянская география VII в. СПб, 1877, с. 41/17, пер. К. П. Патканова с приложением армянского текста.

же по соседству с Гирканией. Возможно, что источник Страбона имел в виду саков-ортокорибантцев, которых Геродот (кн. III,92) включал в состав 10-ой сатрапии ахеменидов вместе с «остальной Мидией»⁷. По всей вероятности, ортокорибантии занимали территорию вплоть до зоны Урмийского озера. Вместе с тем Геродот (кн. III,93) в 15-ю сатрапию включает просто саков и каспиев вслед за 14-ой сатрапией, куда входили, в частности утии и мики — аборигены северного Азербайджана. Однако вряд ли саков рядом с каспиями можно принять за среднеазиатских саков⁸, поскольку они перечислены вместе с каспиями, обитателями восточного Азербайджана, занимавшими территорию от зоны слияния Аракса с Курой по направлению к югу и юго-востоку. Этим саков можно поместить рядом с Араксеной до междуречья Куры и Аракса. В восточной части Азербайджана, примерно в зоне междуречья Аракса и Куры источники отмечают область Баласакан. В надписи Шапура (241—272 гг.) Баласакан помещен после Албании как самостоятельная страна⁹. В «Армянской географии» Баласакан обозначен как область Албании¹⁰. Область или страна Баласакан включала в себя правобережье и левобережье Куры в зоне слияния ее с Араксом, Ширванскую степь и простиралась на север и северо-восток, вероятно, до зоны горы Бешбармак на побережье Каспийского моря¹¹. В названии Баласакан отразился этноним «сак» (иран. бала «верхний, высокий» и суффикс мн. ч. «-ан»). В целом название означает «Верхние саки»¹².

⁷ Дьяконов И. М. (История Мидии, с. 48, 317—318), отождествляет саков-ортокорибантцев с сакасами.

⁸ См., например Дьяконов И. М. История Мидии, с. 360; Грантовский Э. А. Сагартин и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III,93), «Краткие сообщения Института народов Азии», 46, М., 1962, с. 236.

⁹ Ghirshman R. Le problème de la chronologie des Koushans. Journal of world history. vol. III. 1957, n. 3, p. 703; Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. с. 62, 126.

¹⁰ Армянская география VII в., с. 40/17.

¹¹ Гревер К. В. (Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, с. 75) помещала Баласакан в нижнем течении реки Кура (Муганская степь), Еремян С. Т. (разделы в «Очерки истории СССР III—IX вв., М., 1958, с. 304) — у слияния рек Куры и Аракса (ср. его же, Армения по «Ашхарацуйцу», Ереван, 1963, карта — на арм. языке), Меликишвили Г. А. (К истории древней Грузии, с. 392, пр. 162) северные границы Баласакана доводил до Дербентского прохода, южные — до Атурпатакана.

¹² По Адонцу Н. (Армения, с. 220, 243), Баласакан содержит туинский этноним «баласа», Гукасян В. Л. (Заметки об истории фор-

По-видимому, Страбон использовал различные источники, которым были известны поселения саков в восточной и западной частях Азербайджана, в частности недалеко от Гогарены. С Гогареной Страбона отождествляется область Гугарк армянских источников¹³. Гогарену принимают за одну из областей Восточной Грузии, власть правителя которого доходила до Эрети¹⁴, западной Албании. Согласно Моисею Хоренскому (кн. II,8), под властью правителя гугаров находилась северная страна, «лежащая напротив горы Кавказа». Фавст Бузанд (кн. III,7) перечисляет среди войск пунно-маскутского царя Санесана (вар, Санатрук) гугаров, гуннов и других племен Кавказа, при этом в качестве границы его владений обозначена река Кура. Эти свидетельства показывают, что гугары обитали на пространстве до Кавказских гор на территории Иберии и западной части Албании. Следовательно, гугары обитали и за рекой Кура в указанном регионе, откуда они были привлечены в состав войск Санесана. Как верно установил Г. А. Меликишвили, гог/гуг является иным, в частности, библейским названием скифов¹⁵, при этом «-ар» является, скорее, суффиксом мн. числа. Исходя из приведенных сведений можно констатировать, что на смежных территориях Иберии и Албании также обосновались скифские племена, которых источники именовали по-разному — в одном случае гогар/гугар, в другом — сак¹⁶. По имени этих саков жители определенной территории на западе Азербайджана назывались сакасинами или сакасанами. Сакасаны, как племя, упоминается у Плиния, текст которого в географическом отношении изложен весьма непоследовательно и путано: «Всю равнину от ре-

---

мирования азербайджанского языка, Вопросы азербайджанской филологии, Баку, 1983, с. 42 — на азерб. языке) толкует как «баладжа ун» («маленькие гунны»), Апшурбейли С. (Государство Ширваншахов, Баку, 1983, с. 26) — как «божество гуннов», возведя бала к ир. бага, Еремян С. Т. (Армения по «Ашхарацуйцу», карта и с. 44; он же. Страна Махелония надписи Кааба-и Зардурт, ВДИ, 1967, № 4, с. 52—57) Базгун отождествляет с местностью в Арцахе и локализует в зоне Ширвана. Однако местность в Арцахе называлась также Панцканк (Армянская география VII в., с. 50/19), что образовалось путем метатезы от этнонима «печенег» (см. Юсифов Ю. Б., О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка. Советская тюркология, 1974, № 2, с. 76—77).

¹³ Армянская география VII в., с. 52, пр. 172.

¹⁴ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 224, 231, 291, 461.

¹⁵ Там же, с. 224.

¹⁶ Меликишвили Г. А. (Там же, с. 224, 231) указывает, что племена скифов, возможно, осели и в северной части Грузии.

ки Кура заселяет племя албанов, а затем — иберов, которые отделены от первых рекою Оказаном (Алазаном), текущею в Кавказских гор в реку Кура... По ту сторону их лежат Колхидские пустыни; с той стороны их, которая обращена к Керавнским горам¹⁷, живут арменохалибы и (лежат) земли мосхов до реки Ибера, впадающей в Куру, а ниже их — сакасаны и затем макероны до реки Абсарра. С другой стороны, от границ Албании по всему челу гор дикие племена силвов, а ниже — лупенин, затем — дидуры и соды. За ними находятся Кавказские ворота, многими очень ошибочно называемые Каспийскими» (кн. VI, 29). Как видно из текста, Плиний описывает общую географическую ситуацию двух больших регионов — Причерноморья и Прикавказья в зоне Азербайджана и Южного Дагестана. В этом регионе Кавказских гор жили силвы, лупенин, дидуры и соды¹⁸. Южнее Кавказских гор, на левобережье Куры в зоне Шеки-Закатала, наряду с албанями, обитали также сакасаны Плиния. Судя по топонимам Гымыр и Гымырлы здесь же, по-видимому, осела часть киммеров. Сопоставляя данные Страбона о Сакамене недалеко от Гогарены с сакасанами Плиния можно отметить, что саки были представлены на обширном регионе западного Азербайджана, начиная от правобережья реки Кура до предгорьев Кавказа.

Скифы проникали в Закавказье не только через Дербентский, в древности известный как Каспийский проход¹⁹, но и через другие, в частности через Дарьяльский²⁰, который античные авторы обозначали как Кавказские ворота. Эти два прохода были наиболее известными и связывали Кавказ с югом. О существовании множества проходов и крепостей в цепи Кавказских гор знали древние авторы. Скифы и саки проникали в Азербайджан через любой из этих проходов в цепи

¹⁷ Согласно Страбону (кн. XI, 4, 1), Кавказские горы возвышаются над равнинами и называются, особенно у морской части, Керавнскими горами.

¹⁸ Тревер К. В. Очерки, с. 46—48; Алиев К., Кавказская Албания, Баку, 1974, с. 101—106, где приведены также существующие мнения.

¹⁹ Дербентский проход иногда обозначали как Каспийские ворота. В древности проходов было много, но лишь некоторые названия известны. Это Дербентский, Албанский, Гуннский проходы, проход Чола (Чора), которые, видимо, неотожждествимы, хотя гуннские ворота отождествляли с Чола, а Чола с Дербентом Marquardt D. J. *Érānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorenac'i*, Berlin, 1901, S. 100-101; Артамонов М. И., История хазар, Л., 1962, с. 120—121. Однако, согласно Себеосу (История, гл. 49, с. 125), в северо-восточной части Азербайджана по направлению к северу были расположены проход Чола, затем проход гуннов, а затем Каспийские (Дербентские) ворота.

²⁰ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 63.

Кавказских гор. После Дербентского прохода северные племена должны были преодолеть и другие горные и оградительные преграды, чтобы оказаться на территории Азербайджана. Одна дорога вдоль Каспийского моря вела в восточный Азербайджан. Другие дороги, в частности, через ныне действующие проходы у Чухур-Кабалы, в зоне Шеки, у селения Лекит Кахского р-на (Азерб. ССР), который называется Албан-кала — «Крепость Албан», и др. связывали центральный и западный Азербайджан с севером. Эти дороги-проходы были обжиты с древнейших времен.

Саки, или сакесины, наряду с албанами, представляли собой одно из ведущих этнических и политических объединений Азербайджана, что видно из сообщения Арриана (кн. III, 8, 4): он упоминает сакесинов и албанов в составе войск ахеменидского царя Дария III (336—331 вв. до н. э.), выступающего против военных сил Александра Македонского, (336—323 гг. до н. э.). Сакесины Арриана и сакасы Плиния представляют собой одну и ту же этническую группу и были потомками савков, обосновавшихся в Азербайджане еще в первой четверти VII в. до н. э. вместе с киммерами и скифами²¹. И действительно, этноним сак появляется уже в ранний период в надписи ассирийского царя Ашшурбанипала (669—631 гг. до н. э.)²².

Судя по документам и письмам-донесениям, адресованным ассирийским царям, киммеры и скифы действовали на территории Манны — этого древнего государства на территории Азербайджана в зоне Урмийского озера. Клинообразные источники название киммеров передавали в форме гимир (amēl gi-mir-a-a, amēl gi-mi-ra-a-a, amēl gi-mir-ra-a-a), а скифов — (amēl iṣ-ku-za-a-a, amēl iṣ-ku-ú-za-a-a, māṭ Aš-gu-za-a-a-a, māṭ iṣ-ku-za). Эти названия появились в клинообразных надписях в связи с массовой волной киммеров и скифов в Переднюю Азию, что приурочивается к 70-м годам VII в. до н. э.²³ С активизацией действий киммеров и скифов царь Ассирии Асархаддон (681—669 гг. до н. э.) установил зоркое наблюдение за пограничными крепостями Манны, Мидии, Хубушкии и Урарту, вероятно, с целью помешать соединению киммеров с маннеями и мидя-

²¹ Меликишвили Г. А. (К истории древней Грузии, с. 222—225, 231) оседание скифов в Закавказье и появление топонима Сакамена связывает с вторжением киммеров в Переднюю Азию в конце VIII в. до н. э.

²² Thompson R. C., Mallowan M. E. L. Op. cit., p. 88, 96; Тадамор Н. Три последних десятилетия Ассирии, с. 241.

²³ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 259.

нами²⁴. Запрос Асархаддона намекает на то, что киммеры и другие враги могут выйти «из мест, где они живут» со извещения урартского царя Русы II (685—645 гг. до н. э.) и напасть на Шуприю²⁵, хотя в этот период между Ассирией и Урарту существовали мирные отношения²⁶. Киммеры стремились войти в контакт с маннеями, что видно из письма Белушезиба к Асархаддону²⁷: «Хотя царь писал своим войскам — вступайте в страну маннеев, но все войско не должно вступать. Пусть вступают воины — всадники и наемники. Киммеры, которые говорили, мол «страна маннеев перед вами, наши стопы мы удержим» (т. е. не будем вмешиваться — Ю. Ю.), конечно, ложь. Они же племя беглых, они не знают клятвы богу и присяги. Колесницы и повозки по сторонам прохода пусть выставляют». В дальнейшем автор письма предлагает вторгнуться в пределы Манны, поскольку за действиями киммеров будет следить охрана, и если они выступят, то согласно знаменьям они будут приостановлены²⁸. Этот текст явно указывает на возможную помощь киммеров маннеям и позволяет заключить, что киммеры находились на близких подступах к Манне. Однако, судя по фрагментарной части письма, ассирийцы «один раз, или два раза, вступили и добычу принесли и киммеры [...] не пришли. Отряды [...] вступили в поселения страны Маннеев»²⁹. Несмотря на предпринятые разведочные меры, киммеры постепенно проникали в регион действий скифов, пребывающих в Манне. В этом отношении представляет интерес письмо царевича Ашшурбанипала Асархаддону: «Относительно тех киммеров спроси — я видел и спросил «Почему киммеры соседи?». Он ответил «Враг разбивает ...их»³⁰. В фрагментарном тексте упоминается гонец, видимо, ассирийский, направляющийся в Хубушкиню, через которую киммеры проникали в Манну, а затем киммеры и маннеи³¹. В фрагментарном запросе выражается беспокойство относитель-

²⁴ Waterman L. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I, Ann Arbor, 1930, № 434: 9—rev. 7, p. 300—301; Pfeiffer R. H. State Letters of Assyria, New Haven, 1935, № 15, p. 14—15.

²⁵ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete, № 48:4, 7—10. ВВНИУ, № 68 а,

²⁶ Ср. Меликишвили Г. А. Наир-Урарту, с. 314.

²⁷ Waterman L. Royal Correspondence, II, № 1237, p. 358—361; Pfeiffer R. H. State Letters, № 329: 9—22, p. 223—225.

²⁸ Pfeiffer R. H. State Letters, № 329: rev 7—8, 15—18, p. 224.

²⁹ Ibid, № 329:23—rev. 1—3, p. 224.

³⁰ Waterman L. Royal Correspondence, № 1026:11, P. 216—217; Документ может быть датирован 672—671 гг. до н. э.

³¹ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete, № 38:rev. 8—9, P. 135; Klauber E. G. (Politisch-Religiöse Texte. P. LIX) в лакуне (стк. 10) восстанавливает и название киммеров.

но судьбы гонца Асархаддона и возможных действий маннеев, мидяев, киммеров и скифов³². В других запросах упоминаются киммеры, скифы, маннеи и мидяне в связи с ассирийской экспедицией, отправленной для сбора дани лошадьми³³. В одном фрагментарном запросе сохранилось выражение «войско киммеров» и имя Ахсери³⁴, который, вероятно, был царем Манней³⁵. Маннеи, киммеры и скифы упоминаются также в связи с событиями, происходившими на территории Мидии³⁶. Эти данные позволяют прийти к выводу, что ассирийские источники в основном верно отражают этническое название племен, оказавшихся в Манне: здесь действовали киммеры и скифы, по-видимому, и саки, при этом киммеры попали в эту зону после скифов или одновременно с ними из юго-западных и южных областей Урарту через Хубушкию. В передвижении киммеров в зону Манней главную роль сыграли маннеи, которым, несмотря на бдительность ассирийской разведки, удалось войти в контакт с киммерами. По всей вероятности, после поражения царя киммеров Теушпы, вероятно, в Хубушкию в 679—678 гг. до н. э.³⁷ часть их передвинулась к скифам Манней.

Деятельность киммеров и скифов в зоне Маннейского и Урартского царств, относящаяся к 70-м годам VII в. до н. э., привела к возникновению так называемого скифского царства, о местоположении которого существуют различные мнения³⁸. Археологические факты свидетельствуют о расселении скифов на широком географическом ареале³⁹, но не позволя-

³² Knudtzon J. A. Assyrische Gebete, № 25:9—10, rev. 10—11, p. 115.

³³ Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte, № 20:4—5 p. 34, № 22:5—9, p. 40.

³⁴ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete, № 24:2, 4, p. 114.

³⁵ Ср. Дьяконов И. М. История Мидии, с. 281—283.

³⁶ Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte, № 4, 7, 8, 38.

³⁷ Ср. Дьяконов И. М., История Мидии, с. 236, 260. Однако позже, в 676—674 гг. до н. э. киммеры разгромили государство Фригии в центре Малой Азии (Дьяконов И. М. История Мидии, с. 236; Меликишвили Г. А., К истории древней Грузии, с. 228).

³⁸ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 251, полагал, что Скифское царство могло занимать регион между рекой Кура в районе современного Кировабада и территорией Манней вокруг озера Урмии, при этом Сакасену он принимал за центр бывшей территории Скифского царства. Ср. также, Алиев И. История Мидии, с. 226; Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 219.

³⁹ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 114—115, 129; он же, Ванское царство, с. 237—242; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 249—254; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, с. 224—225; Крупнов Е. И. Древняя история Север-

ют выявить конкретный регион возникновения Скифского царства. Поэтому установление местоположения Скифского царства, должно, естественно, опираться на сведениях письменных источников. В этой связи представляет интерес запрос Асархаддона: «Партатуа, царь скифов, который теперь своих гонцов к Ашурахиддину, царю Ассирии, относительно дочери царя направил. Если Ашурахиддин, царь Ассирии, дочь царя в жены ему отдаст, Партатуа, царь скифов, против Ашурахиддина, царя Ассирии, слово правдивое (и) мирное, которое дружественное, замыслит ли, союз с Ашурахиддином, царем Ассирии, сохранит ли, и все, что относительно Ашурахиддина, царя Ассирии, скажет, исполнит ли?»⁴⁰. Судя по продолжению текста, Партатуа не поспешил на обещания ради достижения брака с царской дочерью. Последующий ход событий показывает, что союз между скифским царем и Асархаддоном был закреплен дипломатическим браком с царской дочерью и тем самым Партатуа вышел из политической игры, направленной против Ассирии. Это видно и из того, что впоследствии его сын Мадий развернул военные действия в Малой Азии⁴¹, затем в Мидии, когда царь ее Киаксар собирался выступить против Ассирии⁴². Где же находилось царство Партатуа-Мадии, откуда без препятствий можно было попасть и в Малую Азию, и в Мидию, и даже в историческую Армению?⁴³. Из текста не ясно — где находилось стойбище этих скифов. Одно известно, что Партатуа был царем скифов или группы скифов, проникших в Переднюю Азию раньше других скифских отрядов⁴⁴. Видимо, местопребывание царя скифов Партатуа и его войск находилось на юго-западных и южных границах Урарту, откуда они совершали военные рейды в Малую Азию и другие районы, не входившие в состав Ассирийской державы. Другая группа скифов вместе с киммерами и саками обосновалась в Манне, о чем запрос Асархаддона гласит: «В этот установленный срок войска скифов, которые в

ного Кавказа, с. 63—75; Техов Б. В. Скифы, с. 14—30; Погребова М. Н. Памятники скифской культуры, с. 44—47.

⁴⁰ Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte, № 16, S. 29—30.

⁴¹ Согласно Страбону (кн. 1,3,21), Мадий вытеснил треров из М. Азии.

⁴² Геродот, I,103, сообщает, что, когда Киаксар осаждал Ниневию, появилось войско царя Мадия, сына Протогия.

⁴³ Моисей Хоренский, История Армении, кн. I, гл. 13, передает, что Мадес Ниукар в течение двух лет разорял Армению. Мадес — это отражение имени Мадия.

⁴⁴ Aro J. Remarks on the practice of extispicy in the time of Esarhaddon and Assurbanipal. La divination en Mésopotamie Ancienne et dans les régions voisines, Vendôme, 1966, P. 114.

области страны маннеев живут, и которые на границу страны маннеев пришли, замышляют ли они, задумывают ли они, перейдет ли перевала города Хубушкии в город Харрания [и] город Анису⁴⁵ выйдут ли они, придут ли они, полонят ли они?»⁴⁶. Судя по упоминанию перевала Хубушкии, скифы обосновались на севере и западе Урмийского озера вплоть до Хубушкии, на местах, которые в это время входили в состав Манне⁴⁷. Во главе этого отряда скифов, являвшихся союзниками маннеев, вероятно, стоял Ишпакай, о поражении которого Асархаддон объявлял в декларативной форме: «Я рассеял людей страны маннеев, кутиев неусмиранных, побил оружием войска Ишпакай, скифа, союзника, не спасшего его»⁴⁸. Надо полагать, что Ишпакай был вождем или царем той группы скифов, которая обосновалась в Манне. Поражение скифо-маннейских объединений, вероятно, можно отнести к заключительному периоду событий (672 или начало 671 г. до н. э.)⁴⁹, возникших на маннейско-ассирийской границе. Отсюда скифы направляли свои действия на юг, поддерживая выступления мидян против Ассирии, и на запад, в зону Хубушкии, пытаясь войти в контакт с киммеро-скифскими объединениями на границе Урарту. В этих планах скифов участвовали и маннеи. Фактически Скифское царство возникло на двух смежных территориях — в Манне и Урарту⁵⁰. Однако письменная традиция, отраженная в речи Иеремии, сохранило лишь одно понятие о Скифском царстве, причем расположенном по соседству с Урарту и Манной. По-видимому, с течением времени оба центра киммеро-скифских объединений мыслились как единое царство. Для возникновения такой традиции имелось основание. Так, Тутдамме (антич. Лигдамис) по античной письменной традиции, является главой киммеров (Страбон, 1,3,21), по клинообразной письменной традиции времен Ашшурбанипала — царь Ум-

⁴⁵ Судя по тексту, Харрание и Анису находились на пограничной ассирийской территории.

⁴⁶ Knudtzon J. A. Assyrische Gebete, № 35:4—9, S. 130.

⁴⁷ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 265.

⁴⁸ Luckenbill D. D. Ancient records of Assyria and Babylonia, II, Chicago, New York, 1926, № 517, p. 207, № 533, p. 213.

⁴⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 272, полагал, что после гибели в 673 г. Ишпакай началась деятельность нового скифского царя Партауга. Однако, судя по декларативному характеру надписи, Ишпакай, если и погиб, то в 672 или в начале 671 г., а Партауга начал свою деятельность одновременно с Ишпакаем.

⁵⁰ Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 233, определяет два района длительного пребывания киммеров в Передней Азии — в Каппадокии и Манне (Ср. также Klauber E. G. Politisch-Religiöse Texte, S. LVIII).

ман-манды⁵¹ и, наконец, царь саков или страны Саков и Кут-тиума или кутиев⁵². Судя по тексту гадания⁵³, «Умман-манда — это киммеры». Следовательно, под названием Умманманда следует подразумевать не только киммеров, но и скифов⁵⁴, саков и кутиев, западных обитателей Манны, поскольку соответствующие названия отражены в титуле Тугдамме, заключившего мир с Ашшурбанипалом в конце 60-х — начале 50-х годов до н. э.⁵⁵ Следовательно, в середине VII в. до н. э. оба центра киммеро-скифских объединений рассматривались как единое царство и под единым началом, что послужило причиной возникновения традиции о едином Скифском царстве в зоне Манны и Урарту⁵⁶. Таким образом, Скифское царство, как государственное образование, возникло и сложилось на территории Южного Азербайджана и в его состав входили киммеро-скифо-сакские объединения Северного Азербайджана. Учитывая ведущий этнический состав этих объединений, принимавших участие в политических событиях VII в. до н. э., данное государственное образование можно назвать Киммеро-скифо-сакским царством.

По своему этнолингвистическому составу, киммеры, скифы и саки не были однородными. Они состояли как из иранских, так и кавказоязычных и тюркоязычных этносов, которые соответственно были двуязычными⁵⁷. Давно существует мнение,

⁵¹ Страбон I, 3, 21; Streck M. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, II, Lpz., 1916, S. 280.

⁵² Thompson R. C., Mallowan M. E. L. The British Museum, p. 88, 96, 146; Тадмор Н. Три последних десятилетия Ассирии, с. 241.

⁵³ Waterman L. Royal Correspondence, № 1391:16, p. 472—473.

⁵⁴ Ср. Дьяконов И. М. История Мидии, с. 246; Он же, последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, ВДИ, 1951, № 2, с. 34 сл.; Пиотровский Б. Б. Ванское царство, с. 234; О литературе вопроса см. Белявский В. А. Война Вавилонии за независимость, с. 112—115, прим. 57—59, 67.

⁵⁵ Томпсон Р. С. (Ук. соч., с. 108) свидетельство о Тугдамме относил к 640—635 гг. до н. э., но В. В. Струве (Этюды по истории северо-го Черноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, с. 91) установил, что Тугдамме погиб между 655—652 гг. до н. э.

⁵⁶ Подробно см. Усифов У. В. On the Scythians, p. 349—354.

⁵⁷ В тех регионах, где тюркоязычные племена соприкасались с иранскими или другими этносами, возникало состояние двуязычия населения. Оно продолжалось и в средних веках. По свидетельству Хамдаллаха Казвини (The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulub, trans. G. Le Strange, Leiden-London, 1919, p. 88) в зоне Мараги жили люди «белокожие и тюркской расы», они говорят и по-пехлевийски, вероятно, на местных иранских диалектах. Отсюда вытекает и другое. Таты, которые жили и живут

что под эгидой скифов находились и урало-алтайские племена⁵⁸. Это подтверждается также сведениями Византийских историков, которые тюрков отождествляли с древними скифами, саками, массагетами, а гуннов с киммерами⁵⁹. Оседание киммеров⁶⁰, а также скифов и саков в Азербайджане и других регионах, видимо, происходило задолго до политических событий начала VII в. до н. э. В связи с этим уместно вспомнить слова Ф. Энгельса, сказанные о германских племенах: «Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников»⁶¹. В случае со скифами, киммерами и саками такое родство с местным населением должно было проявляться в языковой близости. По-видимому, киммеры, скифы и саки, поселившиеся в Азербайджане, были носителями также тюркской речи⁶².

на территории Азербайджана и которые всегда были двуязычными, по сути дела были двуязычными азербайджанцами, которые в средних веках потеряли иранское наречие и сохранили родной азербайджанский-тюркский язык.

⁵⁸ Могасик Г. *Byzantinoturcica*, I, Budapest, 1942, S. 29.

⁵⁹ Так, согласно Менадру (отр. 19), тюрки в древности назывались саками, а по Феофану Византийскому (2, с. 492) — массагетами. Феофилакт Симокатта (кн. III,6,7) тюрков обозначает как скифский народ. Проконий (кн. VIII/IV,5,1,11-15) гуннов отождествляет с древними киммерами.

⁶⁰ Об этом говорят упомянутые выше топонимы. К тому же киммеры еще во времена ассирийского царя Саргона II (722—705 гг. до н. э.) находились в Манне. Один документ свидетельствует о передвижении киммеров по территории Манны к Урарту Waterman L. *Royal correspondence*, № 12:1—8, p. 74—75; АБУУУ, (0,8).

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19, с. 330.

⁶² Так, киммеро-скифо-сакские имена Партатуа, Ишпакай, Мадий, Тугдамме, Лигдамис не этимологизируются из иранских языков. Среди тюркоязычных народов Центрального Кавказа сохранились имена Бадий, сри Батый, Испак, Исмак, которые являются соответствующими отражениями имен Мадий и Ишпакай (см. Минзеев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, Нальчик, 1986, с. 42, 45).

S. A. L. P. BEITRÄGE ZUR ERFORSCHUNG DES HETHITISCHEN TEMPELS (KULTANLAGEN IM LICHT DER KEILSCHRIFTTEXTE, NEUE DEUTUNGEN), ANKARA, 1983, XXXIV+382 S. 13 илл.

В хеттологической литературе не раз отмечалась необходимость привлечения данных клинописных источников для изучения хеттской храмовой архитектуры. Это тексты, рассказывающие о религиозных праздниках. Хотя собственно описаний построек в них нет, упоминание их в связи с разными ритуально-культовыми действиями создает определенное представление о функции построек, той или иной их части.

Вряд ли нужно доказывать, что информация по указанному вопросу, содержащаяся в текстах, без учета археологического материала крайне неполна и, что для воссоздания более или менее полной и объективной картины необходимо сопоставить свидетельства археологических изысканий с письменными источниками. Трудность представляет идентификация обозначений упомянутых в текстах сооружений с археологическими памятниками, так как, несмотря на достаточное количество письменных данных, значение большей части строительных терминов до сих пор остается невыясненным. Понятно, с каким интересом должны были встретить специалисты выход в свет рецензируемого труда, который посвящен изучению трех терминов (*ḫalentu-*, *ḫilammar*, *arkiu-*), давно вызывавших разногласия среди исследователей.

Относительно указанных терминов в специальной литературе высказаны различные, порой радикально противоположные мнения. Особо выделяется, в этом отношении, *ḫalentu-*. Ему и посвящена большая часть монографии (с. 1—323, 349—367). Согласно замечанию автора (с. 6), многообразие мнений уже являлось достаточным поводом для пересмотра вопроса о *ḫalentu-*. Целью же автора, по его же словам (с. 1), было внести свой вклад в выяснение вопроса и найти наиболее приемлемое для всех исследователей решение вопроса. Орудуя знанием данных как клинописных, так и археологии, без претензии на окончательное решение вопроса, автору все-таки

удалось с достаточной убедительностью доказать правоту предположенного в виде гипотезы мнения о *ḥalentu-*, как о «главном культовом помещении» в храме. Путем сравнения церемоний, проводимых в *ḥalentu-* и культовых помещениях, судя по обстановке и оборудованию, а также по объему обозначенного термином *ḥalentu-* помещения, автор приходит к выводу, что *ḥalentu-* и есть целла, выделявшаяся во всех раскопанных в Богазкее храмах по своему объему и значению.

Термин *ḥilammaḡ*, которому посвящена II глава книги (с. 325—332), автор вслед за Р. Науманном, Г. Гютербокком и др. толкует как зал с колоннадой, вестибюль, выходящий во внутренний двор (*Ho'halle, Pfeilerhalle, Vorhalle*).

На основании анализа данных текстов, С. Альп приходит к выводу, что *arkiu-* (с. 333—348) обозначало жертвенное сооружение, здание для культового очищения, расположенное во внутреннем дворе храма, неподалеку от главного культового помещения.

Заслуживающими внимания являются попытки автора согласовать данные текстов с данными археологии. Среди идентификаций строительных терминов с археологическим материалом, привлекает к себе внимание отождествление автором фундаментных возвышений, засвидетельствованных в V и VI храмах Богазкея с *ḥaššanzipa-* хеттских текстов. Назначение, упомянутых возвышений, составляющих продольные оси культовых помещений с очагом посередине, до сих пор было неясным. Такое отождествление представляется нам достаточно убедительным. Оно основано на связи указанных возвышений с очагом, а также на том, что *ḥaššanzipa-* (производное от слова *ḥašša-* «очаг» и толкуемое автором как «очажный цоколь») упоминается в текстах в связи с очагом.

Чувство неудовлетворенности у нас вызывает та часть главы о *ḥalentu-* (с. 89—90), где дается список городов (Анкува, Аринна, Хаттуса, Мателла, Нерик и др.), в которых, согласно текстам, находились *ḥalentu-*. На наш взгляд, вместо сухого перечня следовало бы очертить географический ареал распространения *ḥalentu-* и обратить внимание на то, что за исключением нескольких городов, местонахождение которых не установлено с точностью, это область, где особенно сильным было влияние хаттской религии и культуры.

Небезынтересны, хотя и не всегда убедительны, замечания автора по поводу некоторых слов, встречающихся в рас-

смотренных им текстах. Разумеется, разбор всех их в рамках рецензии невозможен, поэтому ограничимся лишь некоторыми.

Этимология слова $L\ddot{U}$ ḥallijari- (храмовый служитель, принадлежащий к числу музыкантов, исполнителей песен в хеттских ритуалах) до сих пор была неясной. На основании обнаруженного С. Альпом неопубликованного хеттского текста (418/s), в котором $L\ddot{U}$ ḥallijari- исполняет переданное глаголом raḡ-pāi- («садиться на корточки») действие, указанное слово он этимологически связывает с глаголом ḥalija-, имевшим сходное с глаголом raḡ-pāi- значение, т. е., обозначавшим «становиться на колени, преклонять колени». Соответственно, слово $L\ddot{U}$ ḥallijari- переводит как «стоящий на коленях, преклонивший колени». При всей заманчивости такого предположения, необъясненным остается тот факт, что, как замечает сам автор, $L\ddot{U}$ ḥallijari- везде, за исключением одного единственного случая (418/s, лиц, стор. II), передано двумя 1, тогда как ḥalija- пишется с одним 1.

Путем сравнения культового инвентаря KUB XXXVIII 27 II 24 и сл. и № 32 изображения в Язылькае, С. Альп пришел к выводу, что G^{IS} māi- должно обозначать не «копье», как это было принято до сих пор, а «серповидный меч» (с. 43, прим. 49). Он обратил внимание также на то, что в нескольких текстах G^{IS} ŠUKUR «копье» и G^{S} māi- упомянуты вместе. По его мнению, меч с согнутым концом хорошо согласуется с предложенной им же этимологией слова (māi- «расти» + -gi суффикс). Однако, логическая связь между формой меча и понятием «расти» кажется нам не достаточно обоснованной.

Заканчивая рецензию, нельзя не отметить высокий уровень технического оформления издания. Книга снабжена индексом (с. 377—382) обсуждаемых хеттских слов, шумерограмм и аккадограмм, иероглифов, предметов, использованных в книге текстов или контекстов, иллюстрациями (13) и списком литературы (IX—XXXIV).

Одно из главных достоинств книги составляет обширнейший фактический материал, собранный автором и представленный в распоряжение специалистов. Некоторые тексты (транслитерации с переводами) публикуются впервые.

Не менее важны и итоги проведенной автором весьма трудоемкой исследовательской работы. Нет сомнений, рецензируемая работа является ценным приобретением как для хеттологов, так и для специалистов по религии древних обществ.

И. М. Татишвили.

V. HAAS. DIE SERIEN ITKAŪI UND ITKALZI DES AZU-
PRIESTERS. RITUALE FÜR TAŠMIŠARRI UND TATUĀERA
SOWIE WEITERE TEXTE MIT BEZUG AUF TAŠMIŠARRI,
ROMA, 1984, XX+500 S.

Из всех неиндоевропейских и несемитских народов древней Передней Азии хурриты привлекают внимание прежде всего своим распространением почти на всей территории упомянутого региона на протяжении почти всей его истории. В результате этого, хурриты в разное время вступали в контакт практически со всеми известными народами древнего Ближнего Востока.

Исходя из сказанного, изучение хурритского языка приобретает исключительное значение для всей науки о древней Передней Азии. Но, к сожалению, хурритология «пока еще не может считаться независимой отраслью науки о Древнем Востоке»¹. Основная причина этого заключается в том, что в отличие от других сильных государственных образований Ближнего Востока, столица могущественного хурритского государства Митанни—Вашукалли с предполагаемым там государственным архивом с большим количеством составленных по-хурритски документов пока не найдена. Именно поэтому источники, которыми приходится пользоваться хурритологам, чрезвычайно разнородны и сводятся по-существу к случайным находкам в нехурритских (египетских, угаритских, ассирийских, хеттских) архивах. «Таким образом, количество известных сегодня хурритских текстов далеко не соответствует исторической значимости хурритов»².

Вследствие создавшегося положения, из всех основных древневосточных языков хурритский наименее поддается интерпретации, и сплошной перевод текстов на этом языке пока еще практически неосуществим. «Однако дальнейшее продвижение нашего понимания ни в коем случае не должно зависеть от возможных в любое время новых находок текстов»³.

Такое понимание настоящего и будущего хурритологии легло в основу проекта «Корпус памятников хурритского языка», объявленного на RAI 1966 года в Брюсселе. Проект, осуществлению которого под руководством проф. Э. фон Шулера приступили молодые исследователи Ф. Хаас, И. Вегнер,

¹ Wilhelm G. Zur Forschungsgeschichte der Hurrnologie.—В кн.: Haas V., Thiel H.-J. et al. Das hurrnologische Archiv. Berlin, s. a., с.31.

² Там же, с. 31.

³ Haas V. et al. Vorwort der Herausgeber.—В рецензируемой книге, с. XI.

Г. Вильгельм, М. Сальвини и Г.-И. Тиль, предусматривав в первую очередь, как видно из его названия, издание полного корпуса текстов на хурритском языке (в трех томах), а также двухтомной грамматики хурритского языка, словаря (одновременно и глоссария к корпусу) и исследований по истории, истории культуры и религии хурритов.

На протяжении двадцати лет, прошедших со времени основания проекта, появилось большое количество публикаций его участников, носящих предварительный характер. Из них наиболее примечательной является коллективная монография «Das hurritologische Archiv» (см. выше, прим. 1), получившая высокую оценку специалистов во всем мире и, в частности, также у нас⁴.

И, наконец, в 1984 году выходом в свет I тома I части «Корпуса памятников хурритского языка» началась реализация основной задачи проекта. Издателями всего корпуса названы Ф. Хаас, М. Сальвини, И. Вегнер и Г. Вильгельм. I часть должна содержать тексты из Богазкёя — Хаттуссы — из архива хеттских царей. В рецензируемый I том I части автором тома — Ф. Хаасом включены тексты, относящиеся к сериям хетто-хурритских ритуалов itkaḫi и itkalzi, проводимых жрецом-заклинателем ^{LC}AZU для пары (по-видимому, супружеской) властителей Ташмишарри и Татухепа, а также другие тексты, относящиеся к Ташмишарри. Этот том посвящен памяти рано ушедшего из жизни (в 1981 году) пятого участника проекта Ганса Йохена Тиля.

Работа имеет следующее содержание: Предисловие издателей (с. XI—XIII); Предисловие автора (с. XV); Список сокращений (с. XVII—XIX); Введение (с. 1—20); Конкордансы нумерации текстов, принятой в книге, с нумерациями прежних изданий, либо (для неизданных текстов) — музейных каталогов (с. 21—28); Замечания к оформлению текстов (с. 29—30). Затем идет основная часть работы — сами тексты, имеющие сплошную нумерацию и сгруппированные в пяти тематических разделах с несколькими подразделами: I. Тексты серии itkaḫi (№№ 1—4, с. 31—50); II. Тексты серии itkalzi (№№ 5—9, с. 51—100; а также: №№ 10—18, с. 101—150; и №№ 19—38, с. 151—207); III. Тексты, относящиеся к Ташмишарри (№№ 39—52, с. 209—285; а также: №№ 53—66, с. 286—312); IV. Фрагменты различной принадлежности (№№ 67—82, с. 313—328); V. Дополнения (№№ 83—85, с. 329—332). В конце книги помещен глоссарий к текстам, состоящий из 8 разделов (с. 333—500).

⁴ Нозадзе Н. Рец. на книгу: Das hurritologische Archiv..., Berlin, 1977. — В сб.: КБС, VI, Тбилиси, 1930, с. 179—184.

Несколько подробнее остановимся на «Введении», содержащем 6 глав.

В первой главе (Структура издания, с. 1—7) дается общая характеристика текстов, включенных в данное издание. Эти тексты сведены автором в один том из-за их связи с парой властителей Хеттского среднего царства Ташмишарри и Татухепы, относящихся к I половине XIV века до н. э.

Ядро данного собрания составляют тексты, описывающие серии катартических ритуалов *itkaḫi* (двуязычные, хетто-хурритские) и *itkalzi* (двуязычные и чисто хурритские), проводимые одним (изредка двумя) жрецом-заклинателем *LU(MEŠ)AZU*. Общим для всех двуязычных текстов обеих серий, по наблюдению автора, является то, что указания по проведению ритуалов даются на хеттском языке, а слова, произносимые жрецом, цитируются на хурритском. Заметим тут же, что Ф. Хаас дает переводы только хеттских пассажей, оставляя по вышеназванным причинам хурритоязычные фрагменты непереверденными.

Названия обоих ритуалов, по мнению автора, произведены из хурритского глагольного корня *itk-*, означающего «быть чистым». Мы бы заметили, что, по всей вероятности, корень *itk-*, является не глагольным, а недифференцированным, глагольно-прилагательным, характерным для хурритского, со значением «(есть) чистый».

В данный том включены также тексты различных жанров (напр., указы и акты), имеющие отношение к Ташмишарри.

Во второй главе (Наблюдения к хронологическим рамкам, с. 7—9) дана попытка идентифицировать личности Ташмишарри и Татухепы, а также некоторых других лиц, упомянутых в текстах. Автор рассматривает существующие в литературе взгляды на данный вопрос и приходит к заключению, что тут мы имеем дело с представителями хурритской ветви среднехеттских царей, относящимися к периоду до правления Суппилулиумы I, для которого последовательность смены царей точно не установлена. Наиболее вероятным признается отождествление Ташмишарри с Тутхалией III, так как в некоторых текстах рядом с последним также упоминается царица под именем Татухепа.

В третьей главе (К происхождению ритуалов, с. 10—11) указывается на город Шапинову, находившийся в северной части Центральной Анатолии, как на источник распространения данных ритуальных текстов, хотя их топонимика, так же, как и имена божеств, все же указывают на Северную Сирию и Месопотамию. Однако, этот факт немаловажен для установления северо-западных пределов хурритского этнокультурного влияния.

В четвертой главе (Датировка текстов, с. 11—14) автор, опираясь в основном на палеографические характеристики, считает большую часть опубликованных им табличек оригинальной, т. е. относящейся ко времени описываемых в них событий.

В пятой главе (Замечания к языку и структуре текстов, с. 14—15) автор на основании орфографических особенностей текстов приходит к справедливому заключению, что они относятся к хурритской писцовой традиции, хотя и отличаются от единовременной орфографии митаннийского письма. Это различие автор объясняет жанровыми особенностями названных текстов, из которых митаннийское письмо является образцом разговорно-канцелярского стиля, а ритуальные тексты из Богазкёя, напротив, обнаруживают особенности, присущие художественно-поэтическому стилю.

В шестой главе (Отношение серий itkaḥi и itkalzi к остальным катартическим ритуалам, с. 15—20) с привлечением обширного материала для сравнения показано, что в отличие от серии itkaḥi, имеющей единичные соответствия в других хетто-хурритских ритуалах, серия itkalzi обнаруживает довольно частые параллели в хеттской ритуальной литературе. Неслучайным является поэтому тот факт, что хурритский термин itkalzi имеет соответствие в хеттском, а именно, aiš šupriyahḫuwaš, означающее «омовение рта». Совпадения хурр. itkalzi, хетт. aiš šupriyahḫuwaš с одноименной шумеро-аккадской серией ритуалов, по мнению автора, поверхностны.

Заканчивая обсуждение I тома I части «Корпуса памятников хурритского языка», мы хотим отметить ту огромную и трудоемкую работу, которую провел Ф. Хаас по воссоединению фрагментов некоторых текстов, зачастую находящихся в разных изданиях, в коллекциях разных музеев. Число таких фрагментов для отдельных текстов (напр., для № 5) доходит до 16. Перед каждым таким текстом приводится схема воссоединения фрагментов.

Таким образом, можно заключить, что рецензируемое издание осуществлено на высоком уровне. Что же касается его значения как для хурритологии, так и для всей науки о древнем Ближнем Востоке, то, учитывая вышеизложенное, оно не должно вызывать сомнений. Остается только пожелать дальнейших успехов всем участникам хурритологического проекта в реализации их грандиозного замысла и с нетерпением ожидать следующих выпусков этого столь нужного труда.

И. Г. Мачавариани

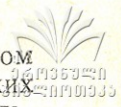
Значение топонимики как первостепенной важности источника для изучения этнокультурной и политической истории древневосточных обществ не вызывает сомнений. Поэтому появление нового фундаментального исследования известного советского востоковеда Н. В. Арутюняна, посвященного топонимике Урарту (Ответственный редактор Г. А. Меликишвили, рецензент Б. Б. Пиотровский), сразу же вызвало пристальный интерес широкого круга специалистов.

Отдельные аспекты исторической географии Урарту и сопредельных стран уже давно и весьма плодотворно изучаются советскими и зарубежными учеными¹. Много сделано в этой области древневосточной науки и автором рецензируемого труда — Н. В. Арутюняном². Однако без преувеличения можно сказать, что как по масштабу исследуемого географического ареала, так и всеобъемлемостью использованных письменных первоисточников и научной литературы, у «Топонимики Урарту» пока что нет аналога в советской и зарубежной историографии.

В рассматриваемой книге топонимика Урарту и сопредельных стран изучена в свете данных урартских, ассирийских

¹ См. например, Streck M. Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach der babylonisch-assyrischen Keilschriften — ZA, III. Band, 1 Heft. — Weimar, 1898; XIV Band, 1—2 Heft. — Berlin, 1899; XV Band, 2—4 Heft. — Berlin, 1901; Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt. I — Berlin, 1910; II — Berlin, Leipzig, 1926; II, 2 — Berlin, Leipzig, 1931; Forrer E. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. — Leipzig, 1920; Adontz N. Histoire d'Arménie. — Paris, 1946; Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. — Ереван, 1944; его же. Ванское царство Урарту. — М., 1959; Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, 1951, № 2. с. 255—356; его же. История Мидии. — М.-Л., 1956; его же. Урартские письма и документы. — М.-Л. 1963; его же. Предыстория армянского народа. — Ереван, 1968; Diakonoff I. M., Kashkai-Geographical Names According to Urartian Texts. — Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes. Band 9. — Wiesbaden, 1981; Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. — Тбилиси, 1954; его же. Урартские клинообразные надписи. — М., 1960; Ragola S. Nec-assyrian Texts. — Neukirchen-Vluyn, 1970 и др.

² См., например, Арутюнян Н. В. Земледелие и скотоводство Урарту. — Ереван, 1964; его же. Некоторые вопросы топонимики Урарту. — ИФЖ, 1965, № 1; его же. Бийнили (Урарту). Военнополитическая история и вопросы топонимики. — Ереван, 1970.

и хеттских клинописных эпиграфических памятников, с учетом сведений греко-римских, древнеармянских, древнегрузинских письменных источников. В исследовании максимально использованы существующие в настоящее время публикации урартских и ассирийских клинописных текстов, часть которых в научный оборот введена самим Н. В. Арутюняном, а зачастую и интерпретирована по-новому³.

В монографии максимально учтены достижения советской и зарубежной историографии по теме исследования.

В рецензируемой книге топонимы, этнонимы, гидронимы, оронимы и т. д. представлены в алфавитном порядке. Наряду с русским их чтением, даются транскрипции, фиксирующие фонетические особенности урартского языка, а также соответствующие детерминантивы (KUR — «страна», I — «племя», ŠADU — «гора», ID — «река», URU — «город», «поселение», I/KUR — «племенная территория» и т. д.).

Каждый очерк состоит из обзора первоисточников локализации изучаемой автором страны, территории племени, города, города-крепости, населенного пункта, горы, реки, долины, канала, самой локализации и ссылок на первоисточники и специальную литературу.

Книга снабжена схематической географической картой Урарту и сопредельных стран, указателями собственных имен, географических и этнических названий, а также списком сокращений.

При определении местонахождения той или иной географической и этнической единицы автор первым делом пользуется теми данными первоисточников, которые наиболее точно отображают их локализацию. В этой связи Н. В. Арутюнян особое внимание уделяет маршрутам военных походов урартских и ассирийских царей и надписям, воздвигнутым завоевателями в покоренных странах. При наличии соответствующего сравнительного материала с этой же целью в книге использованы свидетельства топонимики более поздних эпох,

³ См. например, Арутюнян Н. В. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блур. — ВДИ, 1957, № 3; его же. Заметки по урартской эпиграфике. — «Известия АН Армянской ССР» (общественные науки). — 1957, № 12; его же. Новые урартские надписи. — Ереван, 1966; его же. Чтение и интерпретация надписи из Гарни. — ИФЖ, 1966, № 2; Арутюнян Н. В., Оганесян К. Л. Новые урартские надписи из Эребуни. — ВДИ, 1970, № 3; Арутюнян Н. В. К интерпретации урартской надписи из Хаги. — Древний Восток, III. — Ереван, 1978; его же. La nouvelle inscription Ourartéene découverte en Arménie Soviétique. — Gesellschaft und Kultur im alten Vorderasien. — Berlin, 1982, S. 82—85 и др.

зафиксированные в античных, древнеармянских и древнегрузинских письменных источниках и на современных географических картах.

Сопоставление предложенных в рассматриваемой книге локализаций отдельных стран, племенных территорий, городов, населенных пунктов и т. д. с ранее существующими в научной литературе показывает, что монография содержит не одно новое, хорошо аргументированное положение по проблеме исследования⁴. Более того, целый ряд выводов о локализации географических и этнополитических единиц, встречающихся в книге, получены автором впервые⁵.

Трудно переоценить значение приложенной к книге схематической карты Урарту и сопредельных стран, наглядно отображающей основные итоги проведенного автором трудоемкого и сложного исследования.

Новая монография Н. В. Арутюняна «Топонимика Урарту» безусловно ценное приобретение исторической науки.

Хотим отметить и следующее. Не можем не высказать сожаления по поводу того, что автор в должной степени не использовал лувийско-иероглифические надписи I тыс. до н. э., содержащие важные для уточнения местонахождения рассматриваемых в книге географических и этнополитических единиц сведения⁶.

Н. В. Арутюнян еще в 1970 г. предложил новую, на наш взгляд, интересную и обоснованную интерпретацию Адильджевасской надписи Русы II вместе со страной Зиукуни, упоминающую страны Мушки(ни), Хате и Халиту⁷. Тем более обидно, что в книге ничего не сказано о локализации страны Халиту, а на схематической карте отсутствует не только ее наименование, но и страны Мушки(ни), о местонахождении которой, кстати, автор останавливается довольно-таки подробно⁸.

⁴ Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту, с. 12—13, 14, 17, 19, 20, 30, 35, 51, 52, 67, 85, 128—129, 184—185 и т. д.

⁵ Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту, с. 7, 11, 12, 18, 22, 26, 29, 30, 33, 34, 39, 43, 45, 46, 51, 52, 53, 54, 61, 62, 63, 65, 70, 72, 73, 74, 76, 82, 85, 86, 90, 94, 95, 97, 113, 116, 125, 129, 131, 138, 144 и т. д.

⁶ Так, к примеру, для более точной локализации Табала или страны т. н. «западных мусков» автор мог почерпнуть много полезного в лувийско-иероглифических надписях X—VIII вв. до н. э., в разное время открытых на Кызылдаге, в Султанхане, Кайсери, Сувасе, Топале; Чифликке, Боре, Каркемише и т. д. (Подробнее см. Хазарадзе Н. В. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (мосхи). — Тбилиси, 1985. (На груз. яз.; резюме на рус. и англ. яз., с. 72—125).

⁷ Арутюнян Н. В. Бийинли (Урарту), с. 323 и прим. 54; его же. Топонимика Урарту, с. 147.

⁸ Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту, с. 146—147.

Мы вполне согласны с представленной в монографии и на схематической карте локализацией местообитания касков в районе Восточно-Понтийских гор, полностью отвечающей требованиям хеттских письменных источников II тыс. до н. э. Однако для исследуемой автором эпохи подобная локализация касков кажется нам анахронизмом, т. к. не только в I, но и к концу II тыс. до н. э. месторасселение касков (каскайцев-абешлайцев) существенно меняется, перемещаясь южнее вышеотмеченной территории Восточно-Понтийского горного региона, о чем, как это хорошо известно и Н. В. Арутюняну⁹, свидетельствуют ассирийские письменные источники XII—VIII вв. до н. э.

Не можем не высказать сожаления и по поводу того, что в книге не затронут вопрос о грамматических особенностях изучаемых автором собственных имен.

Сделанные замечания имеют скорее характер пожеланий и ни в коей мере не умаляют значения и ценности рецензируемой книги.

В заключении хочется отметить, что новая монография Н. В. Арутюняна итог многолетних обстоятельных, трудоемких и плодотворных изысканий. Она является новым важным этапом в научном изучении актуальных проблем исторической географии Передней Азии и Кавказа.

Н. В. Хазарадзе

М. Л. ХАЧИКЯН. ХУРРИТСКИЙ И УРАРТСКИЙ ЯЗЫКИ. — ЕРЕВАН, 1985, 194 с.

Прошло почти сто лет со дня открытия митаннийского письма, однако, несмотря на то, что язык письма сразу же привлек внимание исследователей, хурритский язык по сей день остается одним из труднейших и все еще недостаточно изученных языков древней Передней Азии. Естественно, что появление каждой новой работы, посвященной изучению хурритского языка вызывает интерес ученых.

В 1985 году вышла в свет монография М. Л. Хачикян «Хурритский и урартский языки». Как отмечает ответственный редактор книги И. М. Дьяконов, монография была задумана как новое издание на русском языке книги И. М. Дьяконова «Хурритский и урартский языки», Мюнхен, 1971 (на немецком

⁹ Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту, с. 104—105, см. также ARAB, I, 226, 277, 311, 318, 772; II, 80, 92, 99, 118; АВИИУ, № 47 (10), 53 и др.

языке), которая представляет собой расширенный вариант главы из книги И. М. Дьяконова «Языки древней Передней Азии», Москва, 1967. Однако, в ходе работы выяснилось, что за истекшее время сделано немало новых наблюдений и открытий в области хурритского и урартского языков и их родства между собой и с кавказскими языками. Наряду с зарубежными и советскими публикациями были и собственные неопубликованные исследования М. Л. Хачикян. Таким образом, М. Л. Хачикян пришлось написать совершенно новую книгу. И. М. Дьяконовым составлены лишь некоторые разделы книги: «Типологическая характеристика», (с. 16—18), «Принципы аккадского слогового письма» (с. 23—27), «Урартская орфография» (с. 30—32), «Согласные» (с. 35—41), «Сонанты» (с. 41—42).

Монография является сравнительно-исторической грамматикой хурритского и урартского языков. Она состоит из следующих глав:

1. Типологическая и генеалогическая принадлежность. (с. 16—22).
2. Графика и орфография (с. 23—32).
3. Фонетика и фонология (с. 33—44).
4. Лексика (с. 45—56).
5. Структура слова и словообразование (с. 57—70).
6. Имя (с. 71—78).
7. Местоимение (с. 79—88).
8. Глагол (с. 89—112).
9. Наречия (с. 113—114).
10. Послелого (предлоги) (с. 115—118).
11. Союзы (с. 119—121).
12. Частицы (с. 122—124).
13. Синтаксис (с. 125—131).

В конце работы даются весьма интересные примечания и указатели слов и морфем хурритского и урартского языков и цитируемого материала из других языков; указаны также цитируемые места из различных хурритских и урартских текстов.

Во введении книги рассматривается вопрос о времени и месте распространения хурритов и урартов. Дана характеристика памятников хурритского и урартского языков с указанием места и времени публикации каждого текста. В параграфе «История изучения» в хронологическом порядке рассматриваются все работы, посвященные изучению лексики и грамматической структуры хурритского и урартского языков. Наряду с известными работами указывается и новейшая литература. Дается краткая характеристика каждой работы и по мере возможности указывается приоритет авторов относительно того или иного вопроса в истории изучения данной проблемы.

В первой главе дается типологическая характеристика хурритского и урартского языков. Не отрицая полезности классификации, предложенной Г. А. Климовым, автор предлагает заменить термин «активные языки» термином «финитивные языки» (с. 18). В работе уделяется внимание вопросу родства хурритского и урартского языков с кавказскими языками. На с. 19 говорится о диалектном членении хурритского и урартского языков. Выделены шесть диалектов хурритского («уркешский», «вавилонский», «диалект словаря», «угаритский», «богазкейский» и «митаннийский») и два диалекта урартского («ванский» и «муцацирский») языков. В работе дается характеристика всех диалектов в хронологическом порядке; рассматриваются отличительные черты каждого из них. Для наглядности дается схема соотношения хуррито-урартских диалектов в синхронии и диахронии (с. 22).

В главе «Графика и орфография» излагаются принципы аккадского слогового письма. Отдельно говорится о хурритской и урартской орфографиях.

Исследование фонетики и фонологии хурритского и урартского языков связано со значительными трудностями. В третьей главе детально рассматривается звуковой состав обоих языков. Дается сопоставительный анализ всей звуковой системы хурритского и урартского языков.

В главе «Лексика» изучается словарный запас хурритского и урартского языков. Автор дает полный список установленных урарто-хурритских лексических соответствий (82 слова) с разъяснениями в примечаниях. (К сожалению в списке пропущен хорошо известный глагольный корень *tap-* с идентичным значением в обоих языках «делать»; однако, глагол указывается на странице 57, *passim*). Выделены заимствования из других языков, в частности из аккадского и шумерского через аккадский, и возможно, субстратного языка, т. н. «прототигридского», или «бананового». При реконструировании некоторых хурритских слов автор прибегает к армянским заимствованиям: *anagə «олово», *kanik-ə «печать» и др. (с. 52, 141). В монографии рассмотрены также хурритские и урартские заимствования в других языках: в аккадском, хеттском, армянском. На стр. 55 сл. дается перечень заимствований из хуррито-урартских языков, зарегистрированных в армянском: арм. *aguġ* «обожженный кирпич» < акк. *agurru* [*<* шум. *al-ūr-(r)a*]; арм. *anapux* «мята» < хурр. *anapuh-ə; арм. *tarmajur* «ключевая вода» < хурр. *tarma(nə)* «источник» или урарт. *tarmanalə*, то же плюс арм. *jug* «вода» и т. д.

«Более сомнителен, ввиду отсутствия достаточно обстоя-
тельных исследований, вопрос о возможной хуррито-урартской
лексике в грузинском» — пишет автор на с. 56, и приводит
несколько общеизвестных примеров урартских (или хурит-
ских) слов, сохранившихся в припевах грузинских песен: *arī*
alale/arale, *ivri alale*, *aralo tari aralo*; упоминает также имя
грузинского божества *Kvira*, тождественного урартскому богу
Quega. Грузинский материал, ввиду отсутствия достаточно об-
стоятельных исследований — как справедливо отмечает ав-
тор, пока скудный. Однако, категорически отрицать наличие
такого материала в картвельских языках нам кажется необос-
нованным. Изучение картвельских и хуррито-урартских язы-
ков в связи с этой проблемой предстоит. В результате такого
исследования могут быть выявлены весьма интересные дан-
ные как в лексике, так и в грамматической структуре этих
языков. Здесь ограничимся несколькими примерами лексиче-
ских соответствий: хурр. *tibne* < акк. или общесемит. *tibnu*
«солома», ср. груз. *tibwa* «косить, сенокос» и *tiwa* «сено»; арм.
aguī «обожженный кирпич» < акк. *aguggu* < шум. *al-ūr-(r)a*, ср.
груз. *agug-* то же; хурр. *kad-* «говорить, сообщать», ср. груз.
kad-eba «сулить, обещать», *kad-ageba* «проповедовать, разглашать»,
kad-agi «проповедник, вестник»; хурр. *awagi* «поле»¹ ~ *вейнах.*, лак.
ar(e) «равнина», ср. груз. *are*, *are-mare* «поле, окрестность»; урарт.
arše «мальчики»¹ (колл.) ~ *авар. w-aš*, *анд. w-aša*, *дагг. urši* < *w-arši,
лак. *ars* и др. «сын», ср. груз. *waži* «сын»; хурр. *ezi*, урарт. *eša*
«небо»¹ ~ *бежит.*, *гуыз. has*, *цез.*, *хварш.*, *гинух. as* «туча», ср.
груз. *sa* «небо» и др.

В главе «Структура слова и словообразование» рассмат-
ривается корень, тематические гласные. Словообразователь-
ные форманты (суффиксы) автор разделяет на две группы:
а) основообразующие, или наращенные, присоединяемые непо-
средственно к корню или другому наращению, б) словообра-
зующие, или категориальные, присоединяемые к слову по-
средством соединительного гласного. Отдельно рассмат-
риваются глагольные и именные наращенные и определяются их
значения по мере возможности. К «категориальным» форман-
там автор относит: абстрагирующие суффиксы, суффиксы имен
действия/инфинитива, суффиксы, обозначающие деятеля, адъ-
ективные, адвербиальные, диминутивные суффиксы. Говорится
также о редупликации и словосложении.

¹ См. Дьяконов И. М., Хуррито-урартский и восточно-кавказские
языки, Древний Восток, III, Ереван, 1978, с. 31.

Отдельные главы посвящаются изучению частей имени (существительного, прилагательного и числительного), местоимения, глагола, наречий, послелогов (предлогов), союзов, частиц.

Работа снабжена таблицами, в которых параллельно описывается падежная система, местоимения, личные показатели глагола, типы спряжений, глагольные суффиксы и т. д. хурритского и урартского языков. К каждой таблице даются примечания и приводятся примеры. Дополняются парадигмы имени и глагола нововыявленными формами (падеж аблатив-инструменталис с окончанием -пə, выявленный Вильгельмом; комитатив с окончанием -гапə в урартском, выявленный Вильгельмом; личный местоименный суффикс второго лица единственного числа -т, -та, выявленный Тилем и Вегнер и др.) и формами, реконструированными на основе аналогии в других языках (хуррито-урартское вопросительное местоимение *(i)уə «что?» и урартское *ауə «кто?» и др.).

В монографии рассмотрены все основные проблемы хурритологии и урартологии. Автор использует обширную научную литературу и богатый иллюстративный материал.

Монография является ценным вкладом в хурритологию и урартологию. Она, безусловно, вызовет большой интерес ученых и станет прекрасным и необходимым пособием для исследователей хуррито-урартских языков.

Н. А. Нозадзе

ОТДЕЛУ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ — 35 ЛЕТ

В июне 1989 года исполняется 35 лет со дня основания Отдела древней истории — одной из ведущих ныне научных ячеек Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. Отдел был основан по непосредственной инициативе Георгия Александровича Меликишвили — одного из виднейших представителей советской исторической науки. Г. А. Меликишвили, которому и посвящается данный сборник, стал первым и бессменным заведующим созданным им отделом.

Это был период, когда в Грузии началась интенсивная подготовка молодых научных кадров не только в области античности, в том числе древней истории Грузии, но и в области истории Древнего Востока и древневосточной филологии. Если довоенный период изучения древневосточной проблематики в Грузии характеризовался тем, что именно в этот период был заложен солидный фундамент для развития таких древневосточных отраслей наук как урартология, хеттология и ассириология, то в послевоенный период началось бурное развитие этих отраслей наук, о котором давно мечтали акад. И. А. Джавахишвили, акад. С. Н. Джанашиа, акад. Г. В. Церетели.

Именно с этой целью в Отделе древней истории под руководством и усилиями Г. А. Меликишвили началась подготовка молодых научных кадров в вышеназванных отраслях наук. Вслед за первыми сотрудниками отдела М. П. Инадзе и Д. А. Хахутайшвили, исследовавшими вопросы истории древней Колхиды и Иберии, с середины 50-х годов в отделе появились молодые ученые, работавшие в области урартологии, хеттологии, ассириологии, а также античности (А. А. Барамидзе, Э. А. Менабде, Г. Г. Гиоргадзе, Н. В. Хазарадзе, Р. С. Рцхиладзе, Н. С. Джанашиа, Н. Ю. Ломоури). Позднее в отделе начали работать молодые ученые в области шумерологии (З. М. Шарашенидзе), древней истории и культуры Грузии (М. Ш. Хидашели, Г. С. Мамулия). В последние годы были подготовлены и подготавливаются ныне молодые научные кадры в разных областях науки, в том числе в области египтологии (М. Г. Хведелидзе), истории и филологии древнейшей Малой Азии (И. Г. Мачавариани, И. М. Татишвили, Э. К. Астахишвили, П. Р. Рамишвили, Ш. Н. Асатиани), ас-

сириологии (Н. Л. Мартиросова), древней истории Грузии (А. З. Сарджвеладзе), античного мира (А. ГамкRELИДзе). В отделе велась работа и по истории философии (Г. В. Коранашвили). В деле подготовки молодых научных кадров в области истории и языков древнего Ближнего Востока и античности сотрудникам отдела бесценную помощь оказывали и оказывают коллеги из Ленинграда (И. М. Дьяконов, Н. Б. Янковская, В. А. Якобсон и др.) и Москвы (М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, Г. А. Кошеленко и др.).

В настоящее время в отделе ведут научную деятельность один академик АН ГССР — Г. А. Меликишвили (тут же заметим, что один из бывших сотрудников отдела Д. А. Хахутайшвили, ныне директор Батумского научно-исследовательского института им. Н. А. Бердзенишвили АН ГССР, является членом-корреспондентом АН ГССР), 5 докторов исторических наук, 4 кандидата исторических наук, 9 сотрудников — соискателей ученой степени.

Многогранна научная тематика отдела. По линии древневосточной тематики под руководством акад. Г. А. Меликишвили разрабатывались и разрабатываются ассириологические, хеттологические, хурри-урартологические, египтологические проблемы, включающие в себя, в первую очередь, проблемы социально-экономического, историко-филологического, этно-лингвистического, культурно-религиозного характера. Особое внимание уделяется разработке вопросов античности, из которых выделяются проблемы по древней истории Грузии. В отделе исследуются и проблемы методологического характера.

Довольно многообразна и богата опубликованная научная продукция сотрудников отдела (включая и работы безвременно ушедших из жизни бывших сотрудников отдела — Э. А. Менабде и Н. С. Джанашиа). Это — десятки монографий, статьи, очерки, рецензии, опубликованные в республиканских, всесоюзных и зарубежных научных изданиях. Всеобщее признание получил основанный по инициативе акад. Г. А. Меликишвили «Кавказско-Ближневосточный сборник», IX том которого готовится к печати. В республике пользуется большой популярностью «История народов Древнего Востока» (на груз. яз.), созданная сотрудниками отдела и вышедшая вторым изданием под редакцией Г. А. Меликишвили. Вскоре выйдет в свет «Хрестоматия по истории народов Древнего Востока» (на груз. яз.). Перу сотрудников отдела принадлежит и ряд научно-популярных очерков по истории различных стран древнего Ближнего Востока. Информация о всех опубликованных в Грузии работах по истории и филологии Древнего Востока ежегодно публикуется в «Библиографии по клинописи» международного журнала *Orientalia* (выходит в Риме).

Некоторые из созданных сотрудниками отдела моногра-

фии получили всеобщее признание: «Наири-Урарту» и «Урартские клинообразные надписи» Г. А. Меликишвили были удостоены высокой награды страны — Ленинской премии (1957 г.), а его монография «Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии» получила Премию им. акад. И. А. Джавахишвили (1974 г.). Высоко была оценена книга Н. В. Хазарадзе «Этнополитические проблемы древней истории Грузии (мосхи)», которой была присуждена Премия им. акад. С. Н. Джанашиа (1985 г.).

Сотрудники отдела давно поддерживают тесные научные контакты не только с советскими коллегами, разных городов страны, но и с учеными зарубежных, в особенности, социалистических стран, в частности, ГДР, ЧССР, ВНР. Они — активные участники научных форумов по Древнему Востоку и античности, проведенных как у нас, так и за рубежом. Особенно плодотворно их участие во всесоюзных и зарубежных конференциях ассириологов и смежных дисциплин. Результаты их встречи на конференциях ассириологов социалистических стран — «Шульму», т. е. «Мир» (такие форумы уже проводились в Будапеште, Лейпциге, Праге, скоро ассириологи социалистических стран соберутся в Познани), а также на международных конференциях античников социалистических стран — «Эйрене» — «Мир».

Большие творческие планы на будущее у сотрудников отдела, составляющих один из передовых отрядов советских историков древности. Готовятся новые монографии, коллективные исследования по актуальным вопросам истории Древнего Востока и античности, новые научно-популярные очерки и т. д. Пожелаем сотрудникам отдела, их научному руководителю акад. Г. А. Меликишвили, новых творческих успехов во славу советской исторической науки.

Г. Г. Гиоргадзе.

I. ALIEV

THE ROLE OF MEDIAN ELEMENT IN ETHNICAL HISTORY OF ATROPATENA

The decisive role in the ethnic fates of Southern Azerbaijan played the conquest of Manna by Medians, that put an end to the existence of independent State system among local tribes almost for three centuries. Since that time and during centuries the Median ethnic element played the major role in political, social and cultural life of the country. The Median domination in Manna ought to intensify the perception of Iranian north-western dialects namely Median group, as a spoken language in Southern Azerbaijan.

Due to intensively proceeded assimilative processes, the Manneian tribes begin gradually merge with Medians probably in pre-Achaemenid period. The loss of choronym „Manna“ and ethnonym „manneians“ as early as the beginning of the VI century B. C. points to the deethnization of the population of Manna.

In the continuous interaction process of local ethnic elements and the foreign groups of the Median population on the territory of Southern Azerbaijan a new ethnos is gradually formed. Established in Hellenistic period a new ethnic community apparently differed very little from so to say „old“ Medians and as far as we know in ethno-cultural relation, in the field of social institutes etc., it was not closely connected with the local environment of previous epochs.

E. O. BERZIN

ON THE SOCIAL STRUCTURE OF THE INDO-EUROPEAN AND THE CAUCASIAN COMMUNITIES IN THE EARLY BRONZE AGE

The author considers that the three-varna system of the Indo-European society suggested by G. Dumézil finds its actual reflecti-

on in the archaeological monuments dating back to 5000—3000 B. C. discovered in the steppes and the forest-steppes between the Ural and the Dneper rivers. However, the scheme proposed by G. Dumézil requires some modification: the highest varna in the ancient Indo-European society was not the priests but the warriors.

At the same time the wide spread of the fairy-tale of the three brothers, particularly in its most archaic versions which retain the color symbols of all the three varnas, in the folklore of all the Caucasian peoples as well as the observation of Strabon regarding the three-varna structure of the Iberian society is a proof of the age-long existence of the three varna system in the Caucasus.

The likeness of the social structure born out of the similarity of the material conditions of the Indo-European and the Caucasian peoples going as far back as to the early Bronze Age at the least, is supported by the semblance of one of the ornamental elements—the God of the warriors, in the Indo-European and the Caucasian Bronze and the early Iron Age cultures.

M. A. DANDAMAYEV

PAY-OFF OF A MILITARY OBLIGATION IN ACHAEMENID BABYLONIA

Seven documents of the archive of Kuşurea, son of Sîn-aḫḫē-bullit, descendant of the barber, a resident in Ur, are discussed in the article (UET 4, nos. 38, 44, 48, 49, 57, 106 and 109). These texts give us some information on his activity during thirty six years, 399—363 B. C. He was a member of the temple community in Ur, being a holder of the office of the barber. Besides, he possessed an allotment of the bow and therefore was supposed to fulfill his military service as archer. This allotment could not have been granted to him by the royal administration since he was not a soldier. In all probability, he became the owner of the allotment under the guise of adoption by an insolvent debtor who was a royal archer. As a rule, the alienation of these allotments was not permitted. However, it is possible that in the Later Achaemenid period such allotments could even be sold on the consent of the royal administration. Therefore it is not excluded that Kuşurea bought his allotment. He hired other person to perform the royal duties connected with his allotment and rented out the land itself.

SACRIFICES IN TEIŠEBAINI (UKN 448): FROM THE SOCIAL
 LIFE IN URARTU

The paper attempts a new translation and interpretation of a part of the text UKN 448, as follows (I 10—22):

„...when they perform (this rite), an obligatory offering (MÁŠ. TUR) should be established (*nips-*) to Haldi, [a bull] let them slaughter for Haldi, a cow for Warubaini. When they build *pâhazule*, an obligatory offering should be established for Haldi, a bull [let them slaughter for Haldi], a cow for Warubaini. When they bring sons to Haldi's sanctuary (É.BÁRAG), an obligatory offering should be established; [the one who would not] give (his) son to serve (*ur-*) [in the sanctuary], let him, for that, collect stones (*qâ-qu-le*) from barren land, over and above(?) what he shall have given according to his oath (*elmuše*) to heaven. [When] they *wu-* [...] a ram for(?) the exit(?) from Haldi's gates, the wise man (*palâye*) who should be (there), let him place it in the sa[n]ctuary, and there(?) let him set it up before Haldi, before Warubaini, (and) then let him go, let him make an offering from the *serhani*-house of the *marde*-men; and that other (thing) which the *šûrele*-men may want to *wu-*, let him place it before the temple (*sâse*), let him lay it down, let him perform the [feast]-offering [...] for Haldi; then let him go, let him make an offering before Haldi's gates. Let the lord (of the town, *aluse*) make and account(?—*miripte*) and let (him) go; from the accounted (for) [...] before Haldi's gates. What is (intended) for offering from that which is from Haldi's gates, the fat (*zelde*) and the heart let them give to Rusâ. When the king is in Teišeba's Town, from the sacrificial meat, from the carcass(?—*parza-*) let them give the fat to the king, and what [...] is left over—to the house of Haldi; together with the blood (ZIMES), the fat from the performed (offering) let them carry away from there, (but) from the *serhani*-house let there be *nâhize* [...] ...one can carry away(?) of the meat; the *sure* together with the blood from the performed (offering) let no one leave for/in the *zumâye*; who (nevertheless) should leave [...], let him leave the double (*šinamdi*) for Haldi's house...“

From this text it follows, that obligatory sacrifices could be established both in connection with actions of individuals (surrendering children to serve—cf. *urordele* 'serfs, servants'—in the temp-

le), and with official occasions. The text confirms the data gleaned earlier from UKN 155 G and UPD 12 attesting to the division of the population of Urartu into *marele*, the nobility, the *šûrele* or the armed community members, the *hurâdinele* (=LÛ.ASI- <RUM>), or warriors from conquered and allied countries, the *urordinele*, or the 'helot' personnel of the temples and palaces, and the *porâle*, or slaves.

N. V. HAROUTHYOUNYAN

ON THE LOCALIZATION OF THE CITY OF IRDANIUNI OF THE URARTIAN INSCRIPTIONS

Irdaniuni is mentioned in the Urartian sources only once in the Marmashen (near Leninakan) inscription of Argishti I; the text of the inscription tells that the Urartian king „conquered the country of Eriakhi, conquered the city of Irdaniuni, (reached) the country of Ishkigulu“. The text of this inscription is nearly identical with the XIII year of the Khorkhor Annals of Argishti I, where it is said that Argishti I „conquered the country of Eriakhi, the country of the Katarza tribe, reached the country of Ishkigulu“.

The comparison of the Marmashen inscription with the above-mentioned passage of the Khorkhor Annals makes it possible to conclude that if in these inscriptions are coinciding the initial (Eriakhi) and the final (Ishkigulu) countries, then the intermediate objects must have been connected with each other. It is not excluded that Irdaniuni was the capital of Katarza.

By the way, the Marmashen inscription and the corresponding passage of the Khorkhor Annals have their analogies in the Lchashen inscription of the same Argishti I and in the another passage (the Vth year) of the Khorkhor Annals. Here in one case it is said: „I have conquered the country of the city of Kiekhuni, reached the country of the city of Ishtikuniu on she s a n a side of the sea“ (Lchashen inscription), and in the other case: „I have conquered the country of the city of Kikhuni, on the silunini side of the sea I reached the city of Alishtu“ (Khorkhor Annals).

So, as it is seen from this passage, the city of Alishtu belongs to the country of Ishtikuniu; both were placed near the sea, i.e.

Lake Sevan. In the same way the city of Irdaniuni of the Marma
shen inscription must have been the part of the Katarza country
(hist. Klardjeti-Kgarghk) of the Khorkhor Annals.

On the other side, it is not excluded that the city of Irdaniuni of the country of Katarza (ancient Georgian and Armenian Klardjeti-Kgarghk) is identical with the modern Artvin.

In this case we can cite some analogous localizations of the other ancient countries (on the both banks of the rivers); for example, Kummukh-Kumakha (class. Κομμυχηγή) and Meliddu-Maldiya-Melitea (class. Μελιτιγή, modern Malatya) on both banks of the Euphrates, Bit-Zamani on both banks of the Tigris.

S. HODJASH

A SEAL FROM EREBUNI WITH THE PICTURE OF HUNTING

Among the seals found in Erebuni distinguishes itself the ivory cylinder with the picture of hunting (H. 1,85, Dm. 0,5 cm.).

On the surface of the seal is cut out the figure of a hunter dressed in short clothes, leaving the knees opened, and wearing high boots with narrow toes bended upwards. On the head of the hunter there is a mask: the mask is fastened on the back of the head. Before the hunter there are two dogs: one of them is biting the hunted animal by the leg and the other clutched at its withers. The hunter himself is attacked by a lion standing on the hind legs and showing its teeth. The composition is crowned by an enormous tree. The iconography of the seal remembers the Fore Asian cylinders with the pictures of hunting. The pictures of hunting are well-known on the monuments of monumental art and glyptics of Urartu too.

The nearest analogies to this hunter, though separated by a distant period of time, can be the personages in masks in the picture of the procession on the silver cup from Trialety, attributed by B. A. Kufin to the Luvians. As it was established by the Academician G. A. Melikishvili, the inscription in the church of Sussi in Erebuni is dedicated to the Luvian god. Maybe the picture on the seal from Erebuni and the hunter on it are connected with the Luvian cult notions too.

ON THE INTERPRETATION OF ESHERA GREEK INSCRIPTION

Eshera greek inscription (found in 1975) is destroyed by the fire, but on the bases of preserved and partly restored during translation (T. S. Kaukchishvili) independent words and also extracts from text, one can express suggestion about historical facts and events reflected in them. An interpretation of text leads us to the conclusion, that Pontic State, having its economical interests in north Colchis with its ally—Heracleia, played a certain role in protection of the town, which was on the territory of present day Eshera, from raid robbery and also in its fortification from averting subsequent threat of piratical tribes.

W. A. JAKOBSON

WHERE DID GILGAMESH GO TO OBTAIN CEDERS?

The Akkadian poem of Gilgamesh tells about the travel of Gilgamesh and Enkidu to Lebanon. But the poem contains some indications allowing to conclude, that in earlier epics preceding this poem, the travel of the heroes was directed towards the east.

Analyse of historical data (inscriptions of early-dynastic and some other rulers), as well as the analyse of Sumerian epics and of the botanical data confirms this conclusion. I. M. Diakonoff has supported it by adding linguistical data: Sum. *eren* is derived from Akk. *erēnu* (common Sem. 'r'r with normal dissimilation of last conscrant) and not vice versa.

N. B. JANKOWSKA

HURRIANS IN KANISH

There is a tendency towards under estimation of the role of Hurrians in the system of the *kārum* Kanish. The reason is, that Hurrian names are rare in the published documents. Note however that they appear on all levels of the *kārum*'s activities: a Hurrian may appear as a member of the *kārum* itself (No 8), or take part in a responsible group receiving an oath relating to money accounts (No 2), in transportation of silver—a service requiring special confidence (No 11), as well as of load, the money of Aššur (No 13),

in transportation of objects of trade (No 2) and their distribution (No 10), in keeping in deposit of a considerable lot of textiles (No 9). All these operations were aimed at securing the main aims of the trade organization—the spading up the money circulation. This is why Hurrians could themselves act as creditores (No 1) and received interest free short term loans, which was a form of mutual aid between private partners (Nos. 4, 5, 6, 7, 12).

A case of competition with a wholesale trader of Aššur (No 12) points to a certain detachment of the Hurrian group. Hurrian names are sometimes replaced by Akkadian ones in the second generation; several reasons might have contributed to this.

The main mountain pass leading from Asia Minor to Syria was held by Hurrians; this may account for the briskness of the letter from the (Hurrian) king Anumhirbe of Ma'ma to the ruler of Kanish. Hurrians were also active in Buruṣhanda, a centre of wholesale trade in copper and wool.

M. L. KHAČIKYAN

THE TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE HURRIAN AND URARTIAN

The analysis of the lexical, syntactical and morphological levels of Hurrian and Urartian allows us to characterize them as advanced ergative languages (cf. the opposition of the ergative and absolutive series of personal affixes in the verb conjugation and of the ergative and absolutive cases in the noun declension, the absence of a voice diathesis, the presence of gerunds and infinitives) with some features of the active (fientive) typology in the archaic dialects of Hurrian, such as the objectless (absolutive) conjugation of the transitive verb, the opposition of the subject of action to the subject of state and the functioning of the nearest object in the dependent personal pronouns, the presence of the categorie of version, and a number of features, characteristic of the early nominative formation in the late dialects of Hurrian and especially in Urartian [cf. the presence of a special ergative, as well as of genitive, dative and instrumental, the formation of nominative and accusative in the dependent personal pronouns, of a reflexive pronoun (or the subjective version?) and of the opposition of the active and passive forms in the participles].

ANCIENT COLCHIAN IRON AND THE NEAR EAST

The paper generalizes the results of an archaeological study of the Colchian centre of ancient iron metallurgy comprised of five basic manufacturing seats situated in the foothill zone of the Eastern and South-Eastern Black Sea littoral.

Over 200 archaeological sites, involving remains of ancient iron-smelting foundries, have been brought to light in the territory of Western Georgia. Part of these sites has been excavated. According to calibrated radio-carbon dating, the earliest excavated iron foundry dates from the turn of the 19th-18th cent. B. C., and the latest, to the Early Classical period.

On the basis of a comparison of the materials from the Near-Eastern regions and ancient Colchis the author arrives at the conclusion that ancient Colchis was the principal manufacturer of iron as well as its main exporter to the advanced countries of the ancient Near East.

N. V. KHAZARADZE

THE LUWIAN-HIEROGLYPHIC INSCRIPTIONS OF HARTAPU

The purpose of the present communication is to study the Luwian-hieroglyphic inscriptions, discovered in Kizildağ, Karadağ and Aksaray-Burunkaya, belonging to Hartapu, „to Great king“ of „the country of the Muska“ (Mu-s³-ka^{KUR}).

In the present author's view, Luwian-hieroglyphic inscriptions of Hartapu should be dated not later than the 940s—930s B. C. The emergence of „the country of the Muska“, lying in the region of Kizildağ, Karadağ and Aksaray-Burunkaya—should apparently be placed in this, or possibly an earlier, date. The clearly „Hittite“ character of the inscriptions under study and the obvious desire of their author to relate his descent to the royal dynasty of the Hittites, and to represent himself in the rank of the „Great kings“ of the Hittite period doubtless speak in favour of the proposed dating of the inscriptions not later than to the turn of the 2nd-1st millennia B. C.

MODEL OF SANCTUARY IN CENTRAL TRANSCAUCASIA OF
 EARLY IRON AGE

In the beginning of the first millennium B. C. large tribal societies were formed in Central Transcaucasia. A process of ideological unification of those tribes have taken place. Number of cult centres of social significance serving big communities was increased. Monuments like these have great importance for the study of different aspects of social life; but these monuments have no marks, which might be helpful in the reconstruction of the whole picture of religious service. The ritual object that proved to be of great interest for the study of this important problem, was found in Eastern Georgia. This object was discovered in treasure of lounders of VIII-VII B. C. This monument represents a miniature model of temple complex, which consists of a quadrangular temple and the arched altar with a hearth attached to it. Anthropomorphic figures represent tribal deities. In the same place we can see a scene of ritual feast. At the hearth the ritual of sacred copulation between deities is performed. This ritual is connected with the cult of fertile forces of nature.

R. S. RTSKHILADZE

THE TERMS FOR „SLAVE“ IN HERODOTOS „HISTORY“

The paper discusses the terms „δοῦλος“, „ἀνδράποδον and οἰκέτης which were used by Herodotos to designate the concept of „slave“. As the result of the analysis of the term „δοῦλος“ it is concluded that it has both the general meaning of an antithesis of freedom and a concret meaning qualifying certain individuals or definite social groups. Most interesting are the examples illustrating the fact that the term „δοῦλος“ was used as the most broad concept of slavery and „ἀνδράποδον“ as a concept defining a captive slave. Some examples emphasizing the property aspect of the concept „ἀνδράποδον“ are also identified, but more frequent are cases, when the term is used in the sense of capture slaves, which was characteristic of the period in question. Herodotos uses the term „οἰκέτης“ to denote a servant—both in the old and his contemporary time. It is stated tha the could achieve a higher socio-economic position if his condition was favorable.

ŠE-BA—FOOD RATION OR EMOLUMENT?

The present article analyzes the data from the documents carrying information concerning the diet of freemen and slaves (captives) in Sumer in the III dynasty of Ur. It has come to light that bread/flour, vegetable oil and beer were staple foods and indispensable constituents of the ration. They were issued all at once and in the amount that could be sufficient to maintain the recipient.

With these the author compares the products (namely, grain, sometimes vegetable oil and very rarely beer and fish) designated by the term „še-ba“ and issued by the end of the month to the farm hands and other workmen engaged at the state-owned estates. These products were almost never dispensed all at once. Besides, their quantity was always different. Before they were to be issued to the workmen, the administrators of the estate took into account the number of the working days the men had actually put in. The administration never stopped to think whether this amount could last the workman a month. The author, therefore, believes it expedient to interpret the term „še-ba“ as emoluments and not food rations.

I. Sch. SCHIFFMANN

NOTULAE IN EPIGRAPHICAM PHOENICICAM

The article consists of two paragraphs. In the first one the author presents an examination of the Phoenician sacral titles *mqm 'lm* and *mqm 'lm mtrx 'štrny*. The *mqm 'lm* can be a person sacrificing a divine statue in the temple; the *mtrx 'štrny* is „a fertile husband (of a goddess)“ in the sacral marriage. The second paragraph is devoted to the terme *mzrx* interpreted as an equivalent to the Greek polis (a collective body of the citizens).

S. S. SOLOVJEVA

EGYPTIAN SACRAL THINGS AND REPRESENTATIONS IN ASSYRIA

On the territory of Ancient Mesopotamia during excavations of Nineveh, Kalhu, Nippur and other cities the archaeologists found

egyptian sacral things and representations dated back mainly to the 8th-7th centuries B. C.

They can be divided into some groups: these are the statuettes of egyptian gods and Pharaoh's statuetts, the scarabs made of faience and ivory, the representations of scarabs on the luxurians bronze things, seals and their prints with sacral representations, Handicrafts and works of art, supplied with egyptian religions symbolies and made in the so-called egyptian-like style.

Many of these sacral things in the spirit of the aggressive policy of that time were taken away from the defeated country to Assyria because the conquerors considered such an act as a chance to deprive the defeated of the protection of their gods. Some part of them might have appeared in Assyria during diplomatic contacts followed by making offerings. Another part is a property of the egyptians deported to Mesopotamia. Many appeared in Assyria as a result of its trade relations with Egypt. A significant part of the things with egyptian religions symbolies was produced by phoenician and syrian handicraftsmen, because the region they inhabited was under pressure of egyptian culture.

I. A. STUČEWSKI

THE PROBLEM OF THE SLAVERY AND OF THE SO-CALLED HELOTS

The present article surveys the theoretical prerequisites for the analysis of the notion of „slave“. In the author's opinion, only a completely legally expropriated personality who was somebody's property can be regarded as a slave. No economic signs of his state exist outside this basic legal sign. A slave could be fully deprived of the means of production or could for a long time possess them as a conventional user—a peclist or even a proprietor—but he necessarily had to be somebody's property.

A slave as a property is fundamentally different from the dependent land-tillers of the Ancient East—subjects of the state where they were exploited. Dependent land-tillers as subjects had nothing in common with Spartan helots, who were state slaves—a property of the state of the Spartiates.

The author assumes that the tax paid by the land-tillers to the state was a form of their explotation since this tax constituted the material foundation of the very existence of the state and all its

privileged classes. Domestic slavery, despite a considerable degree of its development, could not make any concrete society a slave-owning society since the slave-owning formation was characterized by the economic (qualitative, but not necessarily quantitative) prevalence of slave labour in the predominant system of social production. The majority of the countries of the Ancient East, if not all these countries, in spite of a fairly high level of development of the slave-owning system, in terms of formations, should be categorized as feudal rather than slave-owning.

K. TSERETELI

FROM AKKADIAN-ARAMAIC LINGUISTIC INTERRELATIONS. NOTES ON ARAMAIC PHONOLOGY

The paper discusses the nature and origin of the spirant *z*, corresponding to the Proto-Semitic (P/S) interdental *d*, in the classical Mandaean language (Middle Aramaic dialect of Mesopotamia), which is considered to be a deviation from the Common Aramaic where in the present case an occlusive *d* is evidenced rather than a fricative. Having traced the entire path of development of P/S interdental *d* in Aramaic—beginning with ancient Aramaic monuments to the present day (3000 years)—the author arrives at the conclusion that the P/S **d > d* is not characteristic of the entire Aramaic language, and hence it cannot be considered a Common Aramaic feature—as accepted today—but only for a definite stage of its development (since the 7th cent. B. C.). Taking into account the rendering of *d* and *d* with the same sign in Ugaritic, the existence of doublets with *z* and with *d* (for P/S *d*) in Mandaean, and even in Imperial Aramaic, as well as drawing on relevant material from modern Arabic dialects (repeatedly pointed out by scholars), the following picture of development of P/S *d > P/Aram d > Aram d/z*. The latter (*z*) survived for a long time in the speech of Aramaeans of Mesopotamia, in which the influence of the Akkadian language substrate that had the consonant *z* for P/S *d* should be seen. Subsequently, the widespread occlusive pronunciation of the historical *d* (*d*) supplanted the spirant *z*, and only then did it become a Common Aramaic feature.

CIMMERIANS, SCYTHIANS AND SACAE IN ANCIENT AZERBAIDJAN

The irruption of the Cimmerians, Scythians and Sacae into Western Asia created a new political situation which is reflected in the ancient documents. The penetration of these tribes into Western Asia was on a massive scale. It resulted in the formation of the Scythian kingdom in the region of Lakes Van and Urmia between the states of Urartu and Mannea. According to Esarhaddon and Assurbanipal documents in the region of Mannea—a state on the territory of South Azerbaidjan—concentrated not only Cimmerians but Sacae and Scythians as well. In the 670's BC two strong centres of the Cimmero-Scytho-Sacae alliance emerged to the north of Assyria—one to the south or south-west of Urartu with Partatua at its head, and the other to the north and north-west of Mannea with Ishpakai at its head. The third Cimmero-Scytho-Sacae alliance was formed on the Transcaucasian territory which assumed G. A. Melikishvili. The centre of this alliance was probably in the East Georgia and west of Azerbaidjan on both banks of the Kura river where one can localize accordingly Gugareans-Scythians and Sacaeans-Sacasena of Strabo, Sacasans of Pliny and Sacesins of Arrian—participants of the troops of Darius III, King of Persia. Modern placenames of north-western Azerbaidjan kept the names Gimir and Gimirli (-li is the possessive suffix), which correspond to „Gimir, Gimirraya“ of Assyrian cuneiform sources. There is Zakatala placename in the same region that goes back to Sacatala „the valley of Saca“. With the name of Sacae is also connected Sacasen/Sacesin of antique sources and name of modern town Sheki. In ancient times Sacae were also the residents of South Azerbaidjan and they settled in the north as far as the space between the Araxes and the Kura rivers.

J. P. WEINBERG

THE DIPLOMATIC PRACTICE OF THE PALESTINIAN STATES OF THE FIRST MILLENIUM B. C.

Based on the analysis of the Old Testament and epigraphic data the article discusses the levels („we-we“, „we-they“, „they-they“), the executors (the king, different officials) and their sacrality, the means and modes (the publicity, the exchange of gifts, the predominance of the oral word etc.), the aims (the interstate economic cooperation, the short-term of long-term military-political cooperation) and the main form of completing and drawing up of diplomatic activities (the b^erit) of the preexilic palestinian states.

შენიშვნები — СОДЕРЖАНИЕ

ზოგადი — Общие работы

Меликишвили Г. А. Об основных типах классовых обществ 5

ძველი აღმოსავლეთი — Древний Восток

Алиев И. Роль мидийского элемента в этнической истории Атропатены	19
Арутюнян Н. В. К локализации города Ирданиуши урартской клинописи	27
Вейнберг И. П. Дипломатическая практика палестинских государств I тысячелетия до н. э.	36
Гамкрелидзе Т. В. Реконструкция индоевропейского праязыка и гипотеза об «азиатской прародине» индоевропейцев	44
Дандамаев М. А. Откуп воинской повинности в ахеменидской Вавилонии	50
Дьяконов И. М. Жертвоприношения в Тейшебаини (УКН 448)	55
Соловьева С. С. Египетские сакральные предметы и изображения в Ассирии	69
Стучевский И. А. Проблема рабства и, так называемой, «илотики»	76
Хазарадзе Н. В. Лувийско-иероглифические надписи Хартапу	84
Хачикян М. Л. К типологической характеристике хурритского и урартского языков	94
Ходжаш С. И. Печать из Эрбуни со сценой охоты	102
Церетели К. Г. Из аккадско-арамейских языковых взаимоотношений	105
Шарашенидзе Дж. М. ṢE-BA — рацион или вознаграждение труда	114
Шифман И. Ш. Заметки по финикийской эпиграфике	122
Якобсон В. А. Куда Гильгамеш ходил за кедами?	128
Янковская Н. Б. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н. э.)	133

ძველი კავკასია — Древний Кавказ

Берзин Э. О. О социальной структуре индоевропейской и кавказской общностей в раннем бронзовом веке	140
15. Кавказско-ближневосточный сборник, VIII	225

Инадзе М. П. К интерпретации эшерской греческой надписи	148
Рцхиладзе Р. С. Термины, обозначающие рабов в «Истории» Геродота	159
Хахутайшвили Д. А. Древнеколхидское железо и Ближний Восток	168
Хидашели М. М. Модель святилища Центрального Закавказья эпохи раннего железа	173
Юсифов Ю. Б. Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане	181

რეცენზიები — Рецензии

Татишвили И. М. — S. Alp. Beiträge zur Erforschung des hethitischen Tempels	193
Мачавариани И. Г. — Naas V. Die Serien itkahi	196
Хазарадзе Н. В. — Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту	200
Нозадзе Н. А. — Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки	203

ქრონიკა — Хроника

გიორგაძე გ. გ. Отделу древней истории — 35 лет	208
უცხოური რეზიუმეები — Иностранные резюме	211

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3759

Редактор издательства Л. Г. Ахалкаци
Художник Г. А. Ломидзе
Худож. редактор И. В. Сихарулидзе
Техредактор Э. Б. Бокерия
Корректор Ц. Г. Кетиашвили
Выпускающий Е. Г. Майсурадзе

Сдано в набор 17.12.1987; Подписано к печати 4.7.1988; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печать высокая;
Гарнитура лит.; Усл. печ. л. 14,25; Уч.-изд. л. 13,50; Усл. кр. отт. 14,63;
УЭ 02416; Тираж 1300; Заказ 4006;
Цена 2 руб. 50 коп.

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

№ 1/26

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

КАВКАЗСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ СБОРНИК

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1988

კავკასიურ-ახლოაღმოსავლური კრებული

„მეცნიერება“

თბილისი

1988

